

НИЛ ДОНАЛД УОЛШ
МОМЕНТЫ БЛАГОДАТИ
Книга 6

"СОФИЯ" | ИД "ГЕЛИОС" | 2002

Пер с англ. Е Мирошниченко. — К : «София», 2002 М.: ИД «Гелиос», 2002. — 256 с. / ISBN 5-344-00192 М.: (ИД «Гелиос»)

Эта книга — крепкое объятие с Богом или хотя бы почтительный поклон Ему, благодарственная любовная записка.

Я надеюсь, что, когда вы дочитаете эту книгу, вам покажется. Что вас только что обнял Бог. Знаете почему? Потому что Бог всегда отвечает на объятия.

Когда мы обнимаем Бога, Он обнимает нас. И даже не так — Бог обнимает прежде.

Именно об этом и говорит эта книга. Она повествует о моментах в нашей жизни, когда приходи Бог и крепко-крепко обнимает вас. Эти объятия выражаются совершенно по-разному, и здесь вы увидите, как это происходит. Немедленное исполнение молитв, "знаки небес", чудесное разрешение проблем — все это здесь, на следующих страницах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности

Введение

1. Когда жизнь изменяет свой курс
 2. Есть множество домов
 3. Попутка
 4. Чудеса случаются
 5. Беззвучный голос
 6. Бог тоже поет?
 7. Посланица небес!
 8. Благоприятные злключения
 9. Божий замысел
 10. И поведет их ребенок
 11. Наш друг на небесах
 12. Путешествия души
 13. Мир теней
 14. Видеть священное в каждом моменте
 15. Принять благословение никогда не поздно
 16. Дар пророчества
 17. Дар целительства
 18. Воистину «грандиозный» знак
 19. Музыка для его ушей
 20. Послание для матери
 21. Приглашение
- В заключение
Приложение
О людях, с которыми вы тут познакомились:
Об авторе

Посвящается тебе, мама.

Прежде всего я хочу выразить признательность своему лучшему другу, Богу. В последнее время Он был воистину неподражаем. Хотя на самом деле Он всегда неподражаем, но в последнее время я стал обращать на Него гораздо больше внимания, а поэтому больше вижу. Спасибо, Боже. Ты великолепен.

Затем я хочу поблагодарить свою замечательную жену Нэнси. Она близка к Богу настолько, насколько я почти и не надеюсь приблизиться к нему в этой жизни. Нэнси — это доказательство существования ангелов. Когда-нибудь я напишу о своей жене книгу — не для печати, а так, для себя — и озаглавлю ее «Доказательство существования ангелов». Книга, которую вы держите в руках, — в значительной степени плод неоценимых советов Нэнси и ее издательского гения.

Я глубоко признателен моему верному другу Рите Кертис, отредактировавшей приведенные в этой книге личные истории. Перед этим ей пришлось прочесть сотни исповедей, из которых мы отобрали лишь некоторые. Без ее самоотверженной помощи осуществление данного проекта было бы просто невозможно.

И еще я хочу на этих страницах отдать дань уважения своему издателю, Роберту Фридмэну, который всегда слушается Господа, если Тот говорит ему: «О'кей, Боб, мы должны заняться этим...». Боб Фридмэн и его издательство «Hampton Roads» — ото мечта любого автора.

ВВЕДЕНИЕ

«Может быть, Бог умер?»

Один из важнейших вопросов шестидесятых годов прошлого столетия. Его задавал каждый. Об этом говорили. Эти слова писали на наклейках для бамперов. Это была чуть ли не ключевая фраза того времени — культурный феномен. Конечно, никто всерьез не думал, что Бог мертв. Просто общество нашло для себя хороший повод побеседовать о той роли, которую Бог играет в нашей жизни.

Наряду с другими лозунгами, вроде «Занимайтесь любовью, а не войной» и «Попробуйте жить мирно», эти четыре слова о Боге вобрали в себя настроение целого поколения искателей — в основном, молодых людей с волосами до плеч (как у юношей, так и у девушек), чья одежда нередко состояла только из бисерных украшений (иногда они появлялись так даже па публице). Эти ребята никак не могли взять в толк, к чему вся эта суeta в мире и почему бы не решить все сложнейшие проблемы жизни, просто обняв друг друга. «Послушай, приятель, не нужно драться, собирай-ка лучше цветы».

Самое смешное, что они были правы. Мы действительно можем решить все проблемы, просто обняв друг друга.

Закончились 1900-е годы, мы вошли в 2000-е, но так и не поняли еще, как осуществить это на практике. Как мы можем обняться, если мы даже не знаем друг друга и между нами пролегли такие огромные расстояния. Ради всего святого! Ведь мы даже сами себя обнять (то есть объять) не можем — все по той же причине.

Мы не вправе даже попытаться полюбить себя и других. Это слишком глупо. Слишком старомодно. Это ну, это все — хипповские штучки. А мы — взрослые люди. Так что давайте-ка просто жить своей жизнью, ладно? Ходить на работу, платить по счетам, выполнять обязанности и обещания, хранить расшатывать матрицу. Нельзя ли просто делать все вышеперечисленное и не заниматься всякой чепухой.

И все таки вопросы шестидесятых остаются. Где среди всего этого любовь? И где здесь Бог?

Мы пытаемся разобраться в этом, вглядываясь в разнообразные явления жизни. Поскольку мы — общество, поскольку мы — мир, нам нужно во всем этом разобраться.

Я хочу предложить вам исходную точку для этого поиска начните с объятий.

Эта книга — крепкое объятие с Богом или хотя бы почти тельный поклон Ему, благодарственная записка. Нет, нет, нет — любовная записка.

Я надеюсь, что, когда вы дочитаете эту книгу, вам покажется, что вас только что обнял Бог. Знаете почему? Потому что Бог всегда отвечает на объятия.

Когда мы обнимаем Бога, Он обнимает Нас! Ах, нет же, наоборот — Бог обнимает прежде.

Именно об этом и говорит моя книга. Она повествует о моментах в нашей жизни, когда приходит Бог и крепко-крепко обнимает нас. Эти объятия выражаются совершенно по разному, и здесь вы увидите, как это происходит. Немедленное исполнение молитв, «знаки» небес, чудесное разрешение проблем — все это здесь, на следующих страницах.

Это реальные истории из жизни реальных людей

Они сами поведали мне обо всем этом. Потому что я попросил их. Мне хотелось знать, исключителен ли мой опыт общения с Богом, или (как я на самом деле и подозревал) мы общаемся с ним все, но все об этом молчали. Или почти все.

Так было до сих пор.

Я счастлив, что мои «Беседы с Богом» побудили людей говорить о Боге. Даже те, кто не согласны с прочитанным в этих книгах, по меньшей мере получили повод лишний раз обратиться к собственным истинам о Божественном. И это хорошо. Это подействовало на людей так же, как старый вопрос «Уж не мертв ли Бог?» — вопрос, который стал для нас как бы дозволением взглянуть на предмет попристальнее.

А сейчас перед вами собрание исповедей люди рассказывают о случаях из своей жизни, когда они видели работу Бога. Я сопроводил эти истории комментариями и размышлениями, основанными на богатом материале пяти моих книг «С Богом» (полторы тысячи страниц).

Я довольно мною ссылался на эти книги, поскольку мне кажется, что они полны дивных и полезных посланий, а при помощи историй, которые вы сейчас прочтете, я хотел наглядно показать вам, что «Беседы с Богом» напрямую связаны с нашей повседневной практической жизнью.

Итак, надеюсь, что это небольшое путешествие доставит вам удовольствие.

Здесь мы узнаем всё о чудесах и поймем, как можно творить их в *собственной* жизни.

Мы услышим — не от меня, но из уст других людей — кое-что о магии Бога.

О невероятных синхронных событиях, о божественных голосах, о необыкновенных совпадениях, о случайных репликах детей, которые доносят мудрость непосредственно от Бога, о спонтанных событиях, совершенно необъяснимых, если не принять единственное возможное в этих случаях объяснение.

Это сделал Бог. Нет, Бог не мертв. Вот доказательства:

Моменты Благодати — это мгновения, когда Бог вмешивается в нашу жизнь, и вмешательство это очень реально, непосредственно и зримо. Когда происходит что-то (масштаб события тут не имеет значения), что вызывает Изменение Курса.

Вы пережили Момент Благодати, когда взяли в руки эту книгу.

Божественное входит в нашу жизнь со всех сторон. А после того, как мы открываемся для чудес, этот поток усиливается. Едва мы отпираем в своей душе дверцу для прикосновений Бога, начинается то, что прежде могло нам только сниться. Сбываются мечты.

Несколько лет назад я написал книгу «Беседы с Богом», которая привлекла к себе внимание людей во всем мире. Я верю, что эта книга была вдохновлена непосредственно Богом в Моменты Благодати. И мне совершенно ясно, что не я один черпаю вдохновение из этого источника, не я один переживаю такие моменты. Ибо если «Беседы с Богом» чему-то учат, то именно тому, что Бог говорит с каждым из нас, всегда. Но слышать Его мы можем лишь тогда, когда открыт для этого.

И пусть имеющие уши да услышат.

Но сейчас я сообщу вам еще одну удивительную новость:

Бог не только беседует с нами, но каждый день приходит к нам лично.

Именно о таких визитах эта книга.

Она поможет вам изменить курс своей жизни, ибо в ней речь идет о реальных людях — таких, как вы и я.

Я расскажу вам не о мастерах, не о гуру, не о святых или мудрецах, но о самых обыкновенных людях, которые «столкнулись с Богом» и теперь уже никогда об этом не забудут. И именно потому, что речь здесь идет о реальных людях, живущих такой же жизнью, как мы с вами, эти рассказы очень убедительно отвечают на вопрос, сказывается ли на нашей судьбе некая запредельная сила.

Лично я полагаю, что эта сила называется Бог. Вы можете называть ее как-нибудь иначе — все равно как. И как бы вы ее ни называли — совпадение, наитие, синхронность, удача, интуиция, вдохновение, — после того, как вы прочтете эту книгу, вам будет очень сложно отрицать, что это есть.

Воистину есть. В нашей жизни. Каждый день. Творит чудеса. Совершает волшебство. Меняет все.

Это происходит в жизни каждого.

Дженис Тук 43 года, она живет в городке Херкимер, штат Нью-Йорк. В ее жизни это случилось так:

Мы с моим одиннадцатилетним сыном выехали за город и отправились на речку Хадсон, чтобы денек-другой посидеть на берегу и покататься на лодке. Во время двухчасовой поездки слушали магнитофонную версию «Бесед с Богом» — мы всегда так делаем, когда едем вдвоем в машине.

Стоял теплый августовский день, омытый ярким солнцем. Вокруг порхало необычайно много бабочек-монархов. Мы неспешно плыли по реке, меня переполняли свет и любовь, и я представила себе Иисуса: он стоял посреди поля, раскинув руки, и призывал к себе бабочек. Они прилетали на зов — изумительные черно-оранжевые бабочки — и укрывали его с головы до ног, садились на плечи, на руки, на голову. Образ был очень красивый, и мое сердце исполнилось покоя.

Ощувив в тот момент, что я — одно с Богом, я представила себе, что тоже призываю к себе бабочек точно так же. Это был прекрасный миг, истинное пиршество сознания. Хотелось, чтобы оно никогда не заканчивалось.

Затем в сердце мое забрались человеческие сомнения. Возможно, я сама все это выдумываю, подумалось мне. Все эти чувства и видения — всего лишь плоды моего воображения. Я растерялась и расстроилась. Мне страстно захотелось каким-то образом убедиться, что Бог есть, а я — Его часть.

Тогда я попросила Бога подать мне знак: зримо явить Свое присутствие во время этого нашего путешествия. Я не хотела ждать долго. Мне нужно было, чтобы это произошло именно во время этого путешествия, прямо там и тогда. Я даже сформулировала свое пожелание особым образом: «Я намерена получить знак», — сказала я себе.

Вечером мы разбили лагерь на острове. Утро встретило нас необычайно красивым рассветом. Едва я проснулась, мне в глаза посыпались отраженные от волн солнечные искорки. Усевшись за раскладной столик, я стала смотреть, как на берег пляжа накатываются волны. Тут ниоткуда явилась большая бабочка-монарх и затанцевала прямо передо мной. Затем я с удивлением увидела, как она облетела вокруг палатки, в которой еще спал мой сын.

Тогда я сказала ей:

— Какая же ты красавица! Иди-ка сюда и взгляни на меня!

Я протянула руку и изумилась: бабочка и вправду уселась мне на ладонь!

Как прекрасна она была! Огромные безупречные черно-оранжевые крылья. Она сидела у меня на ладони несколько секунд. Услышав мой голос, проснулся сын и, высунув голову из палатки, тоже увидел сидящую на моей ладони бабочку. Мы оба были очарованы.

Конечно же, я знала, кто прислал этот дар. Знала потому, что сделала это сама. И я знаю, что могу это делать — в моменты благодарности, восхваления и чистого единения со Всем Сущим, — и на это способен каждый.

Если вы невнимательны, то можете просто не увидеть всего великолепия этого момента. Или, возможно, признаете, что случай очень мил, но ничего не доказывает, а Дженис просто за уши притягивает факты, чтобы извлечь из них какие-то значения.

Хорошо, но что вы скажете Биллу Колсону из Леи, штат Юта?

Мой отец дышал тяжело и натужно. Вот уже много дней он находился на границе между жизнью и смертью. В доме собралась вся семья, и мы непрерывно дежурили у его постели.

Отец умирал от рака. По его ослабевшему телу — казалось, оно тает прямо у нас на глазах — то и дело проходили судороги боли. Он уже не мог жаловаться. За последние семьдесят два часа он не сказал ни слова, даже не открывал глаз.

— Боже мой, — тихо произнесла моя мама, сидевшая у его кровати, — сколько же это может продолжаться?

Был час ночи, и бедняжка совсем выбилась из сил. Как и мы все. Они с мамой прожили вместе шестьдесят один год. Ничто и никто не могло теперь увести ее от кровати отца.

Вот тогда-то и состоялась моя беседа с Богом.

— Неужели он должен так страдать? — спросил я Его безмолвно, но настойчиво, вложив в эти слова всю силу моего сердца. — Он был хорошим человеком, Боже. И его работа здесь уже закончилась. Ничто не осталось незавершенным, ему уже нечего делать тут. Пожалуйста, заberi его, сейчас же. Почему бы Тебе не избавить его от боли? Если Ты тут. Боже, — а я знаю, что Ты тут, — пожалуйста, пусть это закончится.

В тот же миг дыхание отца стало не таким натужным. За три минуты он ускользнул. Мягко. Словно заснул глубоким сном.

Мои глаза налились слезами. Я и прежде никогда не сомневался в Боге. Теперь же мне и в голову никогда не придет сомневаться в Нем.

Совпадение? Синхронность? Я так не думаю.

Момент Благодати? Да.

Моменты Благодати — это мгновения, когда Бог вмешивается в нашу жизнь, и вмешательство это очень реально, непосредственно и зримо. Когда происходит что-то (масштаб события тут не имеет значения), что вызывает Изменение Курса.

Вы пережили Момент Благодати, когда взяли в руки эту книгу.

ЕСТЬ МНОЖЕСТВО ДОМОВ¹

Тридцать лет назад Билл Такер получил урок веры и не забывал этот урок никогда. Он много раз возвращался к нему, чтобы напомнить себе: Нет ничего невозможного.

Нужно лишь одно.

Вера.

На тот момент Билл лично не продал ни одного дома, хотя имел соответствующую лицензию и служил менеджером в агентстве по продаже недвижимости. Он частенько засиживался в конторе допоздна, чтобы с ним могли связаться агенты, вернувшиеся с вечерних просмотров.

В обязанности Билла входил анализ запросов, и ему почему-то не хотелось лично заключать какие бы то ни было сделки; а тем более упускать их — отсутствуя на рабочем месте.

«Однако десять часов — время позднее для любого офиса, — решил он однажды, взглянув на часы и зевнув. — Пойду-ка я домой. Будем считать, что уже ночь». Но тут он услышал голоса у дверей. «Должно быть, я забыл запереть дверь», — сказал себе Билл и пошел посмотреть, что там происходит.

— Простите, — обратился он к молодой паре, стоявшей в приемной, — офис закрыт.

Это была совсем миниатюрная пара: она — метра полтора ростом, он — лишь немного выше. Позади них стояли два робких малыша.

— Да, но свет-то у вас горит, — заметила маленькая женщина. И мягко добавила: — И вы сами здесь, правда?

— Да, — ответил Билл, — но, видите ли, я — не агент, а менеджер. Я просто ждал запоздавших агентов и совсем уже собирался закрывать контору.

— Мы — Джонсоны: Тед и Эйми. Сегодня же нам нужно купить дом, и вы должны нам помочь, — настаивала женщина.

— А почему именно сегодня, миссис Джонсон? — поинтересовался Билл.

Она вздохнула:

— Потому что завтра нам нужно туда переехать.

Билл едва удержался от того, чтобы утомленно закатить глаза.

— Мадам, это невозможно, — улыбнулся он вежливо. — Прежде всего, если бы вам даже удалось подыскать себе подходящий дом в такое позднее время, мы должны были бы передать ваше предложение владельцу. Зачем нужно дожидаться возможного контрпредложения. Затем вы должны обратиться в банк, чтобы он подтвердил вашу платежеспособность. Итак, нам нужно оценить дом и получить поручительство от банка. Так что вы никак не сможете въехать в дом раньше, чем через шесть недель.

«Ну все, по-моему, я объяснил ситуацию достаточно ясно», — подумал менеджер.

Люди никогда не переставали изумлять Билла. Он усмехнулся про себя:

«Неужели она и вправду думала, что может явиться сюда в десять часов вечера и осуществить самые нелепые свои намерения?»

Билл уже открыл было рот, чтобы предложить женщине прийти завтра утром, он представил бы ее агенту, который ей что-нибудь подыщет, но у миссис Джонсон, очевидно, было свое мнение на этот счет.

— О нет, уверяю вас, тут нет ничего сложного. Мы сумеем купить дом сегодня же вечером, — сказала она.

«Ладно, — подумал Билл, — возможно, у них есть наличные на покупку дома. Это, конечно, ускорит процесс».

— Да? И почему же? — спросил он вежливо.

— Потому что я просила Бога, чтобы Он к утру дал нам дом, а Бог никогда не оставляет меня в беде.

— Понятно... Видите ли, даже если бы здесь был кто-нибудь из агентов, уже слишком поздно, чтобы ехать на просмотр.

Но женщина попалась какая-то непонятливая.

— Да, но у вас же есть лицензия, правда? — настаивала она.

— Есть, — ответил Билл, — но я никогда еще не оформлял сделок лично, и недостаточно квалифицирован, чтобы вы могли мне довериться.

— Скажите, вы ведь верите в Бога? Билл снисходительно улыбнулся:

¹ В доме Отца Моего обителей много». — ИОАНН 14:2.

— Конечно. Тут нет никаких вопросов. Но...

— Вы верите в чудеса? — перебила женщина.

— Ну... да... — Билл и вправду пережил в жизни немало весьма удивительных событий.

Миссис Джонсон подобралась, расправила плечи и сказала:

— Послушайте. Сегодня я молилась Богу и просила, чтобы Он дал нам дом... хм, можно мы присядем?

Билл кивнул и указал на пару стульев перед столом кого-то из агентов. Сам он уселся за тот же стол. Женщина продолжала:

— Я попросила Бога дать нам дом, куда мы сможем переехать завтра же утром.

Брови Билла взметнулись вверх.

— Нам негде жить, — сказала миссис Джонсон просто. — Мы думали, что купим дом у одной маленькой старушки в этом городе: она, видите ли, согласилась дать нам кредит. Раньше мы жили в двухстах милях к северу, но мой муж устроился тут на работу, и вот мы собрали вещи и переехали. Когда мы прибыли сюда, выяснилось, что старушка еще в доме. Мы спросили ее, когда она съедет, а она ответила, что и не собиралась оставлять дом. Она полагала, что будет доживать свой век вместе с нами... В общем, бабушка поселила нас в подвале.

Билл слегка присвистнул и покачал головой.

— Очень странная история, — согласился он. За двадцать лет работы в сфере недвижимости он слышал множество жутких историй, и эта вполне могла бы встать где-нибудь во главе списка.

Миссис Джонсон продолжала:

— Понятно, что мы не можем жить в подвале у этой женщины. У нас ведь дети. Мы стираем вещи в подсобке бензоколонки неподалеку. А сегодня вечером я попросила Бога о чуде, потому что дальше так продолжаться не может. Мы сели в машину и поехали искать открытое агентство недвижимости. И нашли — вас!

Взглянув в окно, Билл увидел их старую потрепанную машину на стоянке.

— И сколько же денег вы готовы заплатить? — он почти не хотел слышать ответ.

— О, у нас вообще нет денег. Последние десять лет Тед не работал. Видите ли, он недавно вылечился от алкоголизма. Приходится все начинать с нуля, но это нелегко. А я работаю неполный рабочий день официанткой.

«Дальше — больше, — подумал Билл. — И каким же это образом они собираются купить дом без денег?»

— И вы содержали семью на жалование официантки? Почему же вы не работали полный день? — спросил Билл вслух.

— Я иначе не могла, — объяснила миссис Джонсон. — Я работаю волонтером в своей церкви. Это для меня очень важно. Но мы кое-как справляемся: это не проблема. Проблема в том, что нам негде жить. Мы, знаете ли, непривередливы и купим самый дешевый дом, какой только сможем найти.

— Почему бы вам в таком случае не снять квартиру? — предложил Билл. — Встаньте на ноги, поднакопите денег и через некоторое время купите себе дом.

— Мы уже снимали квартиру достаточно долго, — отмахнулась женщина. — Пора обзавестись собственным домом. И мы его купим, с Божьей помощью. Смотрите, как Он привел нас прямо к Вам!

«Ну что ж, барышня, в добрый путь, в добрый путь», — скептически подумал Билл.

И все же его заинтриговала непоколебимая вера этой женщины.

«К тому же, — рассудил он, доставая свою толстую папку с предложениями по продаже, — кто я такой, чтобы стоять на пути у ее чуда? По меньшей мере посмотрим, что тут у нас есть», — вздохнул про себя менеджер.

— Ага, вот дом за 54 000 долларов. Это не лучший район нашего города, но цена достаточно низкая. Сколько будет зарабатывать ваш муж на новой работе?

Тут в беседу вступил до сих пор молчавший мистер Джонсон:

— Мне дико повезло, что я вообще нашел работу. С завтрашнего дня я работаю дворником за шесть долларов в час.

Билл смотрел на них с сомнением.

— Негусто, — отметил он, затем взял калькулятор и произвел кое-какие расчеты. — Меньше двенадцати с половиной тысяч долларов в год.

Мужчина кивнул.

— Наибольшее, что вы можете себе позволить при таком заработке, — сказал Билл, — дом за 36 000. Домов за такую цену у нас нет. И даже если бы были, банк потребовал бы вступительный взнос. Все это слишком маловероятно, мистер и миссис Джонсон.

— Но вы же сказали, что верите в чудеса, — спокойно заметила женщина.

— Да, — смиренно улыбнулся Билл, — но я не говорил, что умею их творить.

Посетители только смотрели на него в упор.

«Ладно, — подумал он, — осталось только доказать им, насколько все это нереально».

Он пододвинул к себе телефон и набрал номер агента, которая занималась этим домом за 54 000 долларов.

— У нас есть покупатель, — сказал он, заранее зная исход предстоящих переговоров.

Вначале агент обрадовалась звонку. Билл видел из своих записей, что дом числится в продаже вот уже более года, поэтому в реакции агента ничего удивительного не было. Но когда она услышала предложенную сумму в 36 000 долларов, последовала новая реакция, которую Билл тоже предвидел. Собеседница возмутилась. Пришлось довольно жестко настаивать на том, чтобы агент все-таки передала предложение владельцу дома, напомнив ей, что по закону любые предложения должны быть добросовестно предложены участникам сделки.

Очень скоро агент перезвонила.

— Хозяин дома сделал встречное предложение, — сказала она уже не так раздраженно. — Сорок пять тысяч. Это очень хорошая цена, думаю вам стоило бы ее принять.

— Спасибо, — искренне ответил Билл, — по позвольте мне объяснить ситуацию. У моих клиентов нет ни сбережений, ни серьезного заработка. Им будет очень, очень сложно найти банк, который ссудит им хотя бы тридцать шесть тысяч долларов, не говоря уже о сорока пяти. Мы хотим продолжить переговоры и предлагаем владельцу тридцать шесть тысяч пятьсот.

— Я уверена, что он не примет эту цену, — сухо ответила агент.

— Вы не вправе отвергать предложение, — сказал Билл. — Вам все-таки придется передать владельцу наше контрпредложение. — Он стал понемногу проникаться духом ведения торгов. По меньшей мере, для него это было довольно интересное упражнение.

Через пять минут агент позвонила снова:

— Я передала ваше предложение, и владелец хочет, чтобы я привела вас на просмотр. Мы полагаем, что, когда покупатели увидят дом, они примут нашу цену.

— Не думаю, что они в состоянии, — напомнил Билл.

— На моей памяти случались вещи и поудивительнее, — сказала агент. — Давайте покажем им дом.

— Ла-а-адно, — протянул менеджер и попрощался. Он рассказал Джонсонам о ходе переговоров. Они просто сидели и улыбались. А Биллу даже то небольшое, чего они уже добились, казалось неправдоподобным. Конечно, утром эти люди поймут тщетность всех своих усилий, но что поделаешь, такова уж специфика работы с недвижимостью: без разочарования тут не обходится. Эти Джонсоны хорошие люди, и он готов работать с ними до тех пор, пока они не увидят свои перспективы в реальном свете.

На следующее утро по пути на просмотр Билл уныло представлял себе, как, скорее всего, будет выглядеть жилище. Ведь это — самый дешевый дом на рынке, и расположен он в самом паршивом районе города. Дорога была вся в выбоинах. Вокруг — брошенные машины и запущенные газоны. Тормозя возле невзрачных ворот, Билл вздохнул.

Агент уже ждала. Возле нее стояли Джонсоны, и глаза их светились надеждой. Билл боялся даже представить себе, как печальны скоро станут их лица. Он порадовался, что по долгу службы ему обычно не приходится непосредственно участвовать в процессе купли-продажи и иногда невольно приносить людям разочарование.

Когда агент распахнула ворота, у Билла просто перехватило дыхание. Домик выглядел очень мило! Мистер и миссис Джонсон широко улыбнулись. Красно-белый особняк с мансардой, все окна забраны ставнями. Они вошли через парадные двери. Пол застелен хорошим линолеумом, поверх лежат новые ковры. Все деревянные части опрятно выкрашены, на небольшой кухоньке — новая сантехника и кухонный гарнитур. Да и вообще, все комнаты безупречно чисты и обставлены новой мебелью, которая продается вместе с домом. Просто сокровище!

— Покупаем! — радостно воскликнула миссис Джонсон.

— Отлично. Тогда поехали к владельцу и продолжим наши переговоры, — улыбнулась агент.

И вот маленький караван отправился из этого трущобного квартала в уютный пригород. Остановились возле обширного ранчо. У парадной двери их встретил человек-медведь в джинсовом комбинезоне.

— Добрый день. Меня зовут Джорж Рокуэлл, — тепло приветствовал он посетителей и провел их в светлую уютную кухню, где его жена как раз наливала всем кофе.

Когда все расселись, мистер Рокуэлл посмотрел мистеру Джонсону прямо в глаза:

— В чем дело, мистер? Почему вы не хотите купить своей семье пристойное жилье за разумную цену?

— Видите ли, сэр, — начал мистер Джонсон, опустив взгляд в чашечку, — я-то хочу, но мой агент говорит, что на большую сумму мне рассчитывать не приходится. — Напор Рокуэлла явно смутил его. — Понимаете, я недавно вылечился от алкоголизма, а до этого десять лет сидел без работы. Но теперь я уже не пью и получил работу на фабрике Харнишфегера.

Мистер Рокуэлл был явно изумлен.

— На фабрике Харнишфегера! Хм, а кто Вас нанимал?

— Славный такой парень по фамилии Роджерс. Чарли Роджерс.

Рокуэлл встал и протянул Джонсону руку:

— Все. Я продаю Вам дом за тридцать шесть с половиной тысяч!

Билл едва не захлебнулся своим кофе.

— Простите, — вмешался он, едва восстановив дыхание, — но мы даже не уверены, что сумеем найти банк, который предоставит моим клиентам кредит.

— Нет проблем, — был ответ, — я сам даю им кредит.

— Мистер Рокуэлл, — продолжал Билл, — у вашего покупателя даже нет определенной специальности.

— Мистер Такер, чьи интересы вы тут представляете? — спросил владелец дома. Затем его голос смягчился.

— Видите ли, я недавно ушел на пенсию. А до этого тридцать шесть лет проработал начальником эксплуатационной службы на фабрике Харнишфегера. Пятнадцать лет назад ко мне пришел бывший алкоголик Чарли Роджерс. Я решил дать ему шанс, и он оказался хорошим работником. Если мистер Джонсон устраивает Чарли, то он устраивает и меня. И я отдам ему свой дом за приемлемую для него цену прямо здесь и сейчас!

Два агента смотрели друг на друга ошеломленно. Хозяйка налила гостям по второй чашке кофе, и Рокуэлл стал рассказывать им историю дома, который скоро должен был перейти во владение четы Джонсонов. Как оказалось, этот особнячок был очень дорог сердцу человека-медведя.

Дом выстроил его отец, и Джордж Рокуэлл жил там с самого детства, женился, растил детей. Он лично сделал ремонт. Его жена выбрала новую мебель и ковры. Единственная причина, почему Рокуэллы в конце концов решили сменить жилье, состояла в том, что у них возникла необходимость вложить деньги во что-то более существенное, во что-то, что сможет принести большую отдачу в будущем. Их сын страдает синдромом Дауна, и нужно, чтобы после их смерти у него остался надежный источник существования.

Джонсоны так и сияли от счастья. Сидя в струящихся через окна лучах утреннего солнца, Билл почувствовал, что от подступающих слез у него чешутся уголки глаз. И почему-то потекла тушь на ресницах его коллеги.

— Мы можем переехать сегодня же? — с надеждой спросила Эйми Джонсон.

Рокуэлл достал из кармана своего комбинезона ключи и вложил их в руку миссис Джонсон.

— Добро пожаловать! — сказал он. Маленькая женщина взглянула на Билла и подмигнула ему. Он подмигнул в ответ.

«Так вот, оказывается, каково это — продавать дома: да и вообще жить, — подумалось ему. — Чудеса без перерыва, да и только».

* * *

В «Беседах с Богом» есть немало удивительных посланий, но все самое важное сосредоточено в одном предложении: **Ход жизни определяется вашим намерением.**

Эти слова помогают нам понять взаимоотношения, существующие между нами и Богом, и жизненный процесс вообще.

Жизнь состоит не из открытий вроде «давай-ка посмотрим, что произойдет». Жизнь — это процесс творения: «давай-ка решим, что произойдет».

Нам говорили, что мы созданы по образу и подобию Божьему. Но ведь Бог-то — Творец. Бог творит. И если люди действительно созданы по образу и подобию Божьему, то мы тоже должны быть творцами.

Именно так оно и есть. Весь вопрос состоит в том, каким образом мы творим, каков процесс творчества?

Ответ: через наши намерения.

Мы творим через четкое осознание, что своими намерениями мы «помогаем Богу». Таким образом мы присоединяемся к Богу в сознательном акте совместного творчества. Мы сознательно используем силу Бога для достижения конкретного результата.

История семейства Джонсонов — очень яркая тому иллюстрация. Однако если поглубже над этой историей задуматься, неизбежно возникнет вопрос: что было раньше, курица или яйцо? То есть была ли вера миссис Джонсон причиной этого чуда? Или чудо уже готово было совершиться прежде, чем она в него поверила или даже о нем подумала, и все, что ей оставалось — узреть чудо? Так какова же причина этого чуда? Вот в чем вопрос.

«Беседы с Богом» говорят нам, что именно *намерение* миссис Джонсон позволило ей добиться этого конкретного результата, а не какого-то другого из массы возможных.

Так ли это? А если да, то каким образом это происходит?

Вот в чем вопрос, задаваемый Разумной Теологией. Я называю Разумной Теологией ту форму теологии, которая ищет ответ на вопрос, *как* происходят те или иные явления, а не просто почему они происходят.

Некоторым людям достаточно знать, почему миссис Джонсон удалось купить дом: потому, что она верила. Иным нужно разобраться поглубже.

Как работает вера? Как она приносит желаемые плоды?

«Беседы с Богом» обрели такую невообразимую популярность, их перевели на двадцать семь языков и читают миллионы людей во всем мире именно потому, что эта книга дает (возможно, впервые в доступной для обычного человека форме) ответ на жизненные вопросы, начинающиеся со слова Как.

Все книги из серии «С Богом», включая «Дружбу с Богом» и «Единение с Богом», охватывали эту тему все шире и прорабатывали ее все подробнее, так что теперь мы знаем сам механизм, при помощи которого Бог входит в нашу жизнь и творит чудеса.

И эти мгновения, когда в нашу жизнь входит Бог, я называю Моментами Благодати.

Конечно, строго говоря. Бог на самом деле не «входит в нашу жизнь». Иначе получалось бы, что бывают периоды, когда Бога в нашей жизни нет, а это *не* так. Это не так по той простой причине, что это невозможно. Это было бы возможно только в том случае, если бы мы были отделены от Бога. Если бы мы были от Него отделены, то могли бы существовать моменты, когда Бог «с нами», и моменты, когда Его с нами нет.

Тогда вопрос о том, что побуждает Его быть «с нами» или «не с нами», мог бы составить содержание отдельных религий и целых систем верований. Тогда стоило бы посвящать свою жизнь и множество увесистых томов этому главнейшему вопросу: что приводит Бога в нашу жизнь?

Но что, если Бог уже в нашей жизни? Что, если Он никогда не оставлял нас? Что, если Она не может нас оставить, даже если этого захочет? Что, если именно это правда?

Тогда, кроме всего прочего, перед нами встает совершенно новый главнейший вопрос. Не что приводит Бога в нашу жизнь, но что нам делить с Ним теперь, когда мы наконец увидели, что Он всегда был с нами?

Именно так «Беседы с Богом» и перевернули тележку с яблоками. Поставив вопрос с ног на голову, мы пришли к совершенно другим ответам.

Если Бог и миссис Джонсон — одно, то дело вовсе не в том, что однажды она попросила у Бога дом, а скорее в том, что она вызвала этот результат.

И сделано это было через механизм намерения.

Можно ли сомневаться в том, что миссис Джонсон была намерена за двадцать четыре часа найти дом и в него вселиться, независимо от мнения окружающих по поводу того, возможно это или невозможно?

Мечты многих людей погибли именно потому, что они не понимали описанных тут принципов. Такие люди приняли представления о возможном и невозможном, навязанные им извне. И вот они

стали свидетелями того, как разрушаются их мечты. Однако твердое намерение может обратить процесс разрушения, изменив в этом слове всего одну букву, и начнется другой процесс — разрешение всех проблем и вопросов.

Разрешение (а ведь это слово сродни слову «решимость», а значит, и слову «намерение») — это «конец конца». Прекращение прекращения. Завершение завершения — шанс для каждого начать все сначала, с нуля. Многие христиане называют это новым рождением «В беседах с Богом» это названо воссозданием — когда мы воссоздаем себя заново в новой, лучшей версии великого видения того, Кто Мы Есть на самом деле.

Нельзя недооценивать силу намерения. Именно об этом напоминает нам история Билла Такера и семьи Джонсонов.

3 ПОПУТКА

Дэвид Дэниэл — заядлый любитель покера, и поэтому знает на практике, как работает теория вероятности. В начале семидесятых, будучи студентом-первокурсником, он приобрел замечательный опыт — незабываемый урок о том, насколько невероятными бывают события, иногда называемые «совпадениями».

Тем летом Дэвид поступил в университет Южной Калифорнии. Поскольку он участвовал в межуниверситетской программе обмена студентами и поскольку его основной специализацией были международные отношения, первый год обучения ему предложили провести в Туниском университете (в столице государства Тунис, Северная Африка). Заманчиво, не правда ли?

Родители охотно позволили Дэвиду до начала учебного года (середина сентября) съездить в Европу. Естественно, они волновались, ведь Дэвиду было всего девятнадцать лет. Он планировал долететь самолетом до Парижа, попутешествовать немного по Франции, а затем отправиться в Тунис.

Сам Дэвид, конечно, радовался предстоящей поездке, но и он немного нервничал. Парню не исполнилось еще и двадцати, и вот он должен сам отправиться в совершенно чужую культурную среду. «Хм... — думал он, — это будет для меня весьма поучительный опыт... или катастрофа».

И вот длинноволосый юноша в заплатанных джинсах с рюкзаком за плечами прибыл в нью-йоркский аэропорт Кеннеди. Он впервые оказался так *далеко* от дома. Парень давно и страстно этого хотел, по пока у него еще совершенно не было опыта самостоятельной жизни. «И как оно все сложится? — думал он. — *Боже мой, Париж! И еще Тунис!* Вот приеду я туда, и что? Чужой язык! *Чужие люди*».

Эти тревожные настроения порядочно утомили Дэвида. Он непрестанно блуждал по аэропорту, старательно гоня от себя мысли о возможных неприятностях. Но поскольку он приехал в Нью-Йорк рано утром, а его самолет в Европу отбывал поздно ночью, времени на переживания у него было предостаточно.

Наконец он решил отправиться в Манхэттен и немного прогуляться по центру города. Дэвиду не хотелось тратиться до приезда в Европу, и он задумал добраться до Манхэттена автостопом. Прежде он никогда в Нью-Йорке не бывал, «из этого может выйти неплохое приключение, — сказал он себе. — К тому же найти попутку от аэропорта будет проще простого».

^

Машины проносились мимо, совершенно игнорируя его торчащий вверх палец. «Парень, да ты даже не можешь пересечь пол-Нью-Йорка! — бранил себя Дэвид. — Как же ты собираешься путешествовать по Франции?»

Он уже совсем было решил отказаться от поездки в Манхэттен, когда перед ним наконец остановилась машина.

— Куда направляешься, сынок? — спросил симпатичный дядька за рулем.

— В Манхэттен, — ответил Дэвид с надеждой. — Хотел немного посмотреть город, перед отлетом в Париж.

— До самого Манхэттена я тебя не довезу, но помпою подкину. А там поймаешь еще машину.

Дэвид радостно забрался в автомобиль. «Ну вот, дела налаживаются», — решил он.

Дэвид очень удивился, когда водитель затормозил возле островка посередине дорожной развязки и жестом велел ему выходить.

— Что случилось? — нервно спросил юноша.

— Дальше я подвезти тебя не могу, — сказал водитель ошарашенному парню. — Я же говорил, что еду не до самого Манхэттена.

В этом месте сходились по меньшей мере четыре дороги в разных направлениях, ведущие в разные части города. Дэвид не имел ни малейшего представления, где он находится и куда ему ехать. Парень был в состоянии полнейшего ступора и даже не догадался расспросить все как следует у водителя! Он лишь услышал: «Выходи, сынок», — поблагодарил водителя за то, что тот его подбросил, и вышел на островок посреди шоссе.

Юноша посмотрел на нескончаемый поток несущихся мимо машин (а был как раз час пик) и пришел в полное отчаяние. «Мне никогда отсюда не выбраться», — подумал он безнадежно.

Даже, если кто-то и остановится (что само по себе уже крайне маловероятно), совсем не обязательно, что этот человек будет ехать именно в сторону Манхэттена! У него даже не было возможности перейти в более удобное место или вернуться в аэропорт: со всех сторон парня окружали непрерывные потоки машин, и он был в полнейшей растерянности.

Дэвид поправил за плечами рюкзак и уныло поднял руку, выставив вверх большой палец.

Мимо проносились сотни машин. Прошел час, еще час. Дэвид смотрел в лица водителей, целеустремленно мчащихся по своим делам. Они вряд ли даже замечали его, а если и замечали, то смотрели недоуменно или — хуже того — насмешливо. Дэвиду показалось, что он даже знает мысли этих людей.

«Неужели этот малый и вправду думает, что здесь его кто-то подберет?»

Дэвиду оставалось только согласиться с ними. Перспективы перед ним открывались самые безрадостные.

Раздумывая, что делать, если не остановится, Дэвид решил, что, когда закончится час пик, он попытается выбраться из этого хитросплетения дорог и пойдет искать автобусную остановку. Он начал беспокоиться. Если в ближайшее время ничего не изменится, у него не будет времени на Манхэттен. Ему придется возвращаться в аэропорт, чтобы успеть на свой самолет — хорошо еще, что он отправляется поздно ночью.

Теперь мысли юноши обрели по-настоящему негативный оборот. «Ну вот, парень, тут ты у всех на виду, — говорил себе Дэвид. — Как бы чего не случилось... Даже если меня подберет полиция, это может быть для меня спасением, а может обернуться только новыми проблемами. По городским автострадам запрещено ездить автостопом. Меня продержат в участке, и я опоздаю на самолет...»

И вот в самый разгар этих мрачных размышлений Дэвид остановил себя: «Погоди минутку, это же безумие! Ничего плохого не произойдет, — он отрицательно покачал головой. — Я должен мыслить позитивно».

Через несколько минут он увидел участливые глаза человека за рулем старенького фургона. Машина сбавила скорость и — Дэвид уже просто не верил своим глазам — остановилась. Водитель жестом пригласил Дэвида в салон.

«Спасибо, спасибо, спасибо Вам огромное», — бормотал себе под нос Дэвид, хватая рюкзак и подбегая к открытой двери.

— В Манхэттен? — сразу спросил он водителя. Теперь-то он уже знал, что, прежде чем тронется машина, нужно получить ответ на этот важный вопрос. Он вовсе не хотел оказаться еще на одном островке посреди другой дорожной развязки!

Мужчина глядел на Дэвида глубокими карими глазами.

— Да, в Манхэттен, — ответил он с легким акцентом. С полчаса ехали молча.

— Вы откуда? — спросил наконец Дэвид.

— Из Туниса. Это на севере Африки.

— Что?

Если бы Дэвид мог нажать на тормоза, он непременно бы это сделал.

— Из Т-Туниса? — заикаясь, переспросил он.

— Да, но я уже довольно давно не был на родине. Последние несколько лет я жил в Париже и только в этом году переехал в Нью-Йорк. Я — врач, работаю в Манхэттене.

— Вы жили в Париже? Вы из Туниса и жили в Париже? — Дэвид просто не верил своим ушам.
— А я как раз еду в Тунис, а по дороге на месяц остановлюсь в Париже!

Глаза мужчины округлились, лицо расплылось в улыбке.

— Смотри-ка, какой пассажир мне попался! Может быть, я смогу помочь тебе в твоих странствиях.

До Манхэттена оставалось еще сорок пять минут езды, и Дэвид с врачом посвятили это время оживленной беседе о людях и местах, которые войдут в жизнь юноши в предстоящем году. Водитель дал Дэвиду имена некоторых своих близких друзей и знакомых, чтобы они подсказали студенту, куда сходить, что увидеть, где снять квартиру, где перекусить получше и подешевле, с кем стоит познакомиться, — все, что ему понадобится, чтобы поездка во Францию не ограничилась скупой туристической программой и доставила юноше истинную радость.

На следующий же день, вскоре после приземления в международном аэропорту Шарля де Голя, Дэвид начал пожирать щедрые плоды своей поездки в Манхэттен. В квартире одной молодой пары, чьи имена и номер телефона дал Дэвиду его попутчик в Нью-Йорке, оказалась свободная комната, и они пригласили юношу пожить у них.

Несколько недель спустя Дэвид приехал в Тунис. Новые приятели, обретенные через нью-йоркского доктора, поддержали парня и тут. Познакомили с университетом, помогли почти сразу обжиться в незнакомом культурном окружении далекого города. Он быстро нашел, где отдыхать, где жить, где работать, и его первый студенческий год прошел без особых забот. Опыт внедрения в чужую культурную среду удался.

А ведь жизнь Дэвида — его уверенность в себе, его жизненный опыт и вытекающие из него возможности — могла бы быть (нет, была бы) совершенно не такой, если бы этого отчаявшегося хиппи, который летним утром голосовал посреди дорожной развязки чуть ли не в самом центре Нью-Йорка, не подобрал тот конкретный мужчина.

Дэвид больше никогда не встречал своего благодетеля. Он написал несколько писем (благодарил его за воистину неоценимую помощь), но ответа так и не дождался. В конце концов Дэвид понял, что их случайное знакомство служило какой-то высшей цели в его жизни, и нет нужды дальше искать доктора. Достаточно того, что эта встреча состоялась и задала направление целому году его студенческой жизни в чужой стране.

Теперь Дэвид часто рассказывает людям эту историю. Некоторые не придают значения тому космическому контексту, в который он помещает свое повествование. Но каждый испытывает благоговейный трепет перед полным торжеством синхронизации, случившейся в тот день на автостраде.

«Самое важное и полезное для меня в этом происшествии, — говорит Дэвид, — вовсе не те очевидные блага, которые принесла мне наша встреча. Этот случай недвусмысленно показал мне, что в жизни бывают моменты встречи с настоящим чудом, и их непременно нужно замечать и обдумывать.

Все в жизни имеет свою цель и значение. У нас есть уникальная возможность обращать внимание на происходящее — или не обращать, — и тем самым мы намечаем курс своей жизни».

* * *

Несколько лет назад я услышал одно мудрое изречение Вернера Эрхарда. Вернер (замечательный учитель, создавший тренинговую систему Эст (Est)) сказал: «Жизненный успех обусловлен течением самой Жизни».

Эти шесть слов — самое утешительное, что я когда-либо слышал. Они позволили мне расслабиться в своих отношениях с жизнью и дать ей шанс.

Для себя я переформулировал его слова так:

Бог на нашей стороне.

И я верю в это твердо и безоговорочно. Эти представления легли в основу целой книги «Дружба с Богом», которую я написал в 1999 году. Это основа всей моей философии и понимания жизни.

Я убежден, что Бог демонстрирует свою солидарность с нами каждой минутой каждого дня — и бывают дни, когда он делает это особенно выразительно. История Дэвида Дэниэла — ярчайший тому пример.

Уверен, что с каждым из нас случались подобные истории. Уверен, что в жизни каждого есть памятные моменты удивительной синхронизации, интуитивного прозрения, совпадений, удачи —

можно называть это по-разному. Я называю их Моментами Благодати. Они составляют отдельную категорию целой группы моментов, через которые проходят все. Но лишь немногие — сознательно.

Когда мы делаем это сознательно и видим Моменты Благодати в своей жизни, происходит нечто совершенно замечательное. Они начинают приумножаться. Все дело в том, что чем лучше мы знаем, что происходит, тем лучше мы знаем, что происходит.

Попробую объяснить доступнее.

Осознание — ключ к сознанию, а сознание — ключ к созиданию. Когда мы осознаем отчетливее, мы начинаем осознавать еще отчетливее. Осознание склонно к росту, оно питает само себя. После того как человек Осознает, он начинает осознавать, что Осознает. Затем человек начинает осознавать, что он осознает, что Осознает, и так далее, до тех пор, пока не достигнет наивысшего уровня Полного Осознания.

Когда мы Осознаем, что существует такая штука, как Моменты Благодати, мы начинаем сразу же замечать их в жизни. Вовремя их замечая, мы извлекаем из них более реальную пользу. Постороннему наблюдателю даже может показаться, что мы их создаем. В некотором смысле мы действительно их создаем — если определить «творение» как способность видеть нечто, что уже существует (и таким образом извлекать из этого пользу).

Проще говоря, нам не нужно ничего создавать. Нужно просто обращать себе во благо то, что уже создано. И в точности знать, что мы на это способны.

А вот здесь-то очертания вещей, похоже, расплываются. На самом деле они не расплываются, но похоже, что расплываются.

В случае с Джонсонами мы говорили, что пространство для чудес (таких, как приобретение дома за двадцать четыре часа, практически не имея денег) создается намерением. Мы тогда спросили себя: в чем причина этого чуда? Было ли оно уже готово свершиться прежде, чем миссис Джонсон в него поверила, или она сама совершила его своей верой?

А сейчас мы говорим, что «нужно просто обращать себе во благо то, что уже создано». Похоже, это и есть ответ на наш вопрос: чудо уже готово было совершиться, а миссис

Джонсон нужно было только его увидеть — предположительно, при помощи веры.

Однако вера — штука мудреная. Многим людям очень трудно поверить в то, во что они «не верят». А если что-то «невероятно», как человеку перейти в пространство, где он наконец сможет поверить в это? Как человек «обретает веру?»

Согласно моим наблюдениям, есть три пути к «вере»: наблюдение, опыт и намерение. Мы можем пронаблюдать, как что-то происходит с другими людьми (хотя бы — читая такие книги, как эта!), можем пережить что-то на собственном опыте (как это было с Дэвидом Дэниэлом), а можем заранее создать в себе твердое намерение по поводу того, как что-то произойдет (такой путь избрала миссис Джонсон).

На практике это могут быть составляющие трехступенчатого процесса. Вначале вы слышите о чудесах, которые происходят с другими людьми. Затем, под влиянием всех этих историй, обостряется ваше осознание, и вы замечаете, что в вашей жизни тоже случаются чудеса. Наконец, когда их произойдет в вашей жизни достаточно много, вы решите, что чудеса — вещь обычная, и станете уже ожидать и даже требовать их, создавая в себе намерение!

Заметьте, что не обязательно проходить через все эти ступени. И не обязательно ступать на них именно в таком порядке. Какую-нибудь ступеньку вполне можно «перепрыгнуть».

То, что произошло с Дэвидом Дэниэлом в день его первого визита в Нью-Йорк, могло «показаться» огромной неприятностью или даже несчастьем. А на самом деле это был Момент Благодати, акт Божественного Вмешательства, и ничего, кроме блага, он Дэвиду принести и не мог.

Это событие не просто принесло Дэвиду какие-то краткосрочные бытовые удобства, но дало ему веру и знание на всю жизнь.

С того дня этот человек знает, что жизненный успех обусловлен течением самой жизни, знает, что Бог на нашей стороне. Теперь это все уже не составляет для него вопроса, он пережил все это на опыте и получил отчетливое представление о Течении Жизни и о том, куда оно нас влечет. Он перешел сразу на 2-ю ступень.

Красота этой «системы» состоит в том, что такое отчетливое знание, как у Дэвида, порождает все новые подобные случаи и новые результаты. Дело в том, что понимание сути происходящих процессов позволяет ему видеть вещи иначе, а это, в свою очередь, порождает иной опыт. И иные ожидания. Теперь он может подняться на 3-ю ступень.

Но прежде, чем произошло «чудо автостопа», парень очень беспокоился и совершенно не представлял себе, как ему выпутаться из всего этого безобразия. С другой стороны, миссис Джонсон вовсе не волновалась по поводу предстоящей Чудесной Покупки Дома — хотя пока вес это было для нее еще в будущем.

Так в чем же разница между этими ситуациями? В намерении. Миссис Джонсон перешла сразу на 3-ю ступеньку. Мы слишком мало знаем о ее прошлом, чтобы судить, запрыгнула ли она на эту ступень сразу или через 1-ю и 2-ю. Но это и неважно. Важно, что она выбрала цель и шла к ней без колебаний. Она ни на миг не позволила себе соскользнуть в негативное мышление — а ведь как легко это сделать, когда все вокруг свидетельствует о предстоящей неудаче! Она никогда не позволяла себе ослабить свое намерение — никогда не уступала давлению обстоятельств. Не ослабляя свое намерение, она держала ситуацию в напряжении².

В этом — секрет жизни. Напряжение — это благо, если использовать его правильно. Я говорю тут о том, что психологи называют «творческим напряжением». Да, это в точности то, о чем я говорю: напряжение, которое творит.

Когда мы держим ситуацию в творческом напряжении, вокруг нее возникают пары противодействующих сил, которые поддерживают вещи на своих местах. И пусть всем на свете кажется, что все разваливается, что любые усилия тщетны и ничто не сможет исправить положение, — но вы, тем не менее, сохраняете вещи на своих местах.

Стоит ослабить напряжение, и все развалится. Это как перетягивание каната: стоит вам расслабиться — и все рассыпается.

Весь фокус в том, чтобы держать напряжение до тех пор, пока не ослабнет противодействующая вам сила. И тогда, вместо того чтобы рассыпаться, все встанет на свои места.

Именно это произошло в случае четы Джонсонов.

Дэвиду Дэниэлу повезло, что там, на островке автострады, он не соскользнул в негативное мышление надолго и не успел сгенерировать достаточно много негативной энергии, чтобы она разрушила его желание попасть в Манхэттен и вовремя вернуться в аэропорт.

Он вовремя отбросил негативные мысли и «предотвратил предотвращение». Он предотвратил ситуацию, когда сам мог бы предотвратить собственное благо. Он почти уже разрушил благоприятное стечение обстоятельств, но тут же обратил свое действие и вернул все на место при помощи процесса, который я назвал разрешением.

И вот он узрел чудо! Мало того, что ниоткуда возник человек, едущий в Манхэттен, — это был именно тот человек, который нужен был юноше в данной ситуации.

Сейчас Дэвид говорит, что его жизнь «полна подобных совпадений». И это, несомненно, правда. Ибо ваши мысли воплощаются. И если вы думаете, что текущие обстоятельства — каковы бы они ни были — в конце концов пойдут вам во благо, несомненно, так оно и будет.

Иначе быть не может, ибо ваш опыт — это не то, что с вами происходит, но ваши мысли о том, что происходит. Весь вопрос не в том, что «случилось» в вашей жизни, но в том, как вы воспринимаете случившееся!

Итак, все случается именно так, как вы это воспринимаете. Вы принимаете случившееся в свою душу, в свое сердце, в свой разум, происшедшее оставляет отпечаток в этих трех уголках вашего существа, и вы называете этот отпечаток своим опытом.

Два человека слушают одно и то же музыкальное произведение, и оно порождает в них совершенно разные переживания, разный опыт. То же самое касается пищи, секса — чего угодно.

Если, попадая в переделку (как, например, это было с Дэвидом на островке посередине автострады), вы осознаете, что столкнулись не с препятствием, но с очередной возможностью, вы не станете мыслить негативно и вынесете из своих обстоятельств совсем другой опыт.

Вот ведь в чем дело.

А если брать шире, то дело в том, что вам даже не нужно знать, что происходит что-то хорошее, ибо оно все равно происходит. Происходит независимо от того, знаете ли вы это. Но если вы хотите, чтобы это «хорошее» пришло к вам как опыт, то нужно видеть все, как оно есть. Вот это и означает осознание.

² У автора тут игра слов: по-английски «намерение» [intention] звучит точно так же, как «в напряжении» (in tension) — Прим. перге

Секрет жизни состоит в том, чтобы наблюдать — просто наблюдать, — что происходит, не оценивая. Не нужно все называть и определять, не соскальзывайте в негативные оценки. Просто станьте объективным наблюдателем.

Просто меня высадили посреди дорожной развязки где-то в недрах Нью-Йорка.

На самом деле это, и только это, произошло с Дэвидом Дэниэлом. Все остальные его мысли в той ситуации были оценками. К счастью. Бога не интересует, оцениваем мы вещи или нет. Бог всегда позаботится о том, чтобы все происходящее пошло нам на пользу. А поэтому единственный вопрос состоит не в том, пойдет ли то или иное событие нам на пользу, но в том, как скоро мы заметим это.

Чем скорее мы осознаем, что все происходящее идет нам на пользу, тем скорее обречем соответствующий опыт.

Послушайте, что сказано об этом в «Беседах с Богом», книга 2:

Поскольку Моя Воля гласит, что ты должен познать и испытать, Кто Ты Есть, Я позволяю тебе притягивать к себе любое событие или переживание, какое бы ты ни выбрал для достижения цели. Время от времени к тебе присоединяются Другие Игроки в этой Игре во Вселенной — как Случайные Знакомые, Второстепенные Участники, Временные Спутники, Долговременные Посредники, Родственники и Семья, Любимые или Супруги.

Ты притянул эти души. Они притянули тебя. Это взаимный опыт творения, выражающий выбор и желания обеих сторон.

Не бывает случайных совпадений. Не существует такая вещь, как совпадение. Ничто не происходит случайно. Жизнь — не дело случая.

События, как и люди, притягиваются к тебе, тобой, для твоих же собственных целей...

Когда нам удастся понять это, мы изменяем свою жизнь. Или нам кажется, что мы ее изменяем. На самом деле мы просто начинаем видеть жизнь такой, как она есть. Точно так же невозможно изменить себя. Мы можем только знать себя — Кто Мы Есть в Действительности — или не знать. Узнавая это, мы изменяем свои опыт.

Я знаю, что жизненный успех обусловлен течением самой Жизни. Я знаю, что Бог на моей стороне. Это помогает мне поддерживать творческое напряжение. Канат между Позитивным Я и Негативным Я остается туго натянутым до тех пор, пока Негативное Я не истощит свои силы. Тогда оно отпускает свой конец, и все то, возможность чего оно отрицало, становится на свои места!

Теперь, когда я знаю этот секрет, мне уже не о чем беспокоиться в жизни. Я вижу: все, что ни делается, — к лучшему. Эта истина принесла мне свободу. Свободу от разочарований. Свободу от гнева. Свободу от тревоги.

Если же все-таки эти переживания входят в мою жизнь, значит, я забыл, Кто Я Действительно Есть и Как Все Обстоит. Я забыл, что жизненный успех обусловлен течением самой Жизни. Я забыл, что Бог на моей стороне.

Я ослабил внимание. Значит, я снизил напряжение³. Я расслабился и соскользнул в негативное мышление.

Я забыл, что моя попутка уже близко, и островок посреди автострады обратился для меня в ад.

4

ЧУДЕСА СЛУЧАЮТСЯ

Фред Рут сидел в своем кресле и ждал смерти. Ему хотелось выпить. «К черту врачей, ничего нового они мне не скажут, — ворчал он себе под нос. — Дураку понятно, что гробовщик уже составил для меня смету».

Только вчера кардиолог сел за телефон и сказал бывшей жене Фреда и двум его детям, что пора прийти к нему попрощаться. Дети и вправду зашли, но не задержались надолго. В последнее время Фред не особенно жаловал их, особенно пасынка. Да и между собой дети не очень-то ладили даже тогда, когда Фред еще был здоров, тем более далеки друг от друга они стали сейчас, когда отец оказался при смерти.

³ Здесь автор опять обыгрывает созвучные слова *attention* («внимание») и *at tension* («в напряжении») — Прим. перев.

У Фреда большое сердце. Первый серьезный приступ случился в 1975 году. Тогда ему было всего тридцать восемь лет, но никто особенно не удивился этому. Его отец, мать и два брата умерли от сердечных приступов. Сестра долго страдала диабетом и в прошлом году умерла в возрасте сорока четырех лет от того же сердечного приступа.

Самому Фреду два раза за последние шесть лет делали операции на сердце. Он уже довольно давно не работал, да и не особо печалился из-за этого. Менеджер компьютерной компании — должность довольно нервная. Работа, безусловно, только обострила его болезнь. «Тем лучше!» — вот и все, что он мог сказать по этому поводу.

— Убавь звук! — рывкнул он на Анну.

Телевизор смотрит. Неужели она не понимает, что он болен?

Фред знал, что его характер изменился, но, похоже, ничего не мог с этим поделать. Он становился раздражительным. Склонным и раздражительным. И тут уж ничего не изменишь.

«О Боже, как мне надоело здесь сидеть», — пробормотал Фред, пытаясь оторваться от спинки кресла и посмотреть в окно. Больно двигаться. В крови так мало кислорода, что все члены и грудь схвачены как бы одной общей судорогой. Он редко вставал с кресла. Все, что он мог, — дойти до ванной.

Мир Фреда сузился до размеров комнаты площадью в двадцать семь квадратных метров. Наружу он выйти не мог, ибо жил на втором этаже двухэтажного дома, и ему пришлось бы подниматься по ступенькам. Фред видел внешний мир только через окно. Время от времени по улице с воем проносилась карета скорой помощи, и Фред думал, что, возможно, следующая повезет его.

Немногое занимало его разум. Он утратил интерес к телевизору — все эти посиделки перед камерой казались такой глупостью. В последнее время он большей частью читал романы Стивена Кинга — единственного писателя, чьи книги еще могли удерживать его внимание. Анна (полностью — Розанна, но Фред всегда нежно называл жену Анной) пыталась говорить с ним о каких-то духовных книгах, которые она читала, но все это казалось ему полнейшим вздором.

Бог и всякие там религии никогда особенно не интересовали Фреда, так почему же что-то должно измениться и с приближением смерти? Будучи еще мальчишкой, он несколько раз посещал церковь, но никто из родных с ним не ходил, и он скоро решил, что в этом нет особого смысла. Во всяком случае, жизнь его от этих визитов лучше не стала. Да и вообще, похоже, ничто особенно не скрашивало его жизнь: разве что иногда — выпивка.

— Перекусишь что-нибудь, прежде чем я уйду на собрание? — спросила Анна, войдя в комнату в пальто.

— На какое собрание? Ты не говорила мне, что собираешься на собрание. Я не хочу оставаться один. И есть не хочу. Принеси мне что-нибудь выпить.

— Фред, тебе не стоит пить. Тебе нельзя, — сказала предостерегающе Анна.

— Почему нельзя? Я умру от этого? — злобно парировал Фред.

В Огайо стояла зима. День был холодным и солнечным, но вечером натянуло туч, и небо выглядело весьма зловеще. Фред заметил, как качаются за окном деревья.

— Поднимается ветер. Может начаться гроза. Это еще одна причина не идти на собрание.

Но Анна уже сняла пальто.

Он потянулся за дистанционным пультом от телевизора, но потом подумал, что у него нет сил воспользоваться даже им. Фред откинулся на спинку кресла и расслабился. Он не ощущал течение времени. Заработал телевизор (Анна снова включила его), но Фред так и не открыл глаза, он просто сидел в своем кресле, прислушиваясь к боли во всем теле. То и дело гремел гром, завывал ветер, но Фред не двигался.

«Может быть, скоро все это закончится, — подумал он со вздохом. — Не вижу смысла жить так дальше, непрестанно мучаясь от боли. Хочу, чтобы все закончилось».

Затем произошло это. Гром прогремел так сильно, что задрожала комната. И тут же сквозь закрытые веки Фред различил вспышку. От неожиданности его глаза раскрылись, и он увидел яркий огненный шар размером с баскетбольный мяч, висящий прямо над телевизором.

Фред замигал. Сияние слепило, но оторвать взгляд от шара он почему-то не мог. Ярко-оранжевое ядро было окружено белым сияющим ореолом, в сторону уходил хвост — так можно было бы представить себе комету. Фред потерял дар речи. Его разум просто не вмещал происходящее. Все, что мог Фред, — смотреть на этот странный сияющий шар. Затем он взорвался. Прямо там, у него перед

глазами. Он просто лопнул. Бесшумно. Так что на самом деле это был не взрыв, скорее, казалось, что шар просто разлетелся на крохотные частички света, осыпав ими комнату — и Фреда.

Фред ощутил в своей груди колоссальный приток энергии — ничего подобного до сих пор ему испытывать не приходилось. Сразу же стало тепло, во всем теле ощущалось покалывание.

В тот же миг Фред обрел голос. Он посмотрел на Анну, сидевшую в своем кресле с широко раскрытым ртом.

— Ты ведь тоже это видела? — он хотел убедиться, что ему не привиделось.

Жена медленно кивнула и спросила:

— Мы умерли?

— Не знаю. Но если мы встанем, пройдем через комнату, обернемся и не увидим своих тел на креслах, значит, мы не умерли.

Фред и сам удивился, что способен шутить в такой момент.

Анна и Фред встали, прошли к противоположной стене комнаты и обернулись. Никого на креслах не было. Фред глубоко вздохнул.

— Ну вот, похоже, мы еще живы. Пойду-ка я на улицу и узнаю, не видел ли кто-то еще что-нибудь странное.

Прежде чем Анна успела произнести хоть слово, Фред вышел из квартиры, очевидно не особо задумываясь, что он делает. Он сбегал по ступенькам и вышел на ветер. По тротуару несло листья и ветви. Он обошел дом, глядя, нет ли повреждений. Прошелся по кварталу. Вдалеке были сирены. Заметив на улице двух человек, Фред направился к ним.

— Вот ведь штормит, — сказал он.

— Да-а-а, — протянул один и указал на стоящие без света дома в паре кварталов от них. — Наверное, где-то провода порвало.

Фред подумал, что ему нужно вернуться домой, посмотреть, как там Анна. Если их чувства сейчас хоть в чем-то совпадают, она, должно быть, ужасно напугана. Войдя в квартиру, он сразу же увидел в коридоре Анну. Она была не напугана, но ошеломлена.

— Ты знаешь, что ты только что сделал? Ты понимаешь, что ты сделал только что? — она просто не верила своим глазам.

Фред так и застыл на месте. Он перевел взгляд на свое захиревшее тело, потом снова на жену. Что с ним произошло? До него потихоньку доходило, что он только что спустился по ступенькам, прошелся по кварталу и вновь поднялся вверх. И не запыхался! Несколько минут назад даже путь до ванной стоил бы ему колоссальных усилий и боли, что уж тут говорить о ступеньках. А сейчас он и не устал даже. На самом деле он чувствовал себя просто великолепно! Так что же с ним произошло?

— Сейчас я это повторю, — сказал он, сам себе не веря. Фред спустился вниз и еще дважды обошел квартал.

— Я чувствую себя на миллион баксов, — сказал он Анне, вернувшись. — Боль ушла.

Ушла и с тех пор больше не возвращалась. Он позвонил своему кардиологу, но, услышав историю Фреда, врач сказал, что не хочет обсуждать эту тему. Тогда Фред позвонил своему терапевту из местной больницы скорой помощи, который выписывал ему обезболивающие.

— Знаете, Фред, мне не раз приходилось слышать подобные истории, — сказал доктор. — Странно, конечно, но я научился не удивляться таким вещам. В добрый час, Фред, радуйтесь жизни, а если боль вернется, обращайтесь к нам снова. Вот и все. А пока наша помощь вам не нужна.

Теперь Фред действительно радуется жизни. Что-то изменилось не только в его теле, но и в характере, и в отношении к жизни. Ему уже не хочется контролировать все и вся. Он совсем перестал пить, к нему чаще заходят дети и приятели.

Чудо (так они называют это происшествие) сблизило Фреда и с Анной. Теперь они даже подолгу беседуют на духовные темы, вместе читают и обсуждают книги, посвященные вопросам духовного роста, — Фред, не таясь ни от себя, ни от других, впустил эту философию в свою жизнь.

Стремясь сделать что-то для окружающих, Фред и Анна пишут и распространяют в своем районе посвященный духовным вопросам бюллетень, в котором предлагают людям те или иные темы для обсуждения. Фред уже не спрашивает себя, почему к нему пришло это удивительное исцеление. Он уверен: просто он должен дать что-то миру, а для этого нужно было исцелить его тело и дух.

Анна считает, что это чудо было нужно им обоим.

Иногда наши Моменты Благодати бывают не так уж и благодатны. Бог может прийти и устроить нам порядочную встряску. И время от времени такая «встряска» может прийти к нам в форме переживания, которое можно объяснить только... только сказав, что это необъяснимо. В подобных случаях нам остается лишь гадать: что же это такое было? Что происходит?

В книге «Дружба с Богом» есть одно удивительное утверждение: **«Я не дал тебе ничего, кроме чудес».**

Смысл этого послания состоит в том, что мы можем ждать чудес каждый день. Но для того, чтобы придать какое-то значение присевшей к нам на руку бабочке, мы должны осознавать, что вокруг нас постоянно творятся чудеса. Иначе мы их просто проглядим.

Кроме тех случаев, когда все-таки увидим. Потому что просто не сможем не увидеть. Иногда не замечать их невозможно. Так было с Фредом и Анной.

Однако прежде, чем мы приглядимся к этому чуду попристальнее, я бы хотел поговорить о некоторых причинах, почему так необходимы бывают чудеса исцеления.

Мы заботимся о себе недостаточно хорошо. Не только Фред — большинство из нас.

В книге 1 «Бесед с Богом» есть такое высказывание:

Всякая болезнь создана самим человеком. Даже обычные врачи сейчас уже понимают, что люди сами делают себя больными.

Многие делают это неосознанно. (Они даже не знают, что они делают.) Поэтому, заболевая, они не знают, что причинило им страдание. Это воспринимается, как будто что-то выпало на их долю, а не они сами это создали.

Так происходит потому, что большинство людей вообще идут по жизни (и это касается не только вопросов здоровья) неосознанно.

Люди курят — и удивляются, почему они заболевают раком.

Люди едят животных и жир — и удивляются, отчего у них закупорены артерии.

Люди всю свою жизнь злятся — и удивляются, откуда у них сердечные приступы.

Люди соперничают друг с другом — беспощадно и в условиях невероятного стресса — и удивляются, из-за чего у них случаются параличи.

Невидимая на первый взгляд правда состоит в том, что большинство людей своим беспокойством изводят себя до смерти.

Пять книг и пять лет спустя, в книге «Единение с Богом» появилось еще такое замечание:

Здоровье — это свидетельство согласия между вашим телом, разумом и духом. Если вы нездоровы, прежде всего разберитесь, какая часть вас нарушает это согласие. Возможно, пора дать отдых своему телу, — но разум не знает, как это сделать. Возможно, ваш разум заикнулся на негативных мыслях, на гневе, на тревогах о завтрашнем дне, — и тело не может расслабиться.

Ваше тело раскроет вам правду. Просто обратите на него внимание. Присмотритесь, что оно пытается вам показать, прислушайтесь, что говорит.

Прислушиваясь к своему телу, заботясь о нем, мы сможем использовать его эффективнее. И тогда вместо того, чтобы день за днем ждать чудес, мы сможем творить их.

Итак, теперь поговорим о чудесах.

В «Курсе чудес»⁴ сказано, что чудеса не различаются по степени сложности. Ибо для Бога ничто не сложно. Возможно все — причем не только возможно, но и легко.

Однако при том, что чудеса не различаются по степени сложности, они различаются по типу и масштабу. Есть большие чудеса и маленькие. Одни из них совершаются быстро, другие требуют некоторого времени. Одни чудеса легко объяснимы, другие — нет.

Не все чудеса сводятся к исцелению. Фред Рут был исцелен, но это не повод для кого бы то ни было гадать, почему с его любимым человеком не произошло «чудо» и тот умер. Даже смерть человека может быть чудом, хотя это не всегда то чудо, которого мы желали бы.

Я определяю чудо как «именно то, что нужно, именно так, как нужно, именно тогда, когда нужно». Прекрасным примером тут может служить история смерти мистера Колсона старшего,

⁴ «Курс чудес», или «Путь среди чудес» (англ. «Course in Miracles»), — книга, (свод правил, молитв и практик), полученная посредством ченнелинга американской учительницей математики. Учение о самосовершенствовании, основанное на прощении и приобретающее все большую популярность в США, Европе и во всем мире. Понемногу оно завоевывает популярность и у нас. «Софии» впервые в мире было предложено самостоятельно издавать эту книгу (на русском языке). До сих пор практиковалось издание ее переводов только в США, в специальном издательстве общества «Foundation for Inner Peace». Наш представитель должен был вылететь в США для переговоров 12 сентября, на следующий день после теракта в Нью-Йорке. Что хотел нам сообщить Бог? — Прим. ред.

описанная в конце первой главы этой книги. Другой, менее драматичный, но не менее выразительный пример — рассказ о водителе, подобравшем Дэвида Дэниэла с островка посреди оживленной дорожной развязки в Нью-Йорке.

Всякий раз, моля о чуде для себя или для кого-то другого, я черпаю силу и успокоение в том, что «оставляю на усмотрение Бога», какую именно форму обретет чудо. Я говорю:

«Вот чего я хочу, Боже, но только если это пойдет во благо всем, кого это касается. Пожалуйста, Боже, пусть восторжествует высшее благо. Для всех. Как Ты того хочешь. Аминь».

Я обращаюсь к этой молитве вот уже двадцать пять лет, и нахожу в ней огромное утешение. Загадываю желание и «отпускаю его с Богом».

Я уже говорил выше: чем лучше мы осознаем, что чудеса в нашей жизни происходят каждый день, тем больший опыт чудес приобретаем. Но все равно мы не замечаем многие из них, не признаем в них чуда, поскольку не видим в этих событиях ничего «чудесного».

Часто чудесно не само событие, но время, когда оно происходит. Легко объяснимое событие может оказаться необычно тем, когда оно случилось. И мы склонны называть его не чудом, а синхронизацией.

Или чудесно не событие и не то, когда, но *как* оно произошло. Бывает, что самые обычные события складываются в какой-нибудь неожиданный узор, достойный пера Сервантеса, и все вместе приводя к совершенно невероятному результату. И мы склонны называть это не чудом, но невероятным стечением обстоятельств (serendipity).

Иногда и само событие нашей жизни вполне объяснимо, и ни время, ни обстоятельства, при которых оно произошло, не вызывают удивления. Однако нас ошеломляет сам факт, что такое вообще произошло в нашей жизни. Однако и это мы склонны называть скорее не чудом, но удачей.

Многие люди готовы давать Божьему чуду любые названия, только не «Божье чудо», поскольку либо не верят в Бога, либо — в чудеса, либо — в то, что чудеса могут происходить с ними. Люди склонны не замечать то, во что они не верят. Ибо верить — значит видеть. Иначе и быть не может.

И именно по этой причине вы можете не видеть даже себя — Кто Вы Действительно Есть. Вы не замечаете свое Я и не знаете, что вы — чудо. Однако это именно так. Вы — вершащееся чудо. Ибо вы себя еще далеко не закончили, и Бог тоже вас не закончил.

Именно это и постиг Фред Рут за те недели, пока ждал смерти. У Бога на него были другие планы, и чего Он только не испробовал, чтобы пробудить Фреда. Он даже надоумил Анну носить Фреду книги и заводить с ним духовные беседы. Но Фред просто не слушал. И тогда Бог сказал: «Ла-а-адно, давай-ка посмотрим, чем еще мы можем привлечь внимание этого человека».

Вселенная посылает подобные призывы к пробуждению многим из нас. Но, как я уже говорил, мы обычно готовы называть их как угодно, лишь бы скрыть от себя истинную суть.

Психологическими абберациями.

Паранормальными переживаниями.

Полетом воображения.

Как угодно.

А на самом деле — это чудеса.

Но неужели такое бывает?

Неужели люди действительно могут увидеть перед собой световой шар, ощутить пронизывающие их энергетические лучи, услышать нежные голоса, рассказывающие о великих истинах?

Неужели люди и вправду могут пережить чудесное исцеление, или внезапно ощутить полное Единство со Вселенной, или на самом деле побеседовать с Богом?

Да.

5

БЕЗЗВУЧНЫЙ ГОЛОС

После публикации «Бесед с Богом» люди то и дело спрашивали меня:

— Почему ты? Почему Бог выбрал именно тебя?

Если бы даже я считал, сколько раз отвечал на этот вопрос, то все равно бы давно уже сбился со счета:

— Бог не выбирал меня. Бог выбрал каждого. Бог говорит с каждым из нас, всегда. Дело не в том, с кем говорит Бог. Дело в том, кто слушает.

Бог тем или иным способом обращается к каждому из нас много раз в день. Бог не знает стыда, и он использует для общения с нами любые средства.

Слова песни, услышанной вами по радио.

Мимолетное замечание приятеля, которого вы «случайно» встретили на улице.

Статья в журнале месячной давности, прочитанная вами в парикмахерской.

И — да! — голос, обращающийся непосредственно к вам.

Но нужно слушать. Нужно осознавать, что Бог общается непосредственно с вами. Это не надежда. Не желание. Не молитва. Это реальность. Бог обращается к вам в Моменты Благодати. Но если вы не осознаете этого, то просто переживаете такие моменты, даже не замечая, что они были в вашей жизни.

Я подчеркиваю это снова и снова, ибо хочу, чтобы вы настроились на свое духовное Я. Хочу, чтобы вы открыли глаза и уши. Хочу, чтобы пробудили свои чувства. Хочу, чтобы вы «пришли в чувство» и почувствовали Бога! *Ибо Божьи послания приходят к вам постоянно.*

Вам нужны еще примеры? Нужны дополнительные доказательства? Прочтите следующий рассказ. Он — о Даге Фербуше, живущем неподалеку от Атланты, штат Джорджия.

Даг с женой давно хотели переехать в свой дом, и вот их мечта сбылась. Последние выходные он посвятил установке противопожарной системы — хотел закончить ее до зимних дождей.

Ему нравилась эта работа — копать землю, укладывать дерн. Под ногти набивалась грязь, и даже это приятно разнообразило рутину консультанта по технологиям, которому почти целые дни приходилось проводить перед экраном компьютера.

Итак, Даг, согнувшись, работал лопатой. Сентябрьское солнце пригревало спину.

— Я сбегая в супермаркет, — крикнула жена. — Тебе что-нибудь купить?

— Нет, солнышко, спасибо, — прокричал Даг в ответ.

— О'кей! Скоро буду.

Даг усмехнулся: «И ничего-то в целом мире мне уже не нужно».

У него уже было почти все, что он мог пожелать. Будь он в силах сейчас изменить что-то в мире, Даг оставил бы все как есть. Жизнь прекрасна. Прекрасно все: солнце, согревающее его плечи, стук и скрежет лопаты, вонзающейся в землю, птицы, льющие трели с вершины персикового дерева в глубине сада. Даг копал, и в мышцах его пела радость труда. Между лопаток стекал пот.

— Даг.

Голос прозвучал настойчиво, но он его не узнал. Почти похож... беззвучный голос.

Даг огляделся. Двор был пуст. Может быть, жена? Наверное, она. Вероятно, забыла что-то и позвала его с дороги. А когда он не ответил, пошла за забытой вещью сама.

Да, так и есть.

Вонзив лопату в земляной холмик, Даг выбрался из канавы и пошел к дому. Никого нет. И машины жены нет в гараже.

«Хм, наверное, я перегрелся на солнышке», — подумал он, возвращаясь к своей канаве.

— Даг!

В этот раз голос звучал настойчивее.

— Разыщи Гэл!

Даг так и застыл на месте. «А это что такое? Я отчетливо слышал этот голос, — сказал он себе. — Но откуда он доносился? И почему он говорил о Гэл?»

Утро его дочь провела с друзьями на катке, а когда вернулась, сразу же пошла в свою комнату. В последнее время она вела себя как-то замкнуто, но и Даг был настолько занят своими делами, что едва ли пытался с нею поговорить. «В конце концов ей уже тринадцать, — улыбнулся он про себя. — У нее должны быть настроения».

И тут его объял ужас: что-то не так. Зачем его звал этот голос? Зачем велел ему разыскать Гэл?

Все эти мысли промелькнули в голове Дага за считанные секунды. Он резко развернулся и помчался в дом, даже не сняв перепачканные грязью ботинки. Перескакивая через ступеньки, он поднялся к комнате Гэл.

Дверь, как обычно, была заперта. Здесь находилась Святая Святых. Даг понимал и уважал право Гэл на личную территорию. Но сейчас что-то было не так. Отчего-то ему было тревожно.

— Гэл? — он постучался.

Тишина.

Теперь он постучался громче.

— Гэл, ты там? Что-то случилось? Никакого ответа.

— Гэл, открой дверь!

— Оставь: оставь меня в покое... папа, — донесся слабый приглушенный голос.

Ну вот, уже лучше. Хоть отозвалась. Но что-то не давало Дагу уйти.

— Гэл, открой дверь. Сейчас же.

Он немного подождал. «Придется выламывать», — подумал он, но тут щелкнул замок.

Едва приоткрыв дверь, Гэл повернулась, побежала к кровати, юркнула под одеяло и укрылась с головой. Ее тело сотрясало в беззвучных рыданиях.

— Что такое, малышка? — спросил Даг, направляясь к дочери. — С тобой что-то случилось?

— Оставь меня, папа, — снова пробормотала девочка.

Глаза Дага ошеломленно обшарили комнату, и тут он увидел на пододеяльнике кровь. Только одно пятно, но он его заметил и коснулся пальцем. Кровь еще не засохла.

— Гэл, поговори со мной. Ты поранилась? Девочка не отвечала.

— Гэл, пожалуйста, скажи мне, что случилось? Откуда у тебя на постели кровь?

Дочка приоткрыла лицо. Ее глаза были красные и припухшие: как и запястья. Она пыталась вскрыть себе вены.

— Гэл, девочка моя, ну что же ты наделала?

Даг думал, что сойдет с ума. Он схватил ее за руки, чтобы рассмотреть их получше. Очевидно, большого вреда она себе не причинила. Порезы были неглубокие, и тем не менее они кровоточили. Даг побежал в ванную за полотенцами.

— Зачем ты это, Гэл? — спросил он через плечо. — Что с тобой случилось?

Теперь она уже не сдерживала рыдания.

— Папа, прости меня, но я так больше не могу!

— Как? Как ты не можешь?

— Люди очень жестоки ко мне. Меня все ненавидят.

— О Гэл... — перебил ее Даг, возвращаясь к ее постели с полотенцами, — это неправда.

— Папа, пожалуйста. Ты не знаешь. У меня нет друзей. А единственная девочка, которая мне нравится, очень жестока ко мне. Сегодня она меня любит, а завтра — ненавидит и обсуждает за спиной.

Отец осторожно вытирал с рук дочери кровь теплым влажным полотенцем.

— Сегодня на катке она такое сказала... Нет, я так больше не могу... На прошлой неделе она пригласила меня на свой день рождения. Как я была рада! А сегодня она при всех сказала, что передумала... сказала, чтобы я не приходила. Мне захотелось умереть.

— Но Гэл, все не настолько плохо. У тебя будут друзья. Будет много дней рождения. Ты хорошая и красивая. Многие люди захотят с тобой дружить, — уговаривал свою дочь Даг. — Пожалуйста. Ну ведь ты же не веришь, что жизнь недостойна того, чтобы жить. А как же мы — я и мама? Мы-то тебя любим. Очень.

Тут хлопнула входная дверь.

— Ребята! Я пришла. Идите-ка посмотрите, что я купила, — весело позвала их из прихожей жена Дага. — Эй! Да куда же вы все подевались?

— А вот и мама. Давай поговорим с ней, ладно? Ей тоже захочется узнать, что с тобой происходит, — Даг перевязал раны Гэл полотенцами. — Надо съездить наложить тебе швы, детеныш. Пошли.

Гэл встала и окунула ноги в туфли, кое-как придерживая окровавленные полотенца. Даг смотрел на грязные следы своих ботинок на розовом ковре. Потом потряс головой, отгоняя неуместные мысли. «Нашел о чем беспокоиться», — упрекнул он себя и, облегченно вздохнув, поднял глаза в благодарственной молитве. Взгляд отца упал на маленькие серебристые звездочки, которые Гэл наклеила на потолок, и мысли понесли его куда-то прочь, прочь...

«Тот голос, — думал он, — это был голос Бога». Даг знал это абсолютно точно. Голос оторвал его от работы и спас жизнь дочери. Он и думать не хотел, что могло бы случиться, если бы он не пришел к ней вовремя. Даг понимал, что ей нужна была помощь, и он просто обязан был предоставить ее ей.

Следующие недели были очень сложными — бесконечные беседы с врачами и консультантами, слезы, слезы. Однако закончилось все прекрасно. Гэл сумела справиться с депрессией и вернуть себе волю к жизни. Девочка почувствовала, что ее по-настоящему любят в семье, а вскоре появились и друзья, — как оно всегда бывает со временем. Гэл поняла, что отчаянные моменты в жизни не всегда требуют отчаянных мер.

Врачи определили у Гэл глубокую депрессию. Не получи девочка своевременного лечения, она нашла бы способ свести счеты с жизнью, — Даг в этом уверен. Но у Бога были другие планы, и теперь Гэл — прекрасная цветущая восемнадцатилетняя девушка. Она изучает в колледже океанографию.

А Даг? Он испытывает глубокую благодарность. И осознает, — совершенно отчетливо осознает, — что Бог говорит с людьми напрямую.

Большинство людей верят в обратное. Наше общество приучило нас отрицать, что Бог может напрямую общаться с обычными людьми (любопытно, что то же самое утверждают и большинство религий). Нам говорят, что Бог действительно беседовал с некоторыми представителями человечества, но это было весьма редко, и обращался он не к простым людям. Эти обращения Бога называются откровениями, и нам говорят, что они были даны лишь совершенно особым людям при совершенно особых обстоятельствах.

Иногда эти «особые» люди, пережившие подобный опыт (или кто-то, кто слышал о них), записывали содержание откровений, и такие записи называли Священными Писаниями. Если же подобные записи были сделаны «обычными людьми», то эти тексты называли ересью.

Вдобавок, чем ближе подобный опыт к настоящему времени, тем больше вероятность, что его объявят иллюзорным или галлюцинаторным. Чем дальше он в прошлом, тем охотнее люди его чтят.

Джордж Бернард Шоу говорил: «Все великие истины начинаются как ереси».

Живя в современной культуре тотального отрицания, мы должны не отрицать опыт своей души, разума и тела, но утверждать его. Громко и отчетливо, чтобы слышали все. И это не всегда легко.

В продолжение многих лет всякий раз, когда какой-то опыт моей души, разума и тела (хотя тогда все эти три составляющие еще толком не знали, что такое опыт) шел вразрез с привитыми мне представлениями об истине, я просто отрицал такой опыт.

Так поступают многие.

До тех пор, пока у них остается хоть какая-то возможность. До тех пор, пока свидетельство не становится настолько очевидным, настолько глубоким и пугающим, что отрицать его уже невозможно.

Билл Колсон и не думал отрицать свой опыт. Наоборот, во время поминальной службы по его отцу он прямо в церкви рассказал о своем случае всем собравшимся. И Билл Такер не собирается отрицать свой опыт. А также Дэвид Дэниэл, Фред и Анна Рут, Джерри Рейд и другие «обычные люди», чьи рассказы собраны в этой книге. Они понимают и знают, что в их жизнь приходит Бог, что Он взаимодействует с людьми напрямую. Что Бог даже разговаривает с нами. Думаете, Даг Фербуш сомневается в этом хоть немного?

Могу точно сказать вам: не сомневается. Но важнее всего то, что его опыт не так уж необычен.

Роберт Фридман руководит издательством Hampton Roads, которое представило миру «Беседы с Богом» и опубликовало ту книгу, которую вы держите в руках сейчас. Когда я в первый раз сказал Бобу, что хочу сделать книгу под названием «Моменты Благодати», и объяснил ему, о чем в ней пойдет речь, он сразу же заметил:

— У меня тоже был такой момент в жизни!

— В самом деле? — спросил я.

— Точно. Я прекрасно понимаю, о чем вы говорите.

— Так расскажите мне об этом. Что произошло?

— Мне было шестнадцать, — начал Боб, — и я только что научился водить машину. Я жил тогда в Портсмуте, штат Виргиния.

— Угу.

«И вот однажды я ехал по небольшой улочке, и мне нужно было пересечь широкую автостраду в четыре полосы. Вдоль дороги вплоть до самого перекрестка стояли заборы, и автостраду практически не было видно. Но какое это имеет значение, если там стоит светофор, так ведь?

Загорелся зеленый свет, значит, можно ехать. Ну вот, загорается зеленый, я уже нажимаю на газ, и вдруг какой-то голос произносит у меня в голове: «Стоп!». Да, именно так, просто «Стоп!». В машине никого нет, а я совершенно отчетливо слышу голос, который говорит мне «Стоп!».

Ну, я и нажал на тормоз. Чисто автоматическая реакция. Я даже ни о чем не успел подумать. Просто нажал на тормоз. А тут этот парень... эта машина мчится прямо на красный свет! Он едет слева, и я его не видел, пока он не выехал на перекресток, а он мчит со скоростью пятьдесят миль в час* — просто летит.

Если бы я тогда не нажал на тормоз, он ударился бы прямо в мою дверцу. Парень действительно мчался во всю прыть, и я в той ситуации — мертвец. Я ничуть не сомневаюсь, что погиб бы прямо на месте.

А теперь скажите мне, что это был за голос? Это был ангел? Мой ангел-хранитель? Проводник? Бог? Я не знаю, я даже не думаю, что тут есть какая-то разница. То есть это все — проявления Бога, правильно? Но одно знаю точно: я слышал этот голос. Всего одно слово, и оно спасло мне жизнь».

— Ого! — воскликнул я. — И если бы не тот Момент Благодати в вашей жизни, то не было бы и этих «Моментов Благодати», — я имею в виду книгу. Кто еще ее опубликовал бы? И кто опубликовал бы «Беседы с Богом»?

— Уж во всяком случае не я...

— Так что, думаю, у Бога были по поводу вас кое-какие планы.

— Думаю, у Него были планы по поводу нас обоих.

И вот «Моменты Благодати» перед вами. Думаю, каждый может рассказать по меньшей мере одну историю о Божественном Вмешательстве в его жизнь. И я не вижу в этом ничего удивительного. Я рассказал Бобу, почему решил сделать эту книгу: я хочу показать миру, что в моем опыте, описанном в «Беседах с Богом», ничего необычного нет. Необычно лишь то, что я решил выйти на публику, что я захотел говорить об этом. И еще немного необычно, что мои беседы были достаточно долгими и я успел записать их. Но сам опыт, — опыт прямого общения с Богом, — вещь очень и очень обычная.

Если когда-нибудь попадете в Индианаполис, штат Индиана, спросите об этом у Каролины Лефлер. Вот что она нам поведала...

6

БОГ ТОЖЕ ПОЕТ ?

Мам, не волнуйся о папе, — сказал мой пятилетний ребенок, глядя мне прямо в глаза. — Все будет хорошо.

Я, конечно же, удивилась. Отвозя Эрика в школу, я как раз думала о своем бракоразводном процессе. Я-то уже смирилась с тем, что наш брак подошел к концу. Единственное, о чем я по-настоящему беспокоилась, — как это повлияет на Эрика.

Отец и сын любили друг друга. Я всячески пыталась защитить мальчика от жестокой новости о том, что его папа больше с нами жить не будет, но Эрик был слишком умен и чувствителен, чтобы не понять правды.

После того как отец все-таки ушел, Эрик стал носить свою куртку с капюшоном задом наперед и при всякой возможности закрывал лицо. Я просила его, просто умоляла не делать этого, но безрезультатно. Мальчишка продолжал прятаться. Однако сегодня, похоже, он оправился от потрясения достаточно, чтобы попытаться утешить меня.

— Спасибо, родной мой. Ты прав. Все будет хорошо.

Я вновь удивилась способности Эрика читать мои мысли. Этот ребенок с самого начала обладал сильнейшей интуицией. Нередко в самые неожиданные моменты он схватывал глубочайшие мои мысли — словно мы общались телепатически. Мы с ним часто играли в игру «подумай меня домой».

Когда готов обед и пора звать Эрика со двора, я мысленно направляю ему свой зов. Эрик безошибочно вскоре появляется в дверях и вполне буднично говорит:

— Ну вот, мам, я пришел.

Он всегда очень отличался от большинства детей. Позже, когда настала пора отдавать мальчика в школу, я заметила, что одноклассники его, видимо, не понимают и он чувствует некоторое отчуждение. В результате у Эрика появился свой собственный очень богатый мир фантазии. Нередко он без предупреждения уходил в свой воображаемый мир и погружался туда настолько полно, что утрачивал всякую связь с реальностью. Фактически, фантазии превращались для него в реальность.

Однажды, — ему тогда было лет восемь, — Эрику надоел урок, и он ушел в свой мир. Мальчик представил себе, что он — тигр, охотящийся в джунглях. Тихо и медленно пробираясь среди густых

зеленых зарослей, он заметил обезьянку, выискивающую что-то в траве. В один прыжок Эрик настиг добычу.

— Эрик! Что ты делаешь? — донесся до него визг учительницы. Мальчишка тут же вернулся в реальность. Он сидел на полу классной комнаты и грыз деревянную ножку парты! Эрик стал пристыжено извиняться перед учительницей. Позже он сказал мне, что даже не мог найти слов, чтобы объяснить свое поведение. Тем более что мальчику казалось, будто к тому времени учительница все равно уже оставила всякие попытки понять его.

Я всегда знала, что воображаемый мир Эрика был для него не только местом укрытия и источником неспособности «приноровиться» к другим детям, но и симптомом особой чувствительности к обычным горестям и бедам детства. Он был очень уязвим, его ранили многие вещи, которые с других детей стекали как с гуся вода.

Однажды, — Эрику тогда недавно исполнилось десять лет, а в школе начинались каникулы, — эта его черта проявилась в своей самой опасной форме. Он предложил своему однокласснику (кажется, по фамилии Джексон) во что-то сыграть.

— Не-а. Я буду играть с ребятами в футбол. Хочешь, пошли с нами?

Об этом Эрику не хотелось даже и думать. В прошлый раз во время игры ему в глаз попал мяч, и он пришел домой с синяком.

— Ну уж нет, — ответил Эрик.

— Я буду играть в футбол, — сказал Джейсон. — А ты как знаешь.

Эрик увидел в этих словах какую-то обидную окончательность. Должно быть, он сразу же пришел к выводу, что раз Джейсон не хочет с ним играть, значит, он его не любит, а отсюда родилась мысль, что его вообще никто не любит.

Если мальчик думал именно так, то я понимаю, почему он дошел до отчаяния. Эрик нашел во дворе брошенную кем-то скакалку и, ни секунды не раздумывая, взобрался на трехфутовый забор, обвязал один конец веревки вокруг столба, другой — вокруг шеи и прыгнул.

К счастью, дежурившая на площадке учительница увидела, что делает мальчишка, на полсекунды раньше, чем все это закончилось. Она бросилась к Эрику, подхватила его и позвала другого учителя, чтобы тот развязал веревку на шее у моего сына.

Сам Эрик особенно не поранился, но напугал всех до смерти. Меня тут же вызвали в школу. Я сидела рядом с сыном в кабинете директора, и по моим щекам лились слезы.

— Малыш, зачем ты это сделал? — спрашивала я. — Ты же знаешь, обо всем, что тебя волнует, можно поговорить со мной, и мы как-нибудь все уладим. Я люблю тебя. Папа тебя любит. Бог тебя любит.

— Но в школе меня никто не любит, мама! — горестно выкрикнул Эрик.

Я обняла сына. Как же ему помочь? Я была в отчаянии.

Обсудив этот случай со школьным психологом, я решила не уделять ему особого внимания. И учителя, и психолог считали, что лучше всего в подобных ситуациях реагировать на случившееся как можно сдержаннее. Я решила просто попытаться как-то помочь сыну справиться с болью от того, что отец больше не живет с нами.

К сожалению, у меня на это не оказалось времени. Всего два дня спустя Эрик снова попытался повеситься. На этот раз в стенном шкафу для одежды. И тогда я приняла трудное решение: отвезти сына в психиатрическую лечебницу. Другого выхода я не видела.

Мы ехали по широкому проспекту к больнице, и я беззвучно рыдала: «Я не могу оставить своего ребенка в этом страшном заведении. Ему всего десять лет!» Я даже не знала, достаточно ли хорошо Эрик понимает, что ему сейчас придется жить там, вдали не только от отца, но и от всего, что он любит: от дома, который был его небесами, его убежищем.

— Мам, не волнуйся. Со мной все будет в порядке. Да и ты сможешь навещать меня.

Он снова прочел мои мысли. «Как ребенок с такой интуицией может быть настолько озабочен?» — спросила я себя горестно.

Взявшись за руки, мы с Эриком прошли вслед за медсестрой по клинике. Ничего страшного: больница как больница. Но все-таки — больница. Поговорили с врачом и медсестрами, распаковали его вещи, крепко обнялись на прощанье и сказали друг другу «до свидания». Теперь мне не позволено будет видеть Эрика целую неделю. Я думала, что просто не перенесу этой разлуки с моим мальчиком. Я так ему нужна, ему будет так одиноко. «Почему так вышло?» — не давала я себе покоя.

Совершенно обезумев от горя, я машинально вела автомобиль по улицам города. В последние дни мне приходилось глубоко таить свои чувства. Конечно, перед Эриком я пыталась выглядеть сильной, но теперь уже не от кого было прятать слезы, и я наконец смогла расплакаться.

Мой разум кричал: «Почему так вышло? Кто мне поможет?.. Кто меня поддержит? Я одна, совершенно одна!» Как мне хотелось просто упасть на руль и плакать!

Я припарковала машину и побрела в свой опустевший дом. Началось время одиночества. Не раздеваясь, я рухнула на кровать и завернулась в одеяло. Так и лежала в кокон, всхлипывая и желая лишь одного: чтобы кто-то меня обнял и успокоил. И тут я услышала голос: «Ты не одна, Кэрол».

Я вскочила и оглянулась. В комнате никого не было.

«Я с тобой».

Вот опять. Голос из ниоткуда. Однако на этот раз не было ни испуга, ни тревоги. Меня обьяло изумительное ощущение покоя. И вдруг я поняла, что знаю, кто говорил со мной.

Ничего.

— Да-а-а-а, — пробормотала наконец Глэдис, — так я и думала.

Она с отвращением привстала и включила телевизор. И поблелела. Ноги стали как резиновые. Не веря своим глазам, женщина снова откинулась на спинку кресла. На весь экран красовались два огромных — крупнейших — слова:

О, Бог.

По телевизору начался фильм Джона Денвер-Джорджа Бернса, и как раз в тот момент, когда Глэдис нажала кнопку, на экране высветилось его название. Вы и представить себе не можете, что творилось в тот момент в ее голове.

Позже она посмеивалась надо всем этим, и письмо ее написано в весьма ироничном тоне. Но с тех пор она больше не сомневается в существовании (и присутствии) Бога.

Итак, вы видите, что Бог являет Себя нам во множестве форм. И не все они «Божественны». Небесные послания не всегда приходят к нам в небесных конвертиках или с небесными переживаниями, — как мы обычно их себе представляем. Они могут прозвучать под напористую музыку тяжелого рока. Или прийти с титрами фильма двадцатилетней давности. Или, как ни странно, в широко популярных книгах.

Божественные послания редко приходят к нам под аккомпанемент арф, редко их приносят ангелы. Редко. Но не сказал бы, что этого не бывает никогда...

7

ПОСЛАННИЦА С НЕБЕС ?

Дениз Морленд смотрела на молодую мать, лежавшую с ней в одной палате. Лицо женщины так и лучилось улыбкой, когда она кормила свою новорожденную девочку.

«Почему я тоже не могу так же приласкать сына? Почему ему так плохо? — беззвучно спрашивала Дениз у Бога. — Почему эта женщина обнимает своего ребенка, а мой лежит в другой палате, на грани между жизнью и смертью?»

Была зима 1976 года, когда Америка отмечала двухсотлетнюю годовщину независимости. Для многих это был праздник жизни, свободы, стремления к счастью. Дениз волновала более важная проблема... ей нужно было найти повод, чтобы жить. Прежде чем Дениз исполнилось восемнадцать, у нее уже было два выкидыша, и вот теперь, наконец, она выносила ребенка полный срок. Но и тут случилась беда. В конце беременности кровь Дениз с отрицательным резусом вступила в конфликт с кровью плода, у которого резус был положительный, и прошлым вечером пришлось срочно делать женщине кесарево сечение. Маленький Адам сейчас боролся за свою жизнь, и врачи обнадежили Дениз, что, скорее всего, он справится.

«Он такой крохотный, такой красивый». Как одиноко Чувствовала себя Дениз, глядя на Адама, лежащего в холодной пластиковой кроватке, с подключенными к тельцу трубками. Ей хотелось взять его на руки, согреть, показать малышу свою любовь. Он весил всего два шестьсот. Матери было даже трудно представить, как что-то настолько маленькое и беспомощное может бороться за свою жизнь.

Но он боролся. И в эти несколько дней, пока боролся он, пришлось побороться и ей — Дениз нужно было победить зарождавшуюся в ней ненависть к женщине на соседней кровати, которая с такой любовью ворковала над своим ребенком и кормила его грудью. Более того, ей нужно было бороться, чтобы не возненавидеть Бога, который, казалось, ее покинул.

За больничным окном было тускло, и от этого становилось еще хуже. Город скрывался под слоем снега и льда. Больница оказалась буквально отрезана от внешнего мира, — оттуда приходили лишь посетители, чтобы снова туда вернуться. Дениз чувствовала себя одинокой и плененной в этой реальности, которую она просто не могла постичь, — что ее сын может умереть.

Вот уже третью ночь женщина лежала в кровати, гоня от себя саму мысль о том, что, возможно, она придет домой без ребенка. И тут ею овладел гнев.

«Как Ты можешь так поступать со мной, Боже? — беззвучно кричала Дениз. — Как мог Ты дать мне этого ребенка, дать мне долгожданное потомство лишь для того, чтобы забрать его у меня? Мало того, что Ты наградил меня таким тяжелым детством, теперь Ты заставляешь меня страдать еще больше!» — казалось, ее сердце вот-вот разорвется.

Не в силах совладать с неистовыми чувствами, женщина взяла листок бумаги и стала писать подруге, с которой переписывалась вот уже много лет. Дениз привыкла изливать все свои чувства именно в письмах к этому человеку, а сейчас на душе накопилось особенно много, и нужно было этот груз сбросить.

Ручка легко скользила по листу, и вместе с пастой на бумагу изливалась вся душевная боль и глубочайшая обида. Дениз писала почти бессознательно. Буквы заполняли страницу за страницей, а женщина все продолжала писать. Ужасная душевная боль стала понемногу отпускать ее. И тут внезапно Дениз поняла, что она изливает сердце уже не перед подругой. Теперь она беседует с Богом. Тут молодая мать перестала писать и перечитала последние слова.

«Это дитя — истинное благословение для меня, и я его люблю. Он для меня — дар Божий. Да, выносила его я, и все-таки он — сын Бога. Хотя я и не знаю, почему Бог хочет забрать у меня моего малыша, мне понятно, что я тут ничего поделать не могу. Если Отец хочет забрать Адама к себе, да будет так. Бог дал мне его, Бог может забрать. Мне лишь остается верить, что на это были свои причины, некий Божественный Промысел. Итак, Господь Созидатель, делай то, что нужно для высшего блага. И да свершится воля Твоя».

Тогда Дениз впервые в жизни почувствовала, что по-настоящему общалась с Богом. О, она говорила с ним и раньше. Чаще всего в припадках гнева. Но ни разу она при этом не чувствовала, что общается с кем-то. А сейчас... сейчас Дениз впервые в жизни ощутила, что действительно обратилась к Богу. И даже больше. Она почувствовала, что Бог услышал, согласился с ней, и даже передал Дениз, через нее же кое-какие истины. Это именно Он дал ей то понимание ситуации, Какое она обрела сейчас. Откуда еще взялись бы последние слова письма Дениз? Уж наверняка это были не ее мысли.

До сих пор.

Удивительный покой объял Дениз. Она положила листочки на тумбочку, выключила свет и впервые за последние три дня хорошо выспалась.

— Доброе утро, Дениз, — легонечко потрепала ее за плечо медсестра. — Я пришла сказать тебе, что сегодня мы возьмем у Адама кровь на анализ, чтобы выяснить, не нужно ли ему переливание.

Молодая мать была еще сонная, однако смысл сказанного дошел до нее сразу. Если Адаму потребуется переливание крови, могут возникнуть любые осложнения. Новая кровь либо спасет малышу жизнь, либо убьет его.

Поправляя Дениз подушку, медсестра прошептала: «Не теряй веру, малышка!» — ласково улыбнулась и вышла из палаты.

Дениз подумала о том, насколько, должно быть, легко говорить подобные слова и насколько трудно в такой момент и в самом деле не потерять веру. Она глядела в окно, выискивая на небе бледное зимнее солнце. Трудно было поверить, что сейчас уже утро... за окном так тихо. «Удивительно, как снег приглушает все звуки», — подумала женщина. Лежа в тишине и серости палаты, Дениз представила себе, что держит сына на руках, а потом он поднимается от нее в руки Бога. «Да свершится воля Твоя», — повторила она молитвенно.

Вдруг Дениз бросило в жар, ею овладела слабость. Внезапная острая боль в паху заставила ее непроизвольно свернуться калачиком. Вокруг словно потемнело, и со странной отрешенностью женщина смотрела, как палата стала от нее уходить... пока не исчезла вовсе. Она потеряла сознание.

— Можешь вернуться домой, если хочешь, — сказал кто-то. Она открыла глаза и увидела у своей постели прекрасную женщину. Что с ней случилось и кто эта незнакомка? Борясь с

головокружением, Дениз старалась разглядеть посетительницу получше. Говоря, гостя не шевелила губами. Казалось ее мелодичный голос просто звучит где-то в мозгу у Дениз.

Женщина пристально посмотрела Дениз в глаза.

— Отец готов принять тебя, если ты захочешь вернуться. Но, следует сказать, твоя работа тут еще не закончена, предназначение не выполнено. Твой сынишка будет жить. Тебе еще предстоит многое пережить и узнать.

Женщина была в изысканном ниспадающем черном одеянии. По плечам струились темные волосы. Дениз всегда думала, что ангелы должны быть облачены в белое, но и такой наряд показался ей уместным. К тому же женщина была так прекрасна. Ее глаза светились состраданием и любовью — любовью настолько глубокой, что Дениз просто не могла ее постичь.

— Бог одобряет твой выбор во всем, — продолжала ангел.

— Ты навлекла на себя несколько трудных уроков, но они научат тебя служить другим людям, если ты решишь остаться в этом мире. Иногда, когда тебе нужно будет утвердиться в вере, мы будем навещать тебя.

Дениз не сомневалась, что ей предоставили выбор — продолжать жизнь в этом мире или пойти дальше, к новым приключениям. Жизнь драгоценна, Дениз это знала. Но, кроме того, она очень трудна. Разве до сих пор ей не приходилось непрестанно сражаться с болью и страхом?

И даже сейчас она боролась со страшной реальностью... если ее малыш умрет, она навсегда останется бездетной. И ей предоставили возможность уйти прямо сейчас. Покинуть этот мир. Этот любящий дух приглашал ее домой, в объятия Отца, туда, где ждет покой.

Но Дениз почувствовала, что стоит остаться. Ее ребенок будет жить! И сама она со временем выздоровеет и снова станет счастливой, у нее будет семья и новая жизнь. Повернув лицо к своему ангелу, женщина увидела, что та улыбается. Решение Дениз ей уже известно.

— Я всегда с тобой, — сказала ангел. И ушла. Дениз моргнула... и увидела возле кровати медсестру с Адамом на руках. Сердце матери переполнилось радостью, и она протянула руки к своему малышу.

Когда Дениз Морленд начала писать письмо подруге, с ней произошло нечто замечательное. Она избавилась от гнева и перестала сопротивляться происходящему. В ее переживаниях наступил переломный момент.

В «Дружбе с Богом» сказано: **Примите и не противьтесь злу. Ибо то, чему ты сопротивляетесь, упорствует. Вы можете изменить лишь то, что примете.**

Приняв, окружите любовью. Что бы вы ни переживали, вы способны буквально уничтожить нежелательный опыт любовью. Можно сказать, что вы «залюбили его до смерти».

И, наконец, радуйтесь... вы достигли верного и совершенного результата. Ничто не может лишить вас радости, ибо радость — это тот, Кто Вы Есть. Итак, встречайте любую проблему радостными деяниями.

Опыт Дениз — прекрасная иллюстрация того, как Божья мудрость может проявляться через нас даже в самый неожиданный момент. А возможно, прежде всего в такие моменты.

Дениз взяла листок бумаги и стала писать письмо подруге. Но, сама того еще не зная, она писала Богу. И это послание к Богу успокоило прежде всего ее. Та мудрость, которую она поведала бумаге, была предназначена именно для нее самой и пришла к ней, через нее же.

«Беседы с Богом» вновь и вновь побуждают нас прислушиваться ко внутреннему голосу, отправляться внутрь себя на поиски мудрости, таящейся в нашей душе. Душа, — говорят нам «Беседы с Богом», — это самая близкая к нам часть Бога.

И вот Дениз «случайно» соприкоснулась с этой частью себя. (Конечно, случайностей не бывает. Ничто в жизни не происходит просто так. Но вы понимаете, о чем я.) Она начала писать письмо некоему человеку, а закончила строками, обращенными к кому-то совершенно другому.

Представьте себе, что вышло бы, если бы она с самого начала писала письмо Богу! Я имею в виду сознательно, и так далее...

Ого. Не кажется ли вам, что она написала бы целую книгу?

Кроме того, опыт Дениз — прекрасная иллюстрация того, насколько ошибочно мнение, будто бы Божьи послания редко приходят с ангелами.

Правда, выглядеть ангелы могут по-разному.

Но погодите. Возможно ли это? Разве ангелы существуют? На самом деле?

Да. Ответ: да.

Они наблюдают за нами. Заботятся. А когда наш срок здесь заканчивается, отводят нас Домой. Они парят над нами, ходят за нами, остаются рядом днем и ночью, в радости и неудаче, пока мы не встретимся со смертью.

Помните, что сказала Дениз ее ангел? «Я всегда с тобой». Она не лгала. Ангелы не лгут. Ангелы благословляют и защищают, ведут нас к нашему наивысшему благу.

Они могут приходить к нам во снах, во время медитации, и даже когда мы бодрствуем — в видениях. А сейчас вы, возможно, будете немного удивлены. Я уверен, что ангелы являются нам и как «обычные люди», которые ходят среди нас, появляются в нашей жизни, делают и говорят совершенно невероятные вещи.

Возможно, это простая фантазия, но я думаю, в мире есть место для фантазий. Кроме того, многое зависит от того, как смотреть на вещи. Бог сказал в «Беседах с Богом...»: «Я никого не посылал к тебе, кроме ангелов».

Это означает, что каждый — ангел! Все они присланы Богом, все пришли в вашу жизнь с определенной миссией. Возможно, эта «миссия» известна лишь на уровне души, но на этом уровне она известна — вам обоим.

Удивлены?

Задумайтесь над этим. Возможно, на глубочайшем уровне люди знают, зачем вошли в жизнь друг друга. И, поскольку нам это известно, мы «излучаем» (с того же глубочайшего уровня) некие вибрации — да, именно вибрации, — в которых выражена наша цель. Вот потому-то, когда вы кого-то встречаете, вам иногда кажется, будто «что-то происходит», что-то новое войдет в вашу жизнь с этим человеком.

Позвольте поведать о том, как я в первый раз встретил Нэнси, мою нынешнюю жену. Она шла мне навстречу, и я сразу же понял... что-то происходит. Я просто знал.

Было у вас когда-нибудь такое чувство?

Было?

Ах, да... вы, наверное, думаете, что сами все это выдумали?

^

Когда ко мне пришло это ощущение, между мною и Нэнси было метра два. Мне не казалось, что меня озарило солнечным светом, я не услышал звона колоколов, сердце не начало таять. Передо мной не раскрылись звезды, не зажглись огни. Но ощущение было не менее сильным. Все мое тело словно бы насторожилось, готовясь к чему-то важному. Иначе и не опишешь. Словно меня позвали... эй, просыпайся!

А после этого я и вправду услышал слова. В моем разуме очень четко, очень определенно прозвучали слова: «Это очень важный человек в твоей жизни».

Я и представить себе не мог, к чему бы это. И совершенно не понимал, что творится. Но могу сказать вам, я отнесся к этому моменту очень серьезно и обратил внимание на происходящее.

Считаю, что это был Момент Благодарности.

Прошли месяцы, и настало время принять важное решение в своей жизни — о том, какую роль я хочу играть в жизни Нэнси и какую роль хочу отвести ей в своей. Тогда я вспомнил это послание. Возможно, это покажется несколько «легкомысленным», несколько «необычным», но мое решение было определено именно тем моментом. И я ни разу ни на секунду об этом не пожалел.

Итак, люди приходят в вашу жизнь с миссией. Никто не приходит случайно. Даже прохожий на улице. Даже официантка в ресторане (которые меняются чуть ли не каждую неделю).

Никто не является случайно.

Когда мы бдительны, когда мы бодрствуем, мы внимательно смотрим на всех, кто входит в нашу жизнь, и спрашиваем себя: какие возможности сулит мне эта встреча? Что происходит? Каких даров я могу ждать? Какие дары принести?

Возможно, ангел явится вам во сне, — как это случилось с Дениз, — чтобы помочь увидеть открывающиеся перед вами пути. Не отмахивайтесь, не воспринимайте его приход как фантазию, как «игру воображения». Что вы скажете, если это *реально*?

Возможно, какой-то ангел дежурит во дворе школы, — учительница, которая «оказалась поблизости» и увидела, что Эрик собрался прыгать с забора с петлей на шее. Не отмахивайтесь от этого как от счастливой случайности, обыкновенного «везения». Что вы скажете, если так было задумано⁷

Возможно, это вы.

Вы когда-нибудь размышляли об этом?

Возможно, сегодня вы — ангел в чьей-либо жизни. Не отмахивайтесь от этой возможности как от чего-то невероятного, как от «досужей фантазии». Что вы скажете, если именно так оно и есть? Молчите? Нечего сказать? То-то...

А ведь на самом деле так оно и есть.

Единственный вопрос состоит в том, верите ли вы в это.

До некоторых людей смысл подобных бесед «доходит» сразу. Другие... ну, другие немного упрямы, и они понимают все несколько позже.

Взять, к примеру, Джерри Рейда...

8

БЛАГОПРИЯТНЫЕ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ

Джерри Рейд рассказал мне об одном человеке, у которого был замечательный осел. Хозяин очень любил своего осла, хотя тот совершенно его не слушался. Тогда человек отвел животное к знаменитому дрессировщику и спросил, можно ли сделать скотинку послушнее. «Конечно, — ответил дрессировщик, — оставьте его на несколько дней у меня, а когда вернетесь, то просто не узнаете своего осла».

Уходя, хозяин обернулся, чтобы попрощаться с дрессировщиком, и увидел, что тот бьет животное по башке — легонько. «Эй! Я же просил тебя обучить осла, а не убить!» — сердито сказал он. На что дрессировщик ответил: «Иногда просто нет другого способа привлечь их внимание».

Многим людям, общавшимся с Фредом Рутон в последние недели его болезни порой хотелось обозвать этого человека ослом. Для того чтобы привлечь его внимание, потребовалась шаровая молния. Вот и Джерри Рейд из Витби, штат Онтарио, говорит, что когда-то он тоже был похож на осла из этого рассказа. Но Бог все же сумел привлечь и его внимание. На это ушло пятьдесят лет (с небольшим или без малого), но, как и Фред Рут, этот человек в конце концов тоже услышал звонок своего будильника.

Всю жизнь Джерри был довольно счастлив. Он радовался плодам своего труда, радовался каждому прожитому дню, и при этом никогда не находил особого повода думать о душе или о такой вещи, как Божество. Если же и думал на эти темы, обычно все сводилось к сомнениям в том, что Бог существует. Он был просто слишком занят жизнью, чтобы размышлять о чем-то таком.

Несколько лет назад, когда Джерри работал в типографии, он в какой-то момент понял, что компьютеры скоро радикально изменят его индустрию, и пошел учиться последним компьютерным технологиям. Оказалось, что наш герой занялся этим очень своевременно, поскольку скоро он лишился работы.

Тогда он стал искать курсы, где мог бы продолжить обучение компьютерным издательским технологиям, чтобы вернуться к своей прежней профессии. Но место учебы Джерри найти не успел... ему предложили должность инструктора.

Оказалось, что он на тот момент уже узнал достаточно много, чтобы учить других. Итак, всего за несколько недель Джерри сменил работу наборщика на должность компьютерного инструктора. Выяснилось, что обучать людей компьютерному делу очень просто, поскольку весь процесс очень последователен: из каждого шага логически вытекает следующий. Кроме того, похоже, Джерри был прирожденным преподавателем. Ему нравилась атмосфера колледжа, студенты относились к нему с симпатией, учились охотно.

Однажды, сидя за чашечкой кофе в студенческом буфете, Джерри заметил, что один из студентов за соседним столиком ведет себя как-то тревожно, явно не находит себе места.

Преподаватель подошел к нему, стараясь вести себя как можно естественнее.

— Эй, Дэн, что с тобой сегодня происходит? — спросил он.

Почти все в колледже знали, что в прошлом году, накануне новогодних праздников Дэн пережил мозговую травму. Когда парень переходил оживленную улицу, его сбила машина, и с тех пор он ведет себя совершенно непредсказуемо. Сейчас Дэн в качестве терапии проходил курс коммерческой деятельности. Студенты и преподаватели уже привыкли к его выходкам во время занятия. Гневливость — обычный симптом мозговой травмы.

— Меня терпеть не могут преподаватели, а я не могу терпеть их! — закричал Дэн на весь буфет. — Я ничего не могу выучить! Я уйду отсюда!

«Должно быть, нелегко ему приходится», — продумал Джерри. И тут в голову ему пришла мысль.

— Ну что ж, — сказал он Дэну, — поскольку ты уже заплатил за обучение, почему бы тебе просто не перейти в мою группу? Может быть, компьютеры тебе понравятся.

Эта беседа стала поворотным пунктом в жизни и преподавателя, и студента. Ко всеобщему удивлению, в компьютерной группе Дэн стал заниматься отлично. Как оказалось, линейный пошаговый метод обучения, используемый Джерри, не просто легче дается поврежденному мозгу, но и стимулирует его к развитию.

Дэн просто расцвел. Скоро к Джерри даже пришел врач студента, чтобы узнать, как учителю удалось помочь восстановлению умственного и душевного равновесия Дэна. Парень стал меньше злиться и лучше контролировать себя в трудных ситуациях. Похоже, в Джерри раскрылся еще один талант... талант к терапии людей с мозговыми травмами.

Вот тогда-то и его ударили по башке — легонько. Однажды он ехал на своем мотоцикле, и у него пробило шину. Мотоцикл перевернулся и обрушился Джерри прямо на голову. Покалеченный, он лежал на дороге без сознания и истекал кровью. К счастью, ему сразу помог человек, ехавший следом. Это оказался работник скорой помощи, у которого накануне начался отпуск.

Он остался с Джерри до прибытия кареты и оказал ему первую помощь. После врачи говорили, что, если бы не квалифицированные действия этого человека, Джерри уже, скорее всего, не было бы в живых. Конечно, наш герой ничего не помнит о случившемся. Много дней он пролежал в коме, а, очнувшись, вспомнил очень мало.

У него была мозговая травма. Вот воспоминания Джерри:

Лежа без сознания на больничной койке, забинтованный с головы до ног, он открыл глаза и увидел, что стоит перед треугольным входом в туннель. Его волнистый живой свод светился зеленым цветом. Джерри ужасно хотелось ступить туда, и, совсем уже собравшись это сделать, он увидел, что рядом с ним кто-то стоит.

— Тебе нельзя туда, Джерри, — сказал незнакомец, не шевеля губами. — Еще не время. Но можешь прикоснуться.

Джерри изумленно смотрел на сущность. Это... что? Ни мужчина, ни женщина... может быть, ангел...

«Ангелы, ангелы... — пытался вспомнить наш герой, — что я знаю об ангелах? Только то, что их обычно зовут Михаилами».

— Ты — Михаил? — спросил он у существа.

Ответ пришел не сразу, но Джерри отчетливо ощутил, что вопрос позабавил собеседника.

— Если тебе нравится, можешь называть меня Михаилом, — беззвучно ответил ангел.

Джерри протянул руку и пощупал зеленую стену туннеля. Она была мягкой и податливой, частичка вещества осталась у него в ладони. Тут в голову ему пришла странная мысль, что следует натереть этой штукой руку, которая была особенно сильно повреждена в аварии. Едва он приложил странную массу к израненной конечности, как боль прошла. Джерри глубоко вздохнул.

Облегчение.

— Спасибо, — начал он, но ангел уже исчез. И туннель тоже. Все, что видел теперь Джерри, — треугольник над головой... и больничную койку. Треугольник оказался каким-то прибором, свисающим с потолка. Понемногу стала приобретать очертания и вся палата. Джерри увидел, что весь запеленат в бинты. Пошевелиться он не мог, но рука уже не болела. И он был явно жив!

Наконец, после нескольких недель трудного выздоровления, нашего героя выписали из больницы. У Джерри теперь тоже была мозговая травма, и он обнаружил, что целый день работы в колледже ему уже не по силам. Он уволился и стал работать по несколько часов в день волонтером в местном отделении Общества реабилитации людей, переживших мозговые травмы. Его знание компьютера тут очень пригодилось, и, когда одна из директоров узнала, что компьютерное обучение в последнее время становится общепризнанной формой терапии их пациентов, она посоветовала Джерри открыть свое дело.

— Мы не уполномочены предоставлять своим пациентам подобные услуги, но вполне можем направлять к вам людей, которых это заинтересует, — предложила женщина.

Не была ли эта беседа еще одним Божественным Вмешательством? Наш герой не берется ответить на этот вопрос. Зато Джерри знает, что он — преуспевающий, счастливый и здоровый хозяин фирмы, которая предоставляет помощь и обучение людям с мозговыми травмами. И еще он знает, как это прекрасно — видеть личный рост и развитие людей, многие из которых уже пришли было к убеждению, что больше не смогут научиться ничему новому.

Джерри рассказал, что к нему часто приходит его личный ангел, которого он по-прежнему называет Михаилом. Обычно это случается, когда нашему герою нужна эмоциональная поддержка, но предсказать заранее, когда именно он явится, невозможно. У ангела нет ни нимба, ни крыльев, и когда Джерри пытается попристальнее взглянуть в его черты или становится слишком любопытным, Михаил ускользает. Но все же ангел неизменно присутствует в жизни Джерри и дарит ему свою помощь и любовь. То же самое наш герой сам пытается делать для всех, кто нуждается в его помощи.

Видите? Джерри решил стать ангелом в жизни других людей и дарить им свою помощь и любовь. До него наконец «дошло»! Он стал для кого-то ангелом! И теперь делает все, чтобы сыграть эту роль как следует.

Можете себе представить, каким был бы мир, если бы так поступали все?

Но следует признать, что это не всегда легко. На этой планете мы слишком глубоко погрязли в своих иллюзиях. «Единение с Богом» описывает наше положение в совершенно конкретных терминах, сводя его к Десяти Человеческим Иллюзиям (**Нужда, Неудача, Отделенность, Нехватка, Необходимое Условие, Суд, Осуждение, Обусловленность, Неведение**).

Поскольку люди так глубоко и уверенно обосновались в своих иллюзиях, мы очень, очень редко видим вещи, как они есть на самом деле. К примеру, то, что мы называем «плохим», видится нам «плохим», а то, что мы называем «хорошим», — «хорошим», и мы совершенно не замечаем, как они меняются местами или (и в это нам поверить труднее всего) оказываются просто разными сторонами одной медали.

Однако есть одна великая истина... то, что мы вначале называем величайшей трагедией своей жизни, иногда оказывается величайшим даром, который когда-либо выпадал на нашу долю. На самом деле (в это трудно поверить, так что покрепче держитесь за поручни) так бывает всегда.

Помните, что сказал мне Бог? «Я никого не посылал к тебе, кроме ангелов». И еще Он сказал... «Я не дал тебе ничего, кроме чудес».

Как это понимать? Получается, Бог говорит, что все на свете — чудеса? Да.

И если вы задумаетесь над тем, что жизнь сама по себе — чудо (уже тот факт, что жизнь, как мы ее знаем, возникла на этой планете именно в такой форме, как мы ее видим, — чудесен), то вам будет проще понять, что все в жизни — чудо. Но я не думаю, что Бог вкладывала в Свои слова такое широкое значение, тем самым начисто лишая их всякого смысла. Я полагаю, Бог имела в виду, что каждое событие, которое Она дает конкретно каждому из нас — чудо.

Если это правда, то как мы можем пережить это на опыте? И что может подтолкнуть нас к такому выводу?

«Беседы с Богом» дают нам два золотых слова, которые следует вспоминать всякий раз, когда в нашей жизни случается какая-то трагедия или просто возникают трудности.

Увидь Совершенство

Может быть, это не всегда легко, но если такое удастся, то моменты отчаяния превращаются в Моменты Благодати.

Всякий раз, когда я говорю об этом на своих лекциях или в личных беседах, мне вспоминается пример Кристофера Рива.

Большинство из вас знает мистера Рива. Это замечательный актер, пленивший сердца зрителей своей искрометной игрой в фильме «Однажды во времени» и поразивший наше воображение в фильме «Супермен». Можно вспомнить и другие роли этого актера. И вот, казалось, его кинематографическая карьера катастрофически оборвалась... Кристофер упал с лошади, и его парализовало до самой шеи.

На первый взгляд — ужасная трагедия. И конечно же, мистеру Риву пришлось нелегко. В этом нет сомнения. Однако проследите за ходом моих мыслей немного дальше. Хочу, чтобы вы кое-что увидели.

После этого несчастья Кристофер Рив стал самым убедительным, самым красноречивым и самым влиятельным в мире оратором, отстаивающим интересы инвалидов. И это не мелочь, поскольку инвалиды нуждаются в сильном и красноречивом голосе в свою поддержку.

Кристофер Рив собрал миллионные пожертвования на исследовательские программы, призванные облегчить участь парализованных людей — вплоть до полного излечения в некоторых случаях.

Мистер Рив не просто дал инвалидам надежду на улучшения в будущем. Он помог многим из них улучшить свое положение прямо сейчас, явив им вдохновляющий пример активной жизни вопреки физическому увечью.

Он не только много путешествовал, собирая средства и привлекая внимание людей к проблемам инвалидов, он даже вернулся к своей кинематографической карьере и достиг новых впечатляющих успехов на актерском и режиссерском поприще.

Как ему удалось это сделать? В чем секрет?

Сам я не беседовал с Кристофером Ривом, но готов держать пари, что все дело в его точке зрения и обстоятельствах. Во-первых, я уверен, что в какой-то момент после своего несчастья мистер Рив решил для себя, что жизнь продолжается. Во-вторых, он захотел жить целеустремленно, плодотворно и деятельно. И в-третьих, после того как он по-настоящему взялся за осуществление своих задач, перед ним раскрылись возможности, все это сделать, и ничто уже не могло его остановить.

Об этом я говорил в своих беседах с Богом, и эта мысль появлялась фактически во всех моих книгах... Восприятие — это все.

А сейчас я перескажу вам беседу, которая не вошла ни в одну из моих книг. (Она произошла где-то «между» книгами, и я не нашел повода «вписать» ее куда-то!) Восприятие — это второй шаг Процесса Ятия.

Процесс Ятия? Да, именно так было сказано. Об этом Бог рассказал мне в одной из наших ночных бесед...

Нил, вся жизнь — это Процесс Ятия.

— Ятие? — переспросил я.

— Что такое «Ятие»?

И Она ответила...

Сейчас мы добудем это слово из твоего языка, и ты поймешь один принцип — настолько удивительный, что в твоём языке даже нет слова, чтобы описать его.

— Значит, мы собираемся создать такое слово.

Да. Ты не против?

— Спрашиваешь. Ты же здесь босс.

На самом деле не Я, а ты. Но ничего, потерплю пока и такое определение... Так вот, ты помнишь, Я тебе давно говорила, что слова — самое ненадежное средство общения?

— Да.

А сейчас — замечательная иллюстрация этой истины. В твоём языке нет слова, которое точно описало бы нечто, происходящее в твоей жизни каждый день. Поэтому придется оторвать кусочки от уже существующих в языке слов и использовать их. Мы назовем это явление Процессом Ятия.

— Думаю, Ты объяснишь мне, о чем речь?

Я и объясняю. «Ятие» — это процесс, который вы используете для создания личной реальности. И вот как это происходит. Вначале у вас зарождается идея. Это акт чистого творения. Вы создаете что-то из своего разума. Это буквально — зачатие. Затем вы смотрите на то, что создали, и составляете об этом суждение. У вас складывается мнение о том, что вы зачали, — определенная точка зрения. Это буквально — восприятие.

При этом ваш опыт состоит вовсе не из того, что вы изначально создали, но из вашего отношения к созданному. Это буквально — [приятие](#).

[Вы воспринимаете, то, что зачали, и принимаете то, что восприняли.](#)

[Итак, весь процесс состоит из:](#)

[Зачатия,](#)

[Восприятия,](#)

[Прятия.](#)

Если вы не уйдете слишком далеко от своей изначальной идеи, то при-Ятие будет, по существу, очень близко к зач-Атию. Именно так живут истинные Мастера — их высочайшие идеи обращаются для них в величайшую реальность. Однако вы часто — слишком часто — в конце видите вещи не так, как вначале (даже себя вы видите в разное время по-разному), поскольку в какой-то момент решаете, что ваши изначальные идеи слишком хороши для того, чтобы оказаться истинными. Тогда вы отступаете от своих изначальных идей. И можете буквально попасть в объ-Ятия обмана.

Представляете, как я был изумлен, когда получил эту информацию? Мне прежде никогда не приходилось слышать, чтобы процесс умственного творения был описан настолько доступно.

Теперь я понимаю: для того чтобы «узреть совершенство» во всех вещах, нам просто нужно не отходить от изначальных идей нашей души, в которых нет несовершенства. И тогда в нашей жизни проявляется величие и чудо Изначального Намерения. Мы больше не пребываем в объ-Ятиях обмана. И видим Моменты Благодати там, где раньше никогда не видели.

Когда наступил Момент Благодати для Фреда Рута? Тогда ли, когда он буквально «увидел свет»? Несомненно. Всякий узрит в этом Момент Благодати. Каждый понимает, что это было чудо. Но был у Фреда и другой Момент Благодати — гораздо менее очевидный... когда с ним случился первый сердечный приступ. Тогда Фред воспринимал все иначе. Скорее, он назвал бы тот случай моментом беды. Но дело лишь в том, что он не видел совершенства новой ситуации, ибо не замечал раскрывающихся перед ним путей и не знал, что нужно, чтобы на них вступить.

У каждого из нас было множество Моментов Благодати — независимо от того, знаем мы об этом или нет. И не стоит думать, что в жизни каждого бывает по одному такому моменту.

А какие Моменты Благодати выпали на долю Джерри Рейда? Один из них случился тогда, когда он потерял работу, которой занимался всю жизнь. Второй — когда он встретил в колледже Дэна, студента с мозговой травмой. Третий — когда в его мотоцикле лопнула шина. И четвертый, совершенно определенно, произошел тогда, когда он «увидел» сущность, которую назвал Михаилом.

Оглянувшись назад, мы нередко совершенно отчетливо видим, как эти моменты складываются в цепь, соединяются в трубопровод, в безукоризненно прямую трассу, ведущую от того, чем мы были, к тому, чем хотели стать. Глядя в будущее, мы тоже способны увидеть тот же трубопровод, ту же прямую трассу, но для этого нужно знать, что она там есть.

Однако иногда это не столь уж и очевидно...

9 БОЖИЙ ЗАМЫСЕЛ

Трой Баттерворт вспоминает, как еще мальчишкой он лежал, обняв свою всхлипывающую мать.

— Если бы ты его бросила, мама... — говорил он в отчаянии, пытаясь убедить ее порвать с мужем-садистом.

Сколько раз умолял ее Трой бросить отца. Мальчик не мог без содрогания вспоминать, как холоден был его голос вчера вечером...

— Попробуй только подать на развод, сука, и я перережу тебе глотку, — пригрозил он.

Никто не сомневался, что так он и сделает. Трой вытирал матери слезы.

— Если я попробую от него уйти, что будет с тобой и с твоими сестрами и братьями? Я не могу оставить вас с ним, Трой. Мне придется остаться, — всхлипывала она.

В последнее время отец был особенно жесток. Напившись, он не только постоянно избивал мать, но втягивал Троя и его братьев в извращенные сексуальные игры, которые теперь стали почти невыносимыми. Игры эти начались несколько лет назад, когда Трою едва исполнилось семь лет.

В дни, когда отец бывал пьян, мальчик нередко прятался в шкаф. Он прикасался к хранившимся за одеждой ружьям и предавался кровавым фантазиям о том, как спустит курок и разнесет папину башку на кусочки. Иногда он даже шарил в темноте в поисках патронов, будто бы и вправду мог эти фантазии осуществить.

Вне дома все было не лучше. В школе его называли не иначе, как «Голубчик Трой». А все потому, что он не разделял интересов других мальчишек. Он выглядел не так, как они, и делал все иначе. На переменках ему приходилось прятаться от оравы соучеников, которые повсюду гонялись за ним, швыряя камни и дразнясь. Заканчивалось все тем, что его сбивали с ног и пинали. От постоянного страха мальчик не мог сосредоточиться и учился очень плохо.

Вдобавок к этим физическим пыткам, Троя постоянно преследовали воспоминания о том, как три года назад его изнасиловал ухажер соседки. Однако жизнь мальчика была настолько полна издевательств, что этот случай едва ли казался ему таким уж ненормальным.

Несмотря ни на что, Трой сохранял глубокие и тесные взаимоотношения с Богом. Часто казалось, что Бог — единственный, Кто его любит. Через все невзгоды своего детства Трой пронес мысль о том, что Бог его не покинет. Эта вера давала ему утешение, когда больше нигде утешения не было. И все-таки, несмотря на веру в Божью любовь, Трой терзался виной. Дело в том, что ему наконец пришлось признаться себе — он действительно голубой.

Подрастая, Трои все хуже понимал, как Бог может любить такого грешника, как он, и скоро начал сомневаться в Божьей любви.

Однажды угрызения совести одолели парня настолько, что он больше не мог терпеть их в одиночку и, задумав снять с себя часть бремени, отправился за советом к проповеднику баптистской церкви, куда и прежде нередко ходил за утешением. Он не раз слышал, что сказано о гомосексуальности в Библии. Бог простит все, что угодно, — говорили ему, — любой грех, кроме этого. «Но, может быть, они ошибаются, — надеялся Трой. — Может быть. Бог может любить меня таким, какой я есть?» Он очень хотел, чтобы оказалось именно так!

— Если Бог будет милостив к тебе, — говорил ему пастор, сидя за столом в залитом яркими солнечными лучами кабинете, — ты отправишься на небеса.

Трой улыбнулся. Оживали его надежды. Все остальные, видимо, ошибались.

— Но если ты не сумеешь справиться со своей гомосексуальностью, — продолжал пастор, — то Божьей милости тебе ждать не приходится.

Очевидно, пастору с самого начала было неудобно слушать признания парня и хотелось поскорее закончить весь этот разговор, но почему-то он не мог сказать прямо: «Если ты голубой, значит, тебе одна дорога — в ад». Трой все понял. Сердце его упало. Бог, Который был всегда единственным другом, единственным утешением в жизни, повернулся к нему спиной.

Теперь у парня появилась новая причина бояться. Вначале издеательства отца, потом побои соучеников, а теперь еще и перспектива оказаться в аду.

Ничто не принесло бы Трою больше радости, чем если бы он проснулся однажды утром и обнаружил, что стал нормальным. «Пожалуйста, Боже, — молился он каждый день, — пожалуйста, сделай меня нормальным».

Но Бог его нормальным не сделал. Трой рос, пробуждалась его сексуальная энергия, но, как ни пытался парень избавиться от тяги к мужчинам, все тщетно. Уверившись, что

Бог его уже все равно не любит, Трой в конце концов перестал даже бороться со своими гомосексуальными наклонностями. Или как-то скрывать эту свою особенность. Он взбунтовался. «Все равно я проклят, так какого черта...» — решил он. И отбросил всякий стыд.

Он занимался сексом в общественных местах со всеми и каждым, кто только хотел этого, — в парках, в уборных, в гомосексуальных клубах, куда можно прийти в любое время дня и ночи и не задорного заняться сексом. Начал пить. Трой уже не мог остановиться, — неважно, насколько усталым он себя чувствовал и насколько ему хотелось все изменить.

Бог его оставил, мать попала в сумасшедший дом, жизнь не имела никакого смысла. Издевательства стали настолько естественной частью жизни Троя, что, когда их не хватало, он начинал издеваться над собой сам. Наконец, парень умчался в Нью-Йорк, чтобы найти себе новых сексуальных партнеров и заполнить пустоту, образовавшуюся в его сердце с утратой Бога.

На Рождество Трою исполнилось двадцать три года. Ни открыток, ни телефонных звонков от родных — словно и не осталось больше людей на свете. Лишь серость и дождь. Улицы тоскливы и пустынные. У Троя не было друзей в Нью-Йорке. Он сидел в своей дрянной холодной квартирке и слушал шум машин под окнами, чувствуя, что падать ему уже дальше некуда. Было зябко и одиноко.

«Какого черта. Я не хочу оставаться один», — размышлял парень. Он знал, что в нескольких кварталах от его дома есть секс-клуб, в который он еще не заходил. «А ну его все к бесу. Отправлюсь-ка туда». Трой решительно надел пальто и пошел на поиски единственного утешения, которое мог вообразить. «По меньшей мере, хоть людей каких-нибудь увижу», — ~ вздохнул он и шагнул из подъезда на ветер.

— Никого, кроме меня, тут нет, — сказал менеджер. Для управляющего секс-клубом он выглядел слишком молодо и опрятно.

— Ты подойдешь, — ответил Трой, дефилируя к кушетке.

— Нет, парень. Я не обслуживаю клиентов. Я только управляющий. Сегодня Рождество. Никого нет.

— Иди, иди ко мне. Пожалуйста, — Трою отчаянно нужно было ощутить человеческое прикосновение. Он хотел любовника.

— Я же сказал тебе, парень. Я не занимаюсь сексом с посетителями. У меня другая работа. Выполняю свои обязанности, получаю деньги и плачу за репетитора. А клиентов обслуживать не собираюсь.

Трой просто обезумел. Ему нужно было тело. Просто необходимо. Но управляющий все только говорил — что-то о школе, о своем приятеле. Трой не слушал. Он мог думать лишь о своей беде и отчаянии.

Потом, совершенно неожиданно, в комнате стало темно, у Троя закружилась голова, и он полностью утратил ориентацию в пространстве. Стало твориться что-то совершенно удивительное. Трой смотрел на комнату со стороны. Он уже был не в своем теле, но в другом конце зала и смотрел на себя, сидящего на ободранной грязной коричнево-оранжевой кушетке. Над ним стоял молодой управляющий и без умолку болтал.

— Что происходит? — тревожно спросил Трой.

— Что это такое?

Затем он вернулся в тело — так же быстро, как вышел. Голова прояснилась, и Трой с отвращением рухнул на подушку. Никогда в жизни он не испытывал такого омерзения. Ни в те годы, когда над ним издевался отец и били соученики, ни тогда, когда его изнасиловали, он не был себе так противен... ни даже тогда, когда вспоминал всех этих совершенно незнакомых мужчин, которые отвечали на его заигрывания. По-настоящему мерзко стало только теперь, — оттого, что он половой попрошайка. Как это вульгарно. Пошло. Хотелось умереть.

Тогда-то он и вознамерился покончить с собой. Но перед смертью решил найти себе столько любовников, сколько возможно. Испытывая стыд и отчаяние, он покинул клуб и ушел в глубочайший предсмертный запой. Следующие три дня Трой бродил по улицам, прочесывал парки и общественные уборные, вступая в связь с любым желающим. Три дня отчаяния, стыда, страха и полной отдачи страсти — страсти которая его не отпустит и не даст ему покоя.

На третий день, измотанный и совершенно потерянный Трой вышел на улицу, чтобы отыскать еще одного партнера. Нет, он не забыл о своем решении умереть.

Парень быстро шел по улице. Несмотря на холодную дождливую погоду, его бросало в жар. Трой от кого-то слышал, что можно свести счеты с жизнью, запив большую дозу снотворного алкоголем. Таблетки у него уже были. В каком-то магазине он купил бутылку кальвадоса, вышел на улицу и его взгляд зацепился за вывеску на доме напротив...

ЦЕНТР ЛЕСБИЯНОК И ГОЛУБЫХ.
РАБОТАЕМ 365 ДНЕЙ В ГОДУ.
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ.

Хотя Трой не мог ни объяснить, ни даже понять свои порывы, его вдруг неудержимо потянуло туда — словно кто-то подтолкнул его. Он сунул кальвадос в рюкзак и перешел через улицу.

Девушка на входе сказала ему просто:

— Сегодня у нас только одно собрание... «Анонимное Общество Страдающих Половой Невоздержанностью».

Трой уже собрался уходить, но что-то его остановило.

— А где встреча? — спросил он робко.

— А вон там, первая дверь направо.

Трой вошел в небольшой зал и уселся у стены. Ладони вспотели. Он нервничал. Тяжесть бутылки в рюкзаке напоминала парню о его решении, но сейчас просто хотелось с кем-то поговорить — с кем угодно, — прежде чем он вернется в квартиру и лицом к лицу встретится со своим роковым намерением.

— Меня зовут Джейн, у меня половая одержимость, — говорила молодая женщина, стоя перед залом. — Сегодня я пришла сюда потому, что на праздники мое пристрастие обостряется, — было видно, что она встревожена.

Слушая выступления людей, Трой признался себе в том, что давно уже знал, но тщательно скрывал от себя. У него тоже половая одержимость. Нелегко было взглянуть правде в лицо. К концу вечера парень понял, что нельзя больше жить в постоянном страхе и отвращении. Нужно либо лечиться, либо умереть. Теперь он видел это совершенно отчетливо.

Трой помнил отчаяние на своем лице, когда он сидел на грязной кушетке, моля о любви. Помнил холодное одиночество пустой квартиры в тот рождественский вечер дня своего рождения. Помнил исполненное боли детство, когда безнадежность положения матери отражалась в его собственной беспомощности. И вот у него в голове промелькнула мысль... «Возможно, я могу вылечиться? Может быть, есть еще надежда?» Оглядев зал, Трой сказал себе: «Эти люди живы. Они в беде, как и я, но, по крайней мере, они что-то делают, пытаются избавиться от боли». Где-то глубоко в груди загорелся крохотный огонек жизни.

Трой вернулся в свою квартиру. Он не достал бутылку из рюкзака. Не пытался себя убить. Вместо этого сел и подумал о том, через что прошел за последние три дня, пытаясь во всем разобраться.

На следующее утро, скорее по привычке, чем по желанию, Трой встал, оделся, вошел в метро и поехал на работу. Парню показалось, что в другом конце вагона можно сесть, и он направился туда, но вместо пустого сиденья увидел бродягу. Тот крепко спал, занимая сразу два места. Троем овладели отвращение и гнев. Ему хотелось отдохнуть. Почему этот человек занял два места?

Он оглянулся, но больше свободных мест не было. «Неужели мало невзгод пришлось па мою голову, ну почему еще и это? — спросил себя Трой, совершенно падая духом. — Почему все так сложно?»

«Бог любит и этого человека, — пришла мысль. Она вспыхнула в его мозгу, словно молния. — Ты счастливый».

Трой чуть было не оглянулся, чтобы посмотреть, кто сказал это. Однако парень знал, что голос шел из его же сердца. Да, он одинок, он пал духом, собственная жизнь вызывала у него отвращение. Но, по меньшей мере, он сегодня не останется голодным, а вечером ляжет в чистую постель, в комнате, которую он может назвать своим домом. И есть кое-что еще более важное... Бог дал ему дар надежды. Он показал Трою, в каком отчаянном положении тот находится и указал ему прямо на 12-шаговую программу решения его проблем.

И тут в голове Троя прозвучала еще одна мысль:

«Тебя Бог тоже любит».

Все существо парня исполнилось неизъяснимой теплоты, я тогда пришло новое удивительное откровение. Они ошибаются. Все эти люди, которые твердят, что ему не обрести Божьей любви, что он проклят из-за того, кто и что он есть, — ошибаются. Они совершенно и безусловно не правы.

К Трои пришли воспоминания о Божьей благодати — о случаях, свидетельствующих о том, что Бог есть в его жизни. Дело не только в том, что он нашел Анонимное Общество Страдающих Половой Невоздержанностью как раз тогда, когда собирался совершить самоубийство. Были и другие обстоятельства. Много. Несмотря на угрозу СПИДа, он еще здоров. У него никогда не было проблем с полицией, несмотря на склонность заниматься сексом в общественных местах. И — возможно, это самое важное — он пережил свое детство и, при этом сохранил человечность.

Если верить всем религиозным авторитетам, чье мнение ему приходилось слышать, Бог не должен любить его настолько, чтобы так о нем заботиться. Он — голубой, и всегда был голубым и голубым останется. «Но Бог любит меня, — думал Трой. — И я тоже буду себя любить». Место в метро парня больше не интересовало. Он словно научился летать.

Трой не пьет вот уже два года. У него хорошая работа, хорошие друзья. Он часто навещает мать и старается простить своего отца. Значительное место в его жизни занимают еженедельные заседания Анонимного Общества Страдающих Половой Невоздержанностью. Иногда он покупает горячий обед какому-нибудь бездомному. Бутылка кальвадоса до сих пор пылится у него на полке. Трой хранит ее как напоминание о том, как близок он был к тому, чтобы завершить свою жизнь на Земле, и как в конце концов *узнал*, что Бог его никогда не покинет.

Случалось ли, чтобы вам в голову словно бы влетела какая-то мысль? Приходила ли вам какая-нибудь идея «просто ниоткуда?» Если такое случалось с вами в момент глубокого поиска или глубочайшего отчаяния, готов ручаться, что это была ваша беседа с Богом. Если эта мысль или идея была позитивной, радостной, если она раскрыла ваше сердце, то я *знаю*, откуда она пришла.

Люди часто спрашивают: «Как отличать беседы с Богом от обычных шальных мыслей?»

Ответ на этот вопрос можно найти на первых же страницах первой книги из серии «С Богом»:

Моими всегда являются твои самые Высокие Мысли, твои самые Ясные Слова, твои самые Великие Чувства. Все, что меньше этого, — из другого источника.

Теперь задача различения становится простой — ведь даже для начинающего ученика не должно быть сложным выделить и признать в себе самое Высокое, самое Чистое, самое Великое.

Но Я дам тебе еще и следующие наставления...

Самая Высокая Мысль — всегда та мысль, которая содержит радость. Самые Ясные Слова — те, что содержат истину. Самое Великое Чувство — то, которое вы называете любовью.

Радость. Истина. Любовь.

Все три взаимозаменяемы, и одно всегда ведет к другим. Не имеет значения, в каком порядке их помещать.

Мысли, исполненные гнева, мести, горечи или страха, не посланы Богом. Мысли, исполненные беспокойства, разочарования, ощущения собственной ограниченности или недостаточности, не посланы Богом. Как и мысли, исполненные неприятия, осуждения, проклятия.

А также *любые* мысли, гасящие надежду, убивающие радость, угнетающие дух, ограничивающие свободу.

Я знаю, что послание, которое Трой получил в метро, пришло прямо от Бога, — ибо оно возвестило о безусловной любви и полном приятии. Вот этим мыслям, этим посланиям вы можете верить всегда.

А сейчас давайте зададим себе еще один вопрос. Было ли совпадением, что как раз в том районе, куда наш герой приехал для продолжения своего самоубийственного пути, работало общество, предлагающее подобным людям методы изменения жизненного курса? Неужели это всего лишь случайность, что одна из этих программ — причем, единственная в день, когда Трой пришел туда, — имела самое непосредственное отношение к его проблеме? И неужели это просто удача, что здание, где проходила та встреча, находилось как раз напротив магазина, где парень купил инструмент задуманного самоубийства?

Или это был истинный Момент Благодати, связанный с **Другим** таким же моментом на следующий день в поезде?

Всякий раз, когда события происходят словно по определенному замыслу, вполне возможно, что в дело вмешался Кто-то Еще...

Не всегда все происходит столь драматично, как в историях Джерри Рейда и Троя Баттсворта. Иногда это бывает весело и даже немного забавно... и все-таки действительно Спросите-ка у Кевина Донки.

Тяжело бывает переживать праздники, когда что-то не ладится в жизни. Праздники — время радости и веселья, но они могут вместо этого принести горечь и печаль. Ярчайший пример тому — история Троя, а сколько еще подобных историй хранится где-то в уголках памяти разных людей! Однако (и здесь снова можно вернуться к нашему предыдущему повествованию) праздники могут стать и временем исцеления. Ибо в дни, отведенные традициями и культурами разных народов для памятования великих тайн жизни, сердца открываются легче.

Это может быть рамадан. Это может быть Рош Хашана. Это может быть Белтсин*. Не имеет значения. В каждой традиции, в каждой культуре есть эти особые дни и времена, когда люди открыто выражают свою глубочайшую мудрость и наивысшее счастье, — через церемонии и ритуалы, через **песни и** танцы, через семейные застолья, через обмен радостью, через празднование Самой Жизни.

* Кельтский праздник костров (середина мая) — Прим перев.

Итак, приближалось Рождество, но настроение у Кевина Донки было не очень-то праздничное. На самом деле он чувствовал одиночество и отчуждение.

«Если бы только они попытались понять! Если бы единственный раз меня выслушали! — думал он. — Если бы не относились ко всему так критично! Если бы...»

В семье Кевина возникли весьма серьезные трения. Сестра почти с ним не разговаривала. Брат тоже злился. Даже отец вступил в эту войну — причем не на стороне Кевина.

«И хотя Рождество — не время для склок, — грустно размышлял Кевин, — никуда не денешься от факта, что в семье его осуждают, причем очень несправедливо».

Все дело в сделке, которую он заключил со свояком. Все почему-то решили, что он не сумеет выполнить свою часть соглашения.

«Хотя бы обдумали все как следует! — думал Кевин. — Я единственный вижу все в правильном свете, — говорил он себе с горечью. — Я единственный. Я ЕДИНСТВЕННЫЙ!»

Он злился. Всю неделю перед Рождеством он ни о чем больше и думать не мог. Он почти решил не идти с семьей в родительский дом на Рождество (а каждый год они встречали праздник именно там).

«Я совершенно потерял голову от обиды, — вспоминает он теперь. — Я не представлял, что делать, как утрясти все эти разногласия. И я не хотел идти туда, окунуться в эту напряженную атмосферу, тем более вместе с детьми. Дети ведь все видят. Вы думаете, они ничего не понимают, а они-то знают все. Просто чувствуют. Я не хотел портить им Рождество».

Чего только не перепробовал Кевин, чтобы преодолеть свои чувства. Он как раз читал книгу дона Мигеля Руиса «Четыре соглашения» (*Don Miguel Ruiz Four Agreements*) Теперь он пытался применить на практике один из предложенных там принципов гармоничной жизни... Не воспринимать ничего лично.

«Слишком сложно, — говорит он ныне. — Это замечательное соглашение, и заключить его с жизнью действительно стоит. Но не так легко следовать ему, когда тебя критикует и осуждает собственная семья. Я думал, что они знают меня гораздо лучше».

Кевин Донка — хиропрактик из города Лейк-Хиллз, штат Иллинойс. Он многих вылечил в своем городе. «А теперь, по иронии судьбы, я не могу вылечить даже себя, — думал он. — Хотя, конечно, у меня болит душа, а не тело...» В его случае необходимо было божественное вмешательство. Нечто далеко выходящее за рамки того, чему их учили в школе хиропрактики.

Наступила последняя суббота перед Рождеством. Пообедали как обычно, разве что чуть побогаче, чем всегда. Кевин понимал, что скоро ему придется принять окончательное решение и объявить о нем своей семье. Как он скажет детям, что они не увидят деда на Рождество? Как объяснит жене всю глубину своей горечи?

— Папа, папа, посмотри-ка на меня! — восторженно крикнула шестилетняя Мария, когда после обеда все расселись в гостиной. Девочка танцевала. Ее зеленые глаза искрились, мягкие каштановые волосы разлетались в стороны. Она весь день слушала CD-плеер — одну и ту же песню.

— Сними меня на видео, па! — попросила дочка — Хочу посмотреть, как у меня получается!

Кевин улыбнулся. Дети доставляют столько радости. Хоть на миг мрачные мысли покинули его разум. И вот они вдвоем спустились вниз, в большую комнату, которую дети называли «бесидкой» — по аналогии с беседкой и потому, что в ней можно беситься. Кевин достал видеокамеру, уселся на софу, направил объектив на Марию, и она, в который раз, начала свой танец.

В полюбившейся девочке песне есть такие слова... «Моя неистовость убивает меня». Но Кевин заметил, что Мария поет... «Моя единственность убивает меня».

— Эй, детеныш, в песне не так поется, — мягко поправил дочку Кевин. — Там другие слова, — ион сказал ей, как правильно.

Мария на секунду задумалась и сказала...

— Мне больше нравится, как пою я! Кевин пожал плечами, улыбнулся, и они возобновили видеозапись.

Девочке захотелось немного поддразнить отца, — что она и сделала вполне в духе шестилетнего ребенка. Дойдя до строчки, где папа ее поправил, Мария подскочила к камере, приблизила личико чуть не вплотную к объективу и спела:

«Твоя единственность убивает тебя, папа!»

Кевин зажмурил глядящий в объектив глаз и выключил камеру. «Казалось, меня слегка стукнули по башке», — вспоминает он.

Его душу захлестнула горечь разлада с семьей. Вспомнились собственные слова: *«Если бы, они единственный раз меня выслушали... Я единственный... единственный...»*

И тут он понял, что получил послание из мира очень далекого от них с Марией — и одновременно сущего прямо тут, внутри них.

Вечером, улегшись в кровать, он взял одну книгу, которую читал в то время, — «Дружбу с Богом». Прочтя всего несколько страниц, он обернулся к Кристине.

— Должен кое о чем тебе рассказать, — сказал он и поведал жене историю о Марии и о песне. — Я думаю, это Бог говорил со мной об истории с моей семьей. В этой книге сказано, что Бог беседует с нами постоянно. Нужно только открыться.

— Я знаю, — ласково согласилась жена. — И что же ты собираешься делать?

По щеке Кевина прокатилась слеза и остановилась на губах. Соленая. Вспомнились два запавшие в душу вопроса из книг «С Богом».

Действительно ли это Я?

Что сделала бы любовь?

— Я пойду к ним на Рождество. Приду с любовью — неважно, что они думают и говорят.

Кристина улыбнулась. На следующий день Кевин позвонил отцу.

— Я хотел бы прийти к вам с семьей на Рождество, папа, вы не против? Давайте забудем все, что между нами стоит, и погуляем как следует.

Отец даже не задумался ни на миг...

— Это именно то, чего хочется и мне.

Вот и все... единственность уже больше не убивала Кевина.

* * *

Крупницы величайшей мудрости нередко приходят к нам из уст младенцев, и случившееся с Марией Донка — очень красивый и трогательный пример. Ощущение одиночества перед лицом внешнего мира — штука очень распространенная. Для того чтобы, подобно Кевину, преодолеть это состояние, нужно острее осознать ситуацию. Иногда подтолкнуть нас к такому осознанию может самая неожиданная вещь. Например, невинная, на первый взгляд, совершенно отвлеченная реплика ребенка.

Но действительно ли слова Марии были отвлеченными? Неужели они в самом деле не были связаны с тем, что происходило в тот момент в жизни ее отца? Было ли это просто наивной шуткой, случайной выходкой расшалившейся девчушки? Или это тщательно замаскированное Божественное Вмешательство? Возможно, это была беседа с Богом?

Полагаю, да. На самом деле я даже знаю, что это так. Бог часто обращается к нам устами младенцев. Почему? Потому, что дети не забыли. Они совсем недавно были «там» и еще не утратили связь с глубочайшей истиной и высшей реальностью.

Тут мне вспоминается история из первой книги «Бесед с Богом» о маленькой девочке, которая сидела за столом кухни, обложившись карандашами, и увлеченно что-то рисовала. Заинтересовавшись, чем так поглощена малышка, к ней подошла мать.

— Что делаешь, солнышко? — спросила она. Девочка с улыбкой подняла взгляд.

— Рисую портрет Бога!

— Как мило, — улыбнулась мать, — но знаешь ли, солнышко, никто на самом деле не знает, как выглядит Бог.

— Ничего, — сказала девочка, — дай мне только закончить...

Видите, как это у детей? Им даже и в голову не приходит, что они могут не знать то, о чем не имеют ни малейшего представления все остальные люди на свете — так называемые разумные взрослые люди. С одной стороны, у детей совершенно чистое восприятие, а с другой — они не могут оценить по достоинству свои мысли и высказывания. Сболтнут истину, бросят вам жемчужину мудрости — и ускачут по своим делам.

Моя добрая приятельница, преподобная Маргарет Стивене, как-то рассказала мне об одном незабываемом событии в своей жизни. Однажды за какой-то проступок она шлепнула дочурку по попке и пожурила ее немного. Девочка расплакалась. Маргарет посмотрела на нее и сказала...

— Ладно, не плачь. Я тебя простила. Девочка посмотрела на нее в упор и ответила.

— Твои слова простили меня, но глаза — нет. Какая проницательность, какое точное понимание. Только дети способны видеть и высказывать подобные вещи настолько четко.

Маргарет сейчас уже за восемьдесят, но она до сих пор использует этот эпизод в своих поучительных беседах и проповедях, показывая, как собственный ребенок преподнес ей незабываемый урок прощения — напомнив, что прощение должно идти не просто из уст, но от души.

Вот и в истории Кевина Донки: отец получает урок от дочери — мудрость, «случайно» сорвавшуюся с языка девочки просто потому, что она перепутала слова песни. Но действительно ли она перепутала? Произошло ли это случайно?

И снова я говорю — нет.

Не случайно и то, что Бог через Кевина рассказал эту историю *мне*. Ибо этот урок был предназначен не только Кевину Донке, жителю города Лейк-Хиллз, штат Иллинойс, но многим тысячам людей — читателям этой книги.

Но действительно ли слова Марии были отвлеченными? Неужели они в самом деле не были связаны с тем, что происходило в тот момент в жизни ее отца? Было ли это просто наивной шуткой, случайной выходкой расшалившейся девчушки? Или это тщательно замаскированное Божественное Вмешательство? Возможно, это была беседа с Богом?

Полагаю, да. На самом деле я даже *знаю*, что это так. Бог часто обращается к нам устами младенцев. Почему? Потому, что дети *не забыли*. Они совсем недавно были «там» и еще не утратили связь с глубочайшей истиной и высшей реальностью.

Тут мне вспоминается история из первой книги «Бесед с Богом» о маленькой девочке, которая сидела за столом кухни, обложившись карандашами, и увлеченно что-то рисовала. Заинтересовавшись, чем так поглощена малышка, к ней подошла мать.

— Что делаешь, солнышко? — спросила она. Девочка с улыбкой подняла взгляд...

— Рисую портрет Бога!

— Как мило, — улыбнулась мать, — но знаешь ли, солнышко, никто на самом деле не знает, как выглядит Бог.

— Ничего, — сказала девочка, — дай мне только закончить...

Видите, как это у детей? Им даже и в голову не приходит, что они могут не знать то, о чем не имеют ни малейшего представления все остальные люди на свете — так называемые разумные взрослые люди. С одной стороны, у детей совершенно чистое восприятие, а с другой — они не могут оценить по достоинству свои мысли и высказывания. Сболтнут истину, бросят вам жемчужину мудрости — и ускачут по своим делам.

Моя добрая приятельница, преподобная Маргарет Стивене, как-то рассказала мне об одном незабываемом событии в своей жизни. Однажды за какой-то проступок она шлепнула дочурку по попке и пожурила ее немного. Девочка расплакалась. Маргарет посмотрела на нее и сказала...

— Ладно, не плачь. Я тебя простила.

Девочка посмотрела на нее в упор и ответила...

— Твои слова простили меня, но глаза — нет. Какая проницательность, какое точное понимание. Только дети способны видеть и высказывать подобные вещи настолько четко.

Маргарет сейчас уже за восемьдесят, но она до сих пор использует этот эпизод в своих поучительных беседах и проповедях, показывая, как собственный ребенок преподнес ей незабываемый урок прощения — напомнив, что прощение должно идти не просто из уст, но от души.

Вот и в истории Кевина Донки: отец получает урок от дочери — мудрость, «случайно» сорвавшуюся с языка девочки просто потому, что она перепутала слова песни. Но *действительно ли* она перепутала? Произошло ли это случайно?

И снова я говорю — нет.

Не случайно и то, что Бог через Кевина рассказал эту историю *мне*. Ибо этот урок был предназначен не только Кевину Донке, жителю города Лейк-Хиллз, штат Иллинойс, но многим тысячам людей — читателям этой книги.

Теперь я хочу сказать вам, что урок этот гораздо шире, чем вам может показаться. Размышляя над историей Кевина, я понял, что не весь ее смысл заметен с первого взгляда. Я отчетливо увидел, что «единственность» — это *духовное состояние*. Она может быть неблагоприятна или *благоприятна* — все зависит от того, как мы ее переживаем.

Если воспринимать *единственность* в том смысле, что мы отделены от всех остальных — я «единственный», кто делает то-то и то-то, «единственный», кто воспринимает все так-то и так-то, — тогда *единственность* истощает.

Если же воспринимать *единственность* как единение со всеми — в том смысле, что в мире есть только «мы» и Всё в Одном, — тогда *единственность* придает сил.

В зависимости от того, как мы понимаем *единственность*, мы становимся либо больше, либо меньше.

А вот как понимаю ее я.

Во Вселенной есть «один лишь Бог». И больше ничего. Это замечательное утверждение, и из него следуют совершенно захватывающие выводы. Например: мы воистину все Едины. Мы все сделаны из одного теста. Или, как сказал выдающийся физик доктор Джон Хагелин, «в основе своей вся жизнь едина. Жизнь — это Единое Поле»*.

* Физики давно заметили, что между такими явлениями, как гравитационное поле, электромагнитное поле и поля сил ядерного взаимодействия, есть много общего. Однако в характеристиках этих полей существуют некоторые важные различия, которые пока не позволяют воспринимать их как единое явление. Тем не менее ученые не оставляют надежду объединить их все в единой непротиворечивой теории, которую заранее называли Единая Теория Поля. — *Прим. перев.*

И насколько же мы едины?

Мир был потрясен, когда в феврале 2001 года выяснилось, что генетическая структура всех людей на 99,9% *идентична*. Исследования в рамках программы *Human Genome Project*, которую проводили независимо друг от друга две группы ученых, привели к удивительным результатам — мы наконец получили научное подтверждение тому, о чем духовные учителя говорят нам с начала времен.

Вот некоторые предварительные заключения этих исследований:

- Существует гораздо меньше человеческих генов, чем предполагалось ранее, — возможно, около 30 000, а не 100 000, как прежде полагало большинство ученых. Это лишь на треть больше, чем у кольчатых червей.

- Среди этих 30 000 человеческих генов обнаружено лишь 300 генов, не имеющих соответствия в генетической структуре мыши.

Вам приходилось слышать, что между всеми людьми существует всего шесть уровней различия? Так вот, человека от Микки Мауса отличают всего 300 генов.

Чем больше мы узнаем об этом мире и о том, как он устроен, чем больше узнаем о жизни, — тем более глубоко убеждаемся, что в основе нашей вселенной лежит именно то, что милая малышка Мария назвала *единственностью*. Жизнь — единственное, что тут есть. Все, что мы видим и открываем о ней, — не более чем вариации одной темы.

Я называю эту тему Богом.

Эволюция подталкивает людей к тому, чтобы они изменили свое представление о *единственности* — и вместо *единственности* разобщения пришли к *единственности* единства.

По-настоящему осознав, что Жизнь — Единственное Сущее, мы видим, что Любовь тоже — Единственное Сущее.

Так же, как и Бог. Ибо Жизнь, Любовь и Бог — одно. Эти слова взаимозаменяемы. Вы можете заменить одно из них другим практически в любом предложении, и ни смысл, ни внятность от этого не пострадают. Только расширятся.

Жизнь, Любовь и Бог общаются с нами ежедневно сотнями способов, иногда их слова приходят с голосами детей, иногда — с шепотом Внутреннего Друга...

11 НАШ ДРУГ НА НЕБЕСАХ

В Сиэтле все будет гораздо лучше, ребята, — вот увидите.

Мама Мэри пропела эти слова, ведя свой старый потрепанный фургон по автостраде. Красная краска машины успела порядочно выгореть еще в Филадельфии, а теперь она вообще покрылась дорожной пылью и совсем изменила цвет.

Дорога была долгая, и маленькая Мэри Эндерсен уже устала смотреть в окно. Еще больше она устала от перебранок с тремя другими детьми в машине, которые были гораздо старше ее. Поскольку она была самая младшая в семье, остальные дети постоянно ее клевали. Может быть, ей стоило остаться дома с отцом и двумя самыми старшими братьями? Однако у Мэри не было выбора — ведь она еще совсем маленькая. Когда мама решила уехать на поиски лучшей жизни, не имея за душой ничего, кроме старого фургона, четырех детей и двухсот долларов, оставалось лишь отправиться за ней.

— Почему в Сиэтл? — в сотый раз спросила Мэри.

— Это же на другом конце света!

— Именно поэтому, — чтобы уехать от Филадельфии как Можно дальше, оставаясь при этом в той же стране, — отвечала мама.

И вел, после нескольких дней нуги, на горизонте наконец показался город. Серые воды залива Паджст казались холодными. Мэри все это не нравилось. Конечно, она не стала говорить об этом прямо. Просто сказала:

— Ой, мамочка, что-то мне не по себе. Прошло время, но беспокойство осталось.

Мать Мэри нашла работу сразу. Это, конечно, хорошо. Но работа была в китайском квартале — удивительном и суматошном месте. Речь у людей тут торопливая и забавная, — кажется, они всегда куда-то спешат. Витрины забиты всякими странными штуками — подвешенные за шею ошипанные утки и куры, неопознаваемые овощи и сушеное нечто, от чего у Мэри к горлу подступала тошнота. А хуже всего то, что тротуары то и дело были мокрыми, а в небе все время висели тучи.

Никто не обращал внимания на девчушку, околачивающуюся за стойкой старой гостиницы, где работала ее мать. Она была тут чужая. Поговорить не с кем, детей вокруг нет. Братья и сестры каждый день в школе. Иногда во время обеда мать шла с Мэри к воде покормить чаек, но чаще всего девочке приходилось как-то развлекаться самой в холле гостиницы. Обычно она была одна... и чувствовала себя одинокой.

Когда настало время идти в первый класс, другие дети уже закончили школу и ушли из дому. Мэри с матерью перебрались в Южный Сиэтл. Их новый дом был просторнее, чем все их прежние жилища, но это не столько радовало Мэри, сколько пугало: казалось, дом так и кишит привидениями, особенно темный подвал с паутиной по углам. По, по меньшей мере, по соседству были другие дома, там жили дети, и было с кем поиграть.

Теперь матери приходилось добираться с работы дольше. Старый фургон давно развалился, а автобус из центра Сиэтла шел невероятно долго, петляя чуть ли не по всему городу. После долгого рабочего дня и часовой поездки в автобусе мать обычно чувствовала себя слишком усталой и разбитой, чтобы поиграть с дочкой. К девяти годам одиночество стало для Мэри образом жизни.

Каждое утро девочка одевалась и отправлялась в школу. Вернувшись домой, она оказывалась одна. Оставалось только смотреть телевизор. Огромный дом скрипел и вздыхал, и Мэри не любила быть тут одна даже днем. Жутковато. Она нередко околачивалась в ближайшем магазине, листая журналы и болтая с покупателями.

Однажды Мэри проголодалась, но, как обычно, денег у нее не было. И она задумала стащить батончик. Никто не увидит. Ее не поймут. К тому же и стоит этот батончик всего ничего. Она сунула конфету в большой карман своего фиолетового пальто. «Как просто», — улыбнулась себе Мэри.

Это оказалось так легко и так приятно, что девочка стала воровать регулярно. Денег у нее никогда не было, а хотелось чего-то всегда. Итак, Мэри стала просто тащить все, что приглянется. Фиолетовое пальто подходило для этого идеально — с большими карманами, широкое, в нем легко можно было спрятать что угодно.

Иногда девчушка воровала просто для развлечения. Вот до чего дошло. Она уж не просто тащила нужные ей вещи или пищу, теперь она делала это ради удовольствия. И никогда не чувствовала себя виноватой.

И вот она в очередной раз возвращалась из магазина, хрустя свежееукраденным батончиком. Тогда-то все и произошло. Это был опыт, который изменил всю жизнь Мэри, — и оказывает на нее влияние по сей день.

— Ты что, и вправду такая? — услышала она голос.

Девочка остановилась и оглянулась. Рядом никого не было.

— *Ты что, и вправду хочешь быть такой?*

Теперь ей показалось, что голос звучит у нее в голове. Мэри застыла.

— Т-ты... о чем? — спросила она безмолвно.

— Ты *и вправду такая?* — снова спросил голос.

Тогда Мэри поняла. Она не испугалась, не устыдилась. Она просто поняла, что голос спрашивает у нее, действительно ли она хочет таскать батончики и вообще чужие вещи, — действительно ли она собирается стать воровкой.

Голос обращался к ней вполне дружелюбно. Никакой оценки, никакого осуждения. Просто вопрос, естественно, требующий ответа.

— Нет, — подумала девочка, — я не хочу быть воровкой.

Она выбросила батончик в урну. И почти сразу ей стало легче. И тут к Мэри внезапно пришло неоспоримое внутреннее знание. Ей предстоит сделать что-то гораздо более значительное, у нее есть более высокая цель. Ей показалось, что она должна совершить в жизни нечто важное, а этот... *воровской бизнес...* ей мешает.

В тот же миг Мэри поняла, что никогда больше не возьмет чужого. И еще кое-что: она поняла, что не одинока! Девочка всегда была одна и *чувствовала* себя одинокой. А теперь все это закончилось. Она знала, что у нее есть друг. Она слышала его голос глубоко в сердце.

Мэри не сразу дала ему имя (в конце концов она решила называть его «Богом»), но с этого дня одиночество закончилось, и «друг» стал ее верным спутником.

Дружба с Богом — не просто очаровательная фантазия. Она может стать осязаемой, действенной реальностью. В книге «Дружба с Богом» предложены семь шагов к этому состоянию бытия. Но не обязательно проходить этот путь последовательно, шаг за шагом. Как и в любом процессе развития, мы можем пропускать некоторые шаги — иногда даже *все*. На самом же деле, в таких случаях мы не пропускаем шаги, а просто совершаем их все сразу.

Именно это и произошло с Мэри, когда она была маленькой. Она шла по улице Южного Сиятла, и к ней пришло мистическое переживание, Момент Благодати, и этот момент полностью изменил все ее отношение к жизни. Она больше не была одинокой. Она больше не путалась в собственных ценностях.

Тогда, на улице, Мэри совершила прыжок к дружбе с Богом — и семь шагов ей не понадобились. Эти семь шагов к дружбе с Богом легко запомнить и легко совершить. Вот они:

1. Узнай Бога.

2. Доверяй Богу.

3. Люби Бога.

4. Прими Бога.

5. Используй Бога.

6. Помогай Богу.

7. Благодарите Бога.

В «Дружбе с Богом» эти шаги обсуждаются очень подробно. В книге говорится о том, каким образом жизненный успех обуславливается течением самой жизни. Там это показано наглядно. Там же изложены Пять Позиций Бога (перечисленные и в книге, которую вы держите в руках, в главе 15) и объяснены Три Коренные Концепции Целостной Жизни:

Осознание

Честность

Ответственность

Это необыкновенный документ, и я бы рекомендовал каждому ознакомиться с ним как можно внимательнее и глубже, чтобы извлечь все таящиеся в нем сокровища. Если вы сделаете это, то поймете, что для того, чтобы узнать человека — узнать по-настоящему, — нужно забыть все, что вы думали о нем, все, что вам о нем говорили окружающие, — и просто окунуться в собственный опыт общения.

То же самое касается Бога. Вы не можете по-настоящему узнать Его, если считаете, что вам уже известно все, что можно знать о Боге, — особенно если ваши знания основаны на том, что рассказывают окружающие.

(История Троя Баттерворта — яркий тому пример. Разные люди, включая священнослужителя, рассказывали парню, как Бог относится к гомосексуалистам. И вот он решил, что знает мнение Бога по этому поводу. Ему прямая дорога в ад — и точка. Потом Трой обрел собственный опыт общения с Богом и понял, что Его любовь безусловна. Бог не разделяет ограниченные суждения некоторых людей. Но сами эти люди очень хотят убедить остальных, что Бог их ограниченные суждения разделяет.)

Вам может быть очень трудно поверить кому-то, кого вы не знаете, поэтому бывает трудно поверить Богу.

Вам может быть очень трудно полюбить кого-то, кому вы не верите, поэтому бывает так трудно полюбить Бога.

Вам может быть очень трудно от всей души принять и впустить в свою жизнь кого-то, кого вы не любите, поэтому бывает трудно принять Бога.

Вам может быть очень трудно использовать кого-то, кого вы не хотите принять и впустить в свою жизнь, поэтому бывает трудно использовать Бога.

Вам может быть очень трудно помогать кому-то, от кого вам нет никакой пользы, поэтому бывает трудно помогать Богу.

И вам может быть очень трудно испытывать сердечную благодарность к кому-то, кому вы ничего не можете дать, поэтому бывает трудно испытывать благодарность к Богу.

Это касается всех чудесных процессов и откровений, о которых идет речь в книгах серии «С Ботом»; каждый новый шаг вытекает из предыдущего. Интересно, что Семь Шагов к дружбе с Богом можно предпринимать и в обратном порядке То есть вы можете начать путь к дружбе с Богом с благодарности за все, что есть в вашей жизни.

Проанализировав свою жизнь и увидев, за что вы можете поблагодарить Бога, вам, естественно, захочется Ему помочь. Когда Бог «собирается» что-то сделать, следует только попристальнее взглядеться, понять Его намерение, и тогда вам естественным образом захочется «помочь» Богу, захочется сыграть свою роль в Совершенном Раскрытии Своего Я — и оказывается, что *именно это и «собирался» сделать Бог.*

Помогая Богу, вы обнаружите, что на самом деле вы используете Его — обращаете себе во благо то, Каков Он Есть. Используя Бога, вы поймете, что вы его воистину принимаете и впускаете в свою жизнь. Осознав, что Бог — в ваших объятиях, вы поймете, что любите Его. Любовь подразумевает доверие. И в самом конце этого процесса вы поймете, что знаете Бога, как не знали Его никогда прежде. Это и есть истинная и неподдельная *дружба с Богом.*

Итак мы увидели, что в этом случае неважно, в какую сторону падают домино. Они могут даже упасть все сразу, как это случилось с Мэри Эндерсен, когда она была маленькой.

Мэри до сих пор дружит с Богом. Эта дружба — не плод ее воображения, не полет фантазии. Все очень реально, неподдельно и осязаемо. Когда Мэри оказывается на распутье, когда ей необходимо сделать выбор, когда перед ней встает та или иная проблема, та или иная сложная задача, — она знает, что не одна. У нее есть друг. И Он всегда готов дать совет.

И этот совет всегда хороший. Шепот в ее сердце.

12

ПУТЕШЕСТВИЯ ДУШИ

Необычный опыт Джейсон Гардхэм приобрел еще будучи ребенком. Мальчик всегда вставал раньше всех в доме. Ему нравилось жить на ферме, нравилась эта свобода — бегай, играй, броди где хочешь. Больше всего он любил лес, граничащий с владениями их семьи. Летом каждое утро, проглотив бутерброд, мальчишка отправлялся туда.

Мать всегда раньше других замечала, что Джейсон встал и ушел чуть свет, — спустившись на кухню, она неизменно обнаруживала, что сын снова забыл поставить банку с ореховым маслом в холодильник, а хлеб положить в хлебницу.

Джейсон уходил в лес играть со своими друзьями. Он знал, что они не из этого мира, но говорил о них как о чем-то совершенно реальном. Войдя с первыми лучами восхода под сень деревьев, мальчик тут же ощущал пронизывающую воздух энергию и мог сразу сказать, встретит он сегодня весело

резвящихся среди папоротников детей или нет. Иногда дети уже ждали его, и тогда весь день проходил в играх — они прятались среди зелени, гонялись друг за другом, бегали, смеялись.

В другие дни Джейсон мог целое утро вглядываться и вслушиваться в лес, но никого не находил. Тогда он приходил домой весь в слезах.

— Что случилось, родной? — спрашивала мама.

— Мои дивные дети не пришли сегодня в лес. Не пойму, куда они делись, — всхлипывал он. Да, именно так он их называл... своими «дивными детьми».

Мать обнимала своего маленького мальчика. Она никогда не подвергала его слова сомнению. Тем более ей не приходило в голову ворчать на сына за то, что он окружил себя компанией воображаемых товарищей. Однажды она просто спросила его, откуда он знает, что они есть. Он так же просто ответил: «Верю». Что ж, если он верит в своих товарищей и в саму жизнь, которая ему их дала, то и она согласилась верить во все, что он ей рассказывал о своих необыкновенных переживаниях.

Много раз Джейсон деловито и подробно рассказывал о том, что видел и слышал, — такие рассказы встревожили бы всякую мать. А она просто верила, что ее ребенок особенный, что он чем-то отличается от других.

В этой атмосфере приятия и безусловной любви Джейсон вырос и стал здоровым, нормально приспособленным к жизни юношей. И при этом мог свободно отдаваться своим необычным переживаниям и открыто говорить о них, не опасаясь насмешек. Мать доказала ему, что ей тоже можно доверять.

Случилось так, что в возрасте семнадцати лет Джейсон Гардхэм совершил путешествие в самые отдаленные пределы Космоса, на самый край небес. И он сделал это, даже не выходя из своей спальни.

Тут следует обратить внимание читателя, что мы говорим о совершенно нормальном подростке — он страдал, когда его не любила девушка, занимался спортом, увлекался живописью. Он не употреблял наркотики, не экспериментировал с «кислотными путешествиями». Его больше тянуло к книгам. Хорошая книга — вот что доставляло ему истинное удовольствие.

Однажды вечером, в июле 1958 года, Джейсон как раз и собрался почитать после ужина. Он не читал, он только хотел почитать. Он направился в свою комнату за книгой, а вместо этого нашел совершенно иную реальность.

Переступив порог, он оказался в полной темноте. В полной темноте. Ниоткуда не пробивалось ни лучика. «Ого», — подумал он и потянулся к выключателю, но тут почувствовал, что с ужасающей скоростью мчится через пустоту.

«Я умру, — закричал его разум. — Тут нет воздуха! Я лечу слишком быстро!»

А потом понял, что делать. Нужно верить. Он всегда так делал, если происходило что-то странное. Джейсон воззвал к Богу. Для него это было совершенно естественно. Он всегда оставался открытым к духовным вопросам и считал, что находится в близких личных отношениях с Богом. Совет и поддержка Бога (их, как он верил, давали ему эти особые отношения) играли в его жизни очень важную роль. Вера никогда ему не изменяла. Джейсон всегда был убежден, что Бог его любит и всегда готов прийти на помощь. Вот и сейчас юноша обратился к своей вере.

И тут же Джейсона окутало изумительное чувство полной безопасности. Это было очень теплое ощущение — ощущение нерушимого мира и глубочайшего покоя. Сердце стало биться не так неистово, и юноша с любопытством огляделся.

Он летел сквозь пространство! На смену тьме пришли захватывающие картины звезд и планет, и лун, и астероидов, и комет — всего, чем полон открытый Космос.

«Уж не потерял ли я сознание? Или это просто игра воображения?» — спрашивал он себя.

Мимо проносились звезды. На непостижимой скорости Джейсон мчался среди неопишуемой красоты. Полет все продолжался и продолжался, не было ни холодно, ни жарко, юноша ощущал лишь блеск бесшумно скользящих мимо него светил.

«Куда я лечу? И зачем я сюда попал?» — спрашивал себя он

Затем снова вспомнил о Божьей любви. И вспомнил: верь.

Вдруг Джейсон почувствовал, что сбавляет скорость. Остановился. Перед ним было что-то вроде стены — огромной золотой стены, излучающей неземной свет. Настолько высокой, что не видно вершины. Не видно и краев — ни слева, ни справа. Ее великолепие вызывало трепет, и Джейсон просто не верил своим глазам.

Так он и стоял у стены, и тут прямо перед ним медленно оформилось что-то вроде глубоко утопленного окна, его створки открылись. Джейсону показалось, что это окно в вечность, через которое

душа улетает на небеса. Из-за окна светило множество мерцающих огоньков — такого дивного великолепия он никогда еще не видел. Юноша протянул руку, чтобы коснуться разноцветного луча, и ему пришлось зажмуриться, — свет стал так ярко и прекрасен, что не было сил смотреть.

«Но я должен видеть!» — закричал он, чувствуя, что его сердце вот-вот разорвется от любви.

И открыл глаза. И оказался в своей комнате.

Возвращение ошеломило Джейсона не меньше, чем отлет. В изумлении он стоял на том самом месте, где его тело и находилось все это время. Юноша точно знал, — на этот счет у него не было ни малейших сомнений, — что его отправили в этот полет не просто так. Путешествие души — возможность узреть высшую реальность. Назовите ее Богом, назовите Небесами, назовите как угодно. Джейсон ее увидел и ощутил.

«Но для чего? — спрашивал он себя. — Для чего мне дано было это путешествие?»

А потом он понял, что над этим вопросом можно ломать голову очень долго.

И был прав.

Не то чтобы он не пытался найти ответ. Он не раз расспрашивал людей, которые, на его взгляд, могли дать ему ключ к пониманию этого опыта. Но обычно их ответ сводился к тому, что «Очевидно, Бог хотел тебе что-то показать. Придет время, и ты сам поймешь смысл увиденного».

Итак вопросы оставались. Иногда воспоминание о путешествии и чувство, что он не понимает его значения, доводили Джейсона до слез. Грустно было, что ему не хватает осознания, и еще более грустно за весь мир и за тех людей, которые никогда не познают того изумления и радости, что пережил он.

Он нередко прокручивал в памяти это путешествие, оставаясь наедине с собой. Так прошло почти тридцать лет.

Затем, в середине лета 1987 года, Джейсон зашел в местный магазин товаров для художника, чтобы купить себе нужные материалы. Едва он начал рассматривать витрины, как краем глаза заметил, что к нему направляется какой-то человек.

Это был очень высокий живописный индеец с длинными иссиня-черными волосами. Пронзительные темные глаза. Жилетка поверх джинсовой рубашки. Не говоря ни слова, мужчина остановился в метре от Джейсона.

Тело Джейсона сразу же наполнила мысль. Если мысль вообще может заполнить тело человека, пропитать каждую его клетку, то с Джейсоном произошло именно это. Он знал на клеточном уровне: *«Этот человек должен сказать тебе что-то очень важное».*

Джейсон прищурился, сосредоточивая внимание на неожиданной встрече.

— Нельзя ли поговорить с вами? — спросил индеец глубоким приятным голосом.

Джейсон немного занервничал, затем вспомнил: верь.

— Да, — ответил он ровно, — конечно.

— Может быть, выйдем на улицу? Джейсон кивнул и пошел вслед за ним.

Мужчины уселись в уличном кафе неподалеку. Незнакомец глубоко вздохнул.

— Я сразу понял, что это ты.

Джейсон опять прищурился, не отвечая. Сердце неистово забилось — не терпелось узнать, что хочет сказать ему незнакомец. Его словно парализовало. В голове роились вопросы, но для них не находилось слов. Пока он собирался с мыслями, чтобы спросить, за кого его принял этот индеец, в сознании сформировался образ. Образ золотой стены. А вместе с образом пришло ощущение. Верить. Верить в то, что происходит. Верить своей интуиции. Просто... верить.

Теперь Джейсон совершенно расслабился. Он знал, что должен сам начать беседу. Именно ему предстоит разбить лед, завязать общение, проложить дорогу к тому, что собирается сказать этот человек.

— Прежде чем скажете вы, позвольте рассказать кое-что мне. Этот опыт пришел ко мне много лет назад, когда я был совсем еще юным. Почему-то мне кажется, что вы должны об этом знать.

Индеец улыбнулся...

— Пожалуйста. Я с удовольствием выслушаю вас.

Джейсон поведал о своем путешествии через время и пространство. Он не знал, почему рассказывает обо всем незнакомцу. Лишь знал, что это нужно, и старался не упустить ни одной подробности. Описал все, что видел и чувствовал, даже попытался передать свою грусть от того, что так и не смог понять смысл своего опыта. Где-то посреди рассказа он заметил, что по щеке индейца катится слеза.

Закончив, Джейсон с удивлением отметил, что с него свалился груз. Теперь он понимал, почему рассказал незнакомцу эту глубоко личную историю. Он инстинктивно чувствовал, что наконец глубже постигнет то, что произошло с ним три десятилетия назад. У сидящего напротив человека есть ответ на давно волнующие его вопросы. Джейсон не знал, почему он в этом так уверен. Просто верил, и все.

Индеец заговорил неспешно:

— Позволь мне рассказать о том, что знаю я. Джейсон нетерпеливо подался вперед.

— Меня зовут Гэри Уинтер Оуэн, я из племени марикопы. Работаю тут, в магазине. Однажды, несколько недель назад, я беседовал с покупателем, и вдруг почувствовал, что должен оставить его и побыть один. Это было странно, поскольку мы очень славно общались, — по я никак не мог избавиться от охватившего меня чувства. Наконец я извинился и ушел в подсобку.

И тогда в моей голове прозвучал голос. Он сказал... «Возьми ручку и пиши». Я не знал, что мне нужно написать, и записал первое, что пришло в голову. Перечитав написанное, я ничего не понял. И все-таки знал, что это что-то важное.

И тогда голос сказал мне: «Ты встретишь человека, которому это предназначено, и узнаешь его, когда увидишь».

Индеец в упор посмотрел на Джейсона.

— Я рассказал о голосе своему деду, — продолжал он, — и показал ему послание. Дед сказал, что, встретив этого человека, я должен с ним познакомиться и учиться у него.

Джейсону стало немного не по себе. Гэри говорил дальше...

— Это послание не выходило у меня из головы. Мне оно казалось очень важным и таким прекрасным в своей таинственности. Я сделал из коры свиток и переписал его туда. Сегодня, когда я тебя увидел... я снова услышал тот голос.

Повисла долгая пауза. Взгляды мужчин встретились.

— Он сказал мне, что ты — тот самый. Джейсон вздохнул.

— Увидев тебя, я понял, что ты должен мне что-то сказать, — произнес он мягко. — Что-то, чего я ждал почти тридцать лет.

Гэри кивнул.

— Это правда, — согласился он и вручил Джейсону красиво свернутый в трубочку свиток из древесной коры, перехваченный резинкой. Одна часть Джейсона не хотела разворачивать свиток и нарушать его красоту. Другая, большая часть просто знала, что там написано.

Дрожащими руками он снял резинку. Взглянув в темные, почти черные глаза индейца, Джейсон осознал, что только что получил очень личный дар от человека, который станет его другом.

Послание было написано крупными округлыми буквами. Он начал читать...

Неся любовь в своей душе

И искренности дар,

Я человека доброго

Взял к золотой стене.

У Джейсона замерло сердце. Он взглянул на Гэри, тот просто улыбнулся, затем молча кивком головы указал на свиток, чтобы Джейсон читал дальше.

И яркий свет наполнил ночь,

О, ангельский огонь! —

А дело в том, что на Земле

Дала ростки любовь.

Джейсон вспомнил этот великолепный разноцветный луч света.

Любви для роста нужен смех

И светлая печаль.

А мы пока поговорим

И прочь прогоним страх.

Споем о жизни, о борьбе,

О боли, что прошла,

Лелея бережно в сердцах

Стремление познавать.

К чему же плакать, посмотри...
Твоя любовь во мне!
Я человека дивного
Взял к золотой стене.

Джейсон положил свиток на столик. Он знал, что не прольет больше ни слезинки о непознаваемом — для него и для других. Ибо он понял, что *познал* — и *другие могут познать* Жизнь полна радости, и, как всегда, ее направляет Бог. И он может увидеть Божественную любовь. Не только увидеть, по и разделить.

Сегодня жизнь Джейсона исполнена глубочайшим ощущением цели, к которой он движется день за днем. Он поставил перед собой задачу дарить людям мир и любовь.

Он пытается делать это, неся им одно послание. Простое послание, но веское:

Верить.
Верить себе.
Ибо мудрость — в нас.
Верить друг другу.
Ибо все мы — одно.
Верить жизни.
Ибо она удивит нас, принесет наслаждение и поддержит.
Верить Богу.

Ибо Бог нас по-настоящему любит, Он поможет прожить каждый день нашей жизни, а когда мы завершим твою работу на Земле, возьмет нас Домой.

Теперь Джейсон понимает, что он — учитель. И Гэри — незнакомец из магазина товаров для художника — стал его первым учеником. Но только первым. Потом их было еще много, они приходят к нему, чтобы узнать, что им ничего узнавать *не нужно*. Нужно только помнить то, что они узнали, когда были детьми.

Дивными детьми... танцующими в лесу.

Было ли путешествие Джейсона реально? Могут ли люди «путешествовать» в иные пространства? Действительно ли мы способны оставлять тела (или оставаться в них) и перемещаться в сопряженные реальности?

В «Беседах с Богом», книга 2, говорится:

Ты являешься Божественным Существом, которое способно в одно и то же «время» на более чем один жизненный опыт — и можешь делить свое «Я» (свою сущность) на столько «я» (сущностей), сколько ты выбираешь.

Ты являешься существом Божественной Величины, не ведающим ограничений. Часть тебя выбирает познать себя в качестве личности, которая сейчас приобретает свой жизненный опыт. Но это далеко не предел твоего Бытия, хотя ты думаешь, что это так.

Существует ли такая штука, как «окно в Вечность», в которое мы можем заглянуть и вынести оттуда воспоминания?

Ответ... да. И снова... да. Я знаю это из опыта.

Вечером 8 января 1980 года я ужасно поскаandalил со своей тогдашней женой. Несомненно, виноват был именно я. В те дни так оно обычно и случалось. Я был довольно тяжелым человеком. Мне хотелось стать поуживчивее. Искренне хотелось. Но, казалось, я ничего не могу с собой поделаться, я был не в состоянии положить всему этому конец.

Теперь я уже даже не помню, почему мы сцепились. Какая-то мелочь. Возможно, выясняли, чья очередь выносить мусор. Не важно. Но я очень хорошо помню, что случилось После этого. Нечто, о чем я никогда не забуду.

Посреди нашего бурного спора я просто отмахнулся от жены, удалился из гостиной и, хлопнув дверью, скрылся в спальне.

В полном отчаянии я повалился на кровать, уставился в потолок и заплакал. *«Иисусе, — думал я, — почему мы не можем ужиться? Что нужно людям для того, чтобы просто ладить друг с другом?»*

На моем счету уже было два неудачных брака, и я не мог понять, что же я делаю не так. *«Что нужно? — спрашивал я у Бога. — Что нужно для счастья?»*

Я уткнулся лицом в подушку и захныкал: «Пожалуйста, Боже, помоги мне. Я не хочу быть человеком, который скандалит из-за пустяков. Помоги мне. Помоги...»

Совершенно выбившись из сил, я заметил, что быстро соскальзываю в сон. Словно кто-то подключил ко мне разъем и вытянул всю энергию. Я просто расслабился и почувствовал, как проваливаюсь в матрац, в подушку. Помню последнюю мысль, промелькнувшую у меня в голове прежде, чем я совсем заснул: «Это будет самый глубокий сон в моей жизни». Так и вышло.

Где-то посреди сна — может быть, через час, через минуту, через полночи, не знаю — я проснулся от странного ощущения. Словно что-то вытягивало меня из постели. Вам когда-нибудь казалось, что вы падаете с кровати? Так вот, это то же самое, только наоборот. Не вниз, а вверх.

Попробую описать иначе. Представьте себе, что на столе очень спокойно сидит муха. Потом кто-то подходит с пылесосным шлангом и ухитряется накрыть муху открытым концом. Затем говорит: «О'кей!» — и включает пылесос.

Я чувствовал именно то, что ощутила бы муха. Я лежал на животе и вдруг почувствовал, что меня буквально всосало, и через миг я оказался над матрацем. Перехватило дух.

Глаза испуганно раскрылись, но еще больше я испугался, когда увидел, что вишу над кроватью и смотрю на огромный кусок глины, из которого вылеплена моя точная копия. «Но это не я, — сказал я себе, — поскольку я здесь, наверху, и я смотрю вниз». Кроме того, в этом знакомом теле на кровати нет жизни. Нет жизненной энергии. Оно безжизненно.

В этот миг на меня спустилось первое из важных откровений, которые я вынес из этого опыта.

«Боже мои, я — не вон то тело, — сказал я себе. — Я — это. ЭТО.

Я — эта... сущность, эта... энергия... которая сейчас НАБЛЮДАЕТ вон то тело».

Может быть, эта мысль покажется вам элементарной, но Тогда она была для меня огромным откровением. И оно, Несомненно, оказало на меня колоссальное воздействие, поскольку было не просто идеей или теорией, но *опытом*, который я обрел прямо там и тогда.

Едва я осознал и принял этот факт, как меня развернуло лицом к потолку и — *фьють* — вынесло прочь через крышу.

Я сразу же очутился в каком-то темном месте, будто бы в туннеле, что-то толкнуло или потянуло меня вперед и понесло вперед на бешеной скорости. Страх не было абсолютно, лишь ощущение невероятной скорости.

Скоро впереди показалась крохотная искорка, и я понял, что мчусь именно к ней. Искорка все росла и росла, пока я внезапно не вылетел из туннеля. Меня выстрелило прямо в этот свет.

А сейчас кое-что интересное. Я был в свете и, казалось, одновременно вне его — смотрел на него со стороны. Я очень остро помню, что смотреть на него было почти невозможно — так прекрасен он был.

Не знаю, смогу ли объяснить, как свет может быть прекрасным, поскольку свет — он и есть свет, правильно? Правильно, но только этот свет был прекрасен. Может быть, дело в том, как я ощущал его. Не знаю. Знаю только, что красота была необъятная. Этот свет был слишком велик, слишком восхитителен, чтобы его могло объять человеческое сознание. А я чувствовал себя таким маленьким и растерянным. Помню, мне подумалось:

«Нет, только не я. Я недостойн быть в этом свете. Я недостойн того, чтобы видеть его. После всего, что я сделал, после того, как запятнал свою душу, после того, как столько раз предавал себя и других, — нет, я недостойн».

Затем я устыдился, ибо, подумав обо всех этих вещах, вспомнил их во всех подробностях. И я заплакал от стыда и чувства вины. Сотрясаясь в рыданиях. Почему я не вел себя лучше? Почему так часто делал наихудший выбор? Как глубока была моя печаль... Я и не помню, чтобы когда-нибудь так горько сожалел о чем-то. И тут меня наполнило — в тот самый миг, — наполнило чувство, описать которое я не в силах. Я не раз пытался подобрать слова, но так и не нашел подходящих. Сейчас я сказал бы, что мне был дарован мир, истинный мир, полный мир — впервые в моей жизни. Я почувствовал, словно огромный ласковый палец прикоснулся к моему подбородку и заставил поднять голову. И в моем сердце прогремели слова:

— Ты совершенен, такой, как ты есть. Ты неописуемо прекрасен, и Я люблю тебя безо всяких условий. Ты — Мое дитя, и Я очень рад тебе.

Я почувствовал, что меня обняли и баюкают. Теперь свет был со всех сторон, и я мягко колыхался в его центре. Вся печаль ушла. Даже раскаяние исчезло. Я исцелился и обрел целостность. Душа исполнилась благодарности, сердце — любви.

Затем пришло второе осознание:

«Я *никогда* не получу прощения за все, что я сделал».

Как бы я ни сожалел о своих действиях и решениях, как бы ни каялся, я не получу прощения.

Потому что в прощении нет необходимости.

Я — Божье дитя, отпрыск Божественного, и я не способен нанести Божественному ущерб, ибо Божественное совершенно неуязвимо, причинить ему вред просто невозможно. Я всегда желанный гость в сердце и в доме Божьем, мне позволено учиться на своих ошибках, позволено приближаться к тому, Кто Я Действительно Есть, любым путем, какой я изберу, — даже во вред себе и окружающим. Ибо ни мне, ни окружающим причинить вред тоже невозможно. Нам только *кажется*, что мы можем сделать это.

Это откровение несомненно оказало на меня колоссальное воздействие, поскольку было не просто идеей или теорией, но *опытом*, который я обрел прямо там и тогда.

Осознав это, я сразу же оказался в третьей реальности. Меня окружали миллионы, нет, сотни миллионов крохотных... *частичек энергии* — иначе это и не опишешь. Они были везде. Передо мной, позади, справа, слева. Они напоминали мне крохотные клетки, молекулы. У каждой своя форма и цвет.

А что за цвета! Господи! — поразительно, изумительно, захватывающе красивые цвета. Синейшая синь, чистейшая зелень, воплощение красного и самые дивные сочетания и оттенки, каких я прежде и не видел. А для меня это что-нибудь да значит... я, видите ли, дальтоник...

Так что для меня это было поистине захватывающее зрелище.

Итак, передо мной и вокруг танцевали эти частички цвета. Танцевали, окружив меня мерцающим пологом красоты, который скрывал собой все — он и *был* Всем.

Я знал: то, что я вижу, — Сущность Всей Жизни. Это была жизнь в ее суб-суб-суб-молекулярной форме. Ее мельчайшие частицы. Ее основа. Ее корень. А дальше я увидел нечто совершенно очаровательное.

Глядя, как танцуют и мерцают передо мной эти изумительные частички света, я заметил, что они все время изменяются! Казалось, они загораются и гаснут, сами себя поглощают и возникают снова — в новой форме и новом цвете. И с изменением формы и цвета каждой частички изменяли цвет и форму и все окружающие, взаимоприспосабливаясь и стремясь дополнять друг друга. А затем частички, окружающие эти частички, и дальше, дальше, дальше... и тогда я понял, что все это — постоянно изменяющаяся, обновляющаяся и при этом всегда целостная головоломка-мозаика Пульсирующая, дрожащая мозаика чистой энергии.

Меня переполнило желание прикоснуться к этим невыразимо прекрасным частичкам, стать с ними одним. Я хотел с ними слиться. Растаять в них. Не знаю почему. Это был внутренний зов, внутренняя страсть, зародившаяся где-то в самой глубине моего существа.

Я попытался приблизиться к частичкам, но с каждым моим движением мозаика отстранялась. Я пытался «перехитрить» частички, двинулся вперед, а потом, внезапно, в сторону. Не сработало. Я не мог обмануть матрицу. Она понимала каждое мое движение. На самом деле она их просто *предвидела*.

Я не мог к ней приблизиться и заплакал. Этот отказ, этот запрет так опечалил меня, что казалось, я просто не переживу. А потом печаль сразу прошла, ибо я осознал: я не могу приблизиться к этой энергии, поскольку я сам и *есть* эта энергия! Когда двигаюсь я, движется и она. Конечно. Я уже слился с нею!

Все вещи — Одна Вещь Есть Только Одна Вещь, и нет Ничего, что не было бы Частью этой Одной Вещи.

Это откровение, несомненно, оказало на меня колоссальное воздействие, поскольку было не просто идеей или теорией, но *опытом*, который я обрел прямо там и тогда.

И снова, едва я это понял, реальность сменилась. Теперь я стоял перед огромной книгой. Она была вдвое, нет, втрое больше, чем самая большая из книг, которые я видел прежде. Она была как сотня телефонных справочников Манхэттена, склеенных вместе. А шрифт настолько мелкий, что на каждой странице — на *каждой странице* — вмещалась информация сотни энциклопедий.

Я стоял перед этой громадиной, и тут снова услышал голос, говоривший со мной, когда я оказался в объятиях света. Очень нежно, почти снисходительно, но ни в коем случае не насмешливо Он сказал...

— *Ладно, Нил, ладно. Ты всю свою жизнь искал ответы на вопросы. Все искал и искал — и это был истинный, искренний, честный поиск Итак, вот они Вот ответы*

Тут страницы замелькали, словно их пролистывал некий гигантский палец или священный ветер. Все это произошло очень быстро, и весь документ прошел передо мною за малую долю секунды. И все-таки я сумел прочесть и впитать каждое слово на каждой странице.

И я узнал. Узнал все, что люди знали прежде, знают сейчас и узнают в будущем. Я постиг вселенскую космологию и тайну всей жизни. Я увидел, насколько все просто. Абсолютная, очень элегантная *простота*.

Это откровение несомненно оказало на меня колоссальное воздействие, поскольку было не просто идеей или теорией, но *опытом*, который я обрел прямо там и тогда.

Это четвертое, что я осознал. И, когда передо мной промелькнула последняя страница книги и хлопнула тяжелая обложка, я сказал...

— *Конечно.*

Вот и все, что я сказал. Просто:

— *Конечно.*

И тогда я проснулся. Я снова оказался в своем теле, и оно было тяжелым как никогда. Казалось, что один только мизинец весит тонну. Я хотел дотянуться до столика и взять бумагу и ручку, — чтобы записать все, что мне довелось пережить, чтобы не забыть, чтобы получить какое-то подтверждение своего опыта. Но не сумел пошевелить рукой. Все, что я мог, — моргать.

И тогда я снова услышал тот голос, мой Особый Голос, который обращался ко мне во время этого сна, этого путешествия, этого, этого... что бы это ни было. Голос сказал:

— В этом нет нужды. Неужели ты думаешь, что забудешь случившееся? И все равно, доказать ты ничего не сможешь, да это и не нужно. Истину нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Она просто есть.

И тогда я заснул.

Наутро я проснулся в состоянии эйфории. Пританцовывая, я направился в душ, открыл кран, и на меня хлынул поток холодной воды, — но я был совсем не против. Холодный поток захватывал дух и бодрил. Я добавил горячей воды и стоял, глядя, как она падает из душа на мое тело.

Я чувствовал, что я — Одно с водой, Одно с душем, Одно с кафелем душевой. Я чувствовал, что я — Одно со всем сущим, и подумал, что, должно быть, именно так ощущают себя люди под психоделиками. Я растопырил пальцы на руке и прижал ладонь к стене, ожидая, что она пройдет сквозь кафель, ибо я видел молекулы плиток и молекулы руки и понял, что проходить сквозь стены можно, — нужно лишь расположить молекулы своего тела так, чтобы они проходили там, где *нет* молекул стены. На это способен каждый *проницательный* человек. То есть тот, кто может *проникать* в суть вещей, кто видит их насквозь.

Я все стоял под душем и силился вспомни ты, что я прочел, что увидел в той книге. Про себя я называл ее Большой Книгой и сейчас пытался припомни ты хоть одно слово из того, что прочел в пей.

И тогда ко мне снова обратился голос:

— *Тебе нельзя помнить.*

...И мне было дано понимание того, что, если бы я попытался сохранить в сознании все увиденное, у меня бы просто «перегорела» схема. Слишком много, как бы это сказать... электричества... слишком много энергии... для такого небольшою физического образования, как мой мозг.

Потом я услышал:

— *Просто знай, что ты знаешь. И знай, что каждый знает Все, что тебе нужно для того, чтобы вспомнить конкретную вещь, необходимую тебе в конкретный момент, — обратиться к своей внутренней мудрости. И ты вспомнишь.*

Оставшееся у меня после этого чувство слишком невероятно, чтобы даже описывать его. Я стоял в душе еще двадцать минут, осознавая каждую отдельную капельку, которая на меня падала. Затем вышел из душевой, и мое тело приветствовал прохладный воздух. Словно на меня вылили бутылку свежей искрящейся жизни. Во всем теле ощущалось покалывание, душа широко раскрылась. Я вытирался, наслаждаясь тем, как необычайно отчетливо чувствую каждое волоконец своего полотенца.

На работе в тот день всем было любопытно, отчего это я такой странный. Одна сотрудница все поглядывала на меня с момента моего прихода и наконец подошла и спросила...

— Что у тебя произошло? Ты как будто на двадцать лет помолодел.

— Правда? — спросил я.

— Просто посмотри на себя в зеркало, — был ответ.

Ощущение того, что я «в мире, но не от мира сего» оставалось со мной еще не одну неделю. Со временем оно понемногу блекло, но на каком-то уровне сохранялось довольно долго. И все эти годы с того дня и до сих пор я способен вернуть то ощущение и нестерпимую радость своего опыта, просто вспомнив обо всем.

Это мой опыт. Я могу хранить его в тайнике души, могу прикоснуться к нему, могу пережить его заново. Голос был прав: я этого никогда не забуду.

Итак, я говорю вам из опыта: путешествия души, вроде того, что случилось сорок лет назад с Джейсоном Гардхэмом, не просто возможны, они случаются постоянно. Их предпринимает каждый из нас. Каждый. Ибо ни одна душа не остается в теле постоянно от рождения до физической смерти.

Когда душа покидает тело — либо во сне, либо в моменты, которые люди называют медитативным «трансом», либо Просто во время прогулки по лесу (или в темной спальне), — тут нечего бояться, беспокоиться, смущаться, и нечего утаивать друг от друга.

Об этом стоит говорить. Ибо это — Моменты Благодати, и, делясь таким опытом с окружающими, мы дарим миру частицу чуда, магии, частицу энергии, которая изменяет жизнь.

Как изменилась жизнь Джона Стара, однажды пережившего интереснейший опыт на берегу озера Мичиган..

13 МИР ТЕНЕЙ

Джон Стар сидел за кухонным столом, обхватив голову руками. На столе был завтрак.

— Нет аппетита, Джон? — спросила мать. Она заметила, что в последние дни сын хандрит, безучастно бродит по дому... Все это на него не похоже.

— Мам, я ничего не могу понять, — Джон решил поделиться своими тревогами с матерью, хотя ему и не хотелось ее беспокоить. — Мне кажется, что я никуда не двигаюсь. И в последнее время меня постоянно преследуют все эти вопросы... просто не выходят из головы. Важные вопросы... например, что действительно имеет значение? Почему я здесь? Откуда я? — он умоляюще посмотрел на мать. — Я не пойму, почему мне нет покоя. И при этом мне как будто бы не хватает энергии.

Она села около сына.

Родной мой, эти вопросы всю жизнь преследуют каждого из нас. Ты должен дать себе время. В конце концов, ты ведь только что закончил школу. У тебя впереди целое лето — вот и подумай как следует. Для того чтобы проработать все это, нужно время. И помни, что большинство людей так и не находят ответы.

Джон вздохнул. «Милая мамочка, — подумал он, — она все правильно говорит. Но от всех этих слов не так уж много проку».

Вдруг мама оживилась:

— А пойдика поплавай! Это всегда поправляло тебе настроение.

«Действительно, — подумал Джон, — почему бы и нет? Все равно делать нечего. Можно немного поупражняться».

В это время года озеро Мичиган всегда теплое. Но в тот день небо было укрыто облаками, и вода выглядела скорее серой, чем голубой. Джон плавал хорошо. С самого детства он чувствовал себя в воде как рыба. Много лет выступал на соревнованиях по плаванию за городскую команду. Ему нравилось заплывать за волнорезы — в полумиле от берега вода была прохладнее и чище.

Юноша быстро и ровно поплыл свободным стилем. Пронзая волны, он вошел в то особое состояние сознания, которое всегда так успокаивало его: не думаешь ни о чем, просто сливаешься с водой, скользишь в ней, растеряв все мысли, доверившись силе своих рук и ног, и видишь лишь формы подводного мира и тени, отбрасываемые ими на дно. Это было место, которое Атлеты называют Зоной.

Но в тот день воды озера были беспокойны. В очередной раз вынырнув из воды, чтобы набрать воздуха, Джон захлебнулся встречной волной. Пока он отплевался и пытался восстановить дыхание, его захлестнула еще одна. Джон был хорошим пловцом и все же знал, что сейчас ему есть о чем

беспокоиться. До берега было больше полумили, плыть вперед ему стало тяжело. Он развернулся и отправился обратно.

Не успел он проплыть и десятка метров, как в ушах зазвенело, голова закружилась. Вдруг позади раздался громкий щелчок. Волны сразу же улеглись. Джон остановился и посмотрел на небо. Небо прояснилось, над головой ярко светило солнце. Вода в озере стала голубой.

«А это еще как понимать?» — удивленно подумал Джон, глядя в ясное небо. Казалось, солнце ярче, чем обычно, но смотреть на него было не больно. Вдруг что-то словно подтолкнуло его посмотреть вниз. Взгляду открылась невероятная картина.

Там, под ним, к берегу плыло его тело. Оно несло прямо и быстро, словно моторная лодка. Джон смотрел на все это в страхе и изумлении. Он был тут, его сознание — тут, так где же он *на самом деле* и что с ним происходит?

Казалось, сзади на него падает свет. Особый свет, свет, в котором... *есть чувство*. Джон повернулся к нему лицом. Восхитительно! Свет омыл его удивительнейшим теплом, юноша впитывал его, как губка. И тут им овладело чувство полнейшей свободы. Словно он полностью освободился от любого жизненного груза. Наконец открылся некий клапан, внутреннее давление упало. Он снова мог дышать свободно.

В него потекла энергия, освобождая и смягчая те части его существа, о которых Джон прежде и не ведал. Юноша испытал изумительное, радостное чувство. Он знал, что когда-то, когда-то он уже ощущал подобное, но не мог вспомнить когда. Он словно... *вернулся домой*.

Казалось, само время размягчилось. Ибо, насколько помнилось Джону, минуты, дни и годы его жизни всегда были величинами неизменными — как отметки на линейке. Сейчас линейка времени стала мягкой и эластичной. Она растягивалась и сокращалась, как резиновая лента.

Он мог видеть события своего прошлого, рассматривать их более четко и подробно, чем в те моменты, когда они, собственно, происходили, и оставаться в этих воспоминаниях сколь угодно долго. При этом казалось, что время не идет вообще.

Джон глубоко окунался в эпизоды своего прошлого, а затем возвращался к свету. Может быть, мир, который он знал прежде, отступал в небытие? Жизнь, которую он считал единственной реальностью... несомненные факты, сомнения, гордость и стыд, удовольствия и страхи... все они таяли. Единственное, что оставалось, — свет и благоговейное чувство благополучия, которое он в себе нес.

Это было похоже на пробуждение — словно Джон глубоко спал и ему снился яркий подробный сон, а теперь он проснулся и сон развеялся.

Глаза медленно приспосабливались к яркому сиянию, и Джон стал различать в свете очертания. Вокруг него стояли люди! Люди, которых он знал и любил. Более того, само это место было ему хорошо знакомо.

— Ну как тебе понравилось путешествие? — спросил один из друзей. Все остальные задорно расхохотались. Они подшучивали над ним. Джон интуитивно почувствовал, что они спрашивают у него не о путешествии в это дивное место, но о земных блужданиях. И он рассмеялся вместе с ними.

Как здорово смеяться так свободно! Он снова жил полной жизнью — жизнью без начала и конца, жизнью вечной.

Космический мир, в который он вступил, казался теперь настолько же прочным и реальным, как тот, что Джон оставил позади. Но по-прежнему было видно, что мир этот соткан из света. Это живой свет. Он просто сфокусирован в виде живых существ, как при помощи лупы можно собрать в точку солнечные лучи. Были тут и цвета. Не только цвета, встречавшиеся ему на Земле, но и целая палитра красок, которых он прежде никогда не видел.

Всех его друзей, и вообще всё живое, окружали цвета, — замысловатые геометрические узоры, и каждый из них был оригинален и уникален. Все краски и узоры пропитаны звуком — неисчислимые октавы. Казалось, эти цвета можно *слышать*. Звуки были очень слабыми, почти неощутимыми, но они достигали вечности.

На весь этот богатый жизнепорождающий гул накладывалась мелодия, составленная из личных звуков каждого существа. Свет, и звук, и цвет, и геометрические узоры — вместе складывались венскую целостность, в гармоничное совершенство.

Возможно, прошли годы. Годы, или часы, или минуты — тут не определишь. Осталась лишь реальность *бытия*. Быть-ия, неотделимого от текущего момента, от вечного *сейчас*, от жизни, которая во всех существах.

И хотя этот мир так же устойчив и реален, как оставленный позади, тут нет временных и пространственных ограничений. Здесь нет мнений, суждений, верований. Здесь лишь внушающие благоговение красота и радость.

Затем в сознании Джона стали пробегать образы из его другой жизни, — вначале они были мимолетны, но постепенно становились все устойчивее и отчетливее. Ему явились милые сердцу люди, явилось все, что он хотел увидеть и сделать. Наконец, из глубины его существа пробился настойчивый голос...

Достаточно. Ты посмотрел на вечность. Еще не время оставаться тут Пора вернуться в Мир Теней привычных, Иди туда, где игры смертных ждут.

«Ш-ш-ш-ш-урх, ш-ш-ш-ш-урх», — Джон поднял голову, чтобы посмотреть, откуда этот звук. На краю зеркальной водной глади плескались крохотные волны, шурша мелкой прибрежной галькой. Он лежал на берегу озера Мичиган всего в нескольких дюймах от воды. Ощущение было просто невероятное — он чувствовал себя таким отдохнувшим, как никогда прежде. Юноша встал на ноги и поглядел вокруг.

На западном горизонте вырисовывался Чикаго, его дома, омытые лучами красно-оранжевого солнца, отражались в воде. Он посмотрел на небо — никогда прежде ему не доводилось видеть такой глубокой сини, посмотрел на деревья — какая чистая зелень. Словно с глаз его спала пелена. Как долго он отсутствовал? Минуты? Годы? Он чувствовал себя как человек, проживший долгую бурную жизнь и вернувшийся в места своей молодости, чтобы бросить взгляд на некогда знакомые пейзажи... все вокруг было таким, как и прежде, и все же что-то изменилось.

«*Это был сон? — спросил он себя. — Или я просто увидел, что значит настоящее, истинное бодрствование, а теперь снова заснул?*»

Он шел домой, прохладный ветерок ласкал его влажное тело. Теперь он больше не задавал себе вопросов о собственном месте в мире. Джон увидел свое место в Космосе, и оно было совершенным.

Он вошел через заднюю дверь. Мама возилась на кухне.

— Привет, мам, — прошептал он.

— Привет, родной Как искупался?

— Космически! — ответил Джон, широко улыбнувшись. — Космически!

Когда я в первый раз прочел историю Джона, меня изумило то, насколько все это похоже на происшествия со мной и с Джейсоном. Каждое из этих «посещений» «потустороннего мира», или «высшей реальности» — называйте, как хотите, — сопровождалось видением невероятно прекрасного, вселяющего благоговение света и неописуемых цветов.

И я, и Джон видели энергию в форме уникальных и оригинальных геометрических узоров. Вместе с энергетическими узорами Джону являлись звуки — довольно распространенная особенность подобных переживаний. Мистики издавна утверждают, что у Вселенной и у Самой Жизни есть свой специфический звук — *Ом*.

Слушая рассказы о подобных переживаниях или вспоминая свой собственный опыт, я всегда возвращаюсь к ключевому посланию, которое то и дело всплывает на полутора тысячах страниц книг из серии «С Богом»: мы все — одно.

Все и вся сделано из совершеннейших кирпичиков, которые только можно себе вообразить. Я видел это единство. Я пережил его. Однако для того, чтобы впустить его в свою реальность, не обязательно его видеть. Нужно просто ощутить его в своем сердце и обнять душой. И это легко. Это решение, а не реагирование. Как любовь. Любовь — это *решение*, хотя большинство людей считают, что это реагирование.

И еще одно поразило меня в опыте Джона: момент, когда он познал, что «осталась лишь реальность быть-ия». Это прекрасно гармонизирует с последним из трех утверждений первой книги «Бесед с Богом»:

1. Мы все — одно.

2. Всего достаточно.

3. Нет ничего, что нам нужно было бы делать

Все, что нужно, — Быть.

Разница между «быть-ностью» и «деланием» подобна разнице между днем и ночью. Большинство людей всю свою жизнь глубоко вовлечены в «делание». Они бегают туда-сюда, делают то, делают это, делают то, делают это, и единственным результатом всей этой возни оказывается огромная куча каких-то нелепых делать-делать.

В ближайшие пятьдесят лет на нашей планете появится новый тип человека — Новый Человек, и родится он не из «делания», но из «быть-ности» в каждый момент времени Многие совершают эту трансформацию уже сейчас. Это возможно даже в обычном мире — дома, на работе, в транспорте. Для этого не нужно на двадцать лет уединяться в пещере или медитировать по девять часов в день — ничего подобного. Нет, это все вовсе не плохой опыт. Просто в нем не! необходимости.

Для того чтобы ощутить, как в вас и через вас выражается блаженство Быть-ности нет нужды становиться отшельником, нет нужды «уходить от мира». Вы можете испытать то же самое, выполняя свою повседневную мирскую работу, фактически, благодаря своей мирской работе.

Вы даже можете использовать процесс обретения Быть-ности как средство найти свое Дело Жизни (*Right Livelihood*) Все, что нужно для этого знать, — кем вы хотите «быть». То есть какое состояние или состояния бытия вы хотите переживать и выражать собой и через себя? Сделав этот выбор, просто откажитесь от любой деятельности (и, конечно, от любой работы), которая не сулит вам возможность выражать это.

Как работает этот процесс и как он может привести человека к делу и о мечты, дать ему наконец Дело Жизни, описано в маленькой книжке «Носители света», которую можно прочесть буквально за сорок минут. Я написал эту книжечку в ответ на просьбы сотен людей из разных уголков мира, которые прочли в «Беседах с Богом» о Быть-ности и захотели узнать о ней побольше.

Есть тысячи людей, переживших Быть-ность во время путешествий за пределы тела, и их рассказы во многом похожи на то, что описали Джексон, Джон и я. Может быть, вы тоже знаете кого-то, кто это пережил. Может быть, вы пережили это сами. Я привел здесь эти истории для того, чтобы люди, которым знаком подобный опыт, отбросили любые возможные сомнения в собственном психическом здоровье. И я снова повторяю: подобный опыт не так уж редок и совершенно нормален.

Однако небесная почта не всегда отправляет Моменты Благодати к дверям нашей души в таких огромных красочных ящиках Иногда они приходят в выцветших конвертиках или крошечных коробочках Мне не хотелось бы, чтобы вы чувствовали себя обделенным и считали, что ваша жизнь лишена Моментов Благодати только оттого, что у вас никогда не было подобных Потрясающих Переживаний.

Люди, пережившие что-то подобное тому, что описали Джексон, Джон и я, ничем особенным от остальных не отличаются — разве что, возможно, мы несколько любознательнее! Мне и вправду нередко кажется, что люди, бесконечно задающие внутри себя вопросы о космической реальности, тем самым притягивают к себе Моменты Благодати того типа, о котором мы говорим. Однако этот тип не единственный и не обязательно наилучший. Многие приносили из подобных путешествий больше вопросов, чем ответов, и запутывались еще сильнее, чем прежде!

Бог творит Моменты Благодати по-разному, и для того, чтобы подзарядить нас электричеством, вовсе не нужен эффектный удар молнии. Момент Благодати может привести вас к колоссальным переменам в жизни, а может просто помочь сделать незначительное на первый взгляд открытие. И то, и другое может очень сказаться на том, как вы проживете остаток своих дней.

Вот послушайте-ка, что рассказывает Маргарет Хиллер из Эшленда, штат Орегон...

14

ВИДЕТЬ СВЯЩЕННОЕ В КАЖДОМ МОМЕНТЕ

Один великий учитель показал мне, что любое путешествие священо — и не важно, с чего оно начинается. Я называю этого учителя святым Энтони. Он — маленький мальчик.

Жизненное путешествие Энтони началось довольно тревожно. Он родился наркоманом, и его сразу же взяли под свою опеку бабушка с дедушкой, но врачи сказали, что, если Энтони выживет, это будет чудом.

— Что значит чудо? Что вы имеете в виду? — спросила бабушка.

Врачи объяснили, что для того, чтобы ребенок остался в живых, первые два года нужно заботиться о нем практически круглосуточно. Примерно столько времени нужно крохотному тельцу, чтобы исцелиться.

Ни секунды не колеблясь, бабушка сказала:

— О Боже, *это* я могу!

И смогла.

У бабушки с дедушкой Энтони жилось прекрасно. Они буквально окружили его любовью. К тому же это были люди глубоко духовные, так что тут мальчику тоже повезло. Итак, с первого дня на Земле жизнь Энтони была полна духовности и ничем не обусловленной любви. Естественно, в такой атмосфере он расцвел и был очень счастлив. Ребенок не мог знать, что вскоре ему предстоит радикальная перемена в жизни — смена семьи.

Когда Энтони было шесть лет, его бабушка умерла от рака. Оказавшись в группе поддержки, которая работала с умирающей женщиной, я провела в доме этих людей немало вечеров, много общаясь с Энтони. Конечно, происходящее его печалило, но, несмотря на столь юный возраст (всего шесть лет), мальчик уже обладал достаточно богатой духовностью, чтобы понимать: его бабушка уходит в иной прекрасный мир, и тут уместна не только печаль о ней, но и радость за нее.

Через несколько месяцев умер и дедушка. Иногда мне кажется, что он просто не вынес разлуки. Некоторых детей это могло бы привести в полное отчаяние, но, опять-таки, не Энтони. Та безграничная любовь, которой были полны первые годы его жизни, должно быть, научила мальчика чувствовать себя очень уверенно в этом мире, и он достойно прошел через этот трудный период в своей судьбе.

Его вера в мир была сразу же вознаграждена: нам сообщили, что его готовы усыновить дядя и тетя, — несмотря на то, что в самом начале своей совместной жизни они приняли решение не иметь детей.

Поскольку я во всей этой истории принимала самое непосредственное участие, мне выпала честь отвезти Энтони в его новую семью. Я чувствовала, что сопровождаю мудрую зрелую душу, которая станет достойным учителем для своих новых опекунов. Учил Энтони и меня. Его вопросы и страхи вскрывали мои собственные вопросы и страхи, и вместе нам было легче обрести душевный покой, нарушенный трагическими событиями последних месяцев.

Нам предстояло сделать пересадку в Дэнвере, но наш самолет опоздал, и мы вполне оценили «удовольствие» от пробежки от одного терминала к другому, — конечно же, они оказались в разных концах аэровокзала.

Одной рукой я держала за руку Энтони, в другой у меня были сумки с вещами мальчика. Мы во всю прыть мчались по коридору, и я кричала работникам пассажирского контроля:

— Позвоните на борт, пожалуйста, попросите их задержать рейс!

Контролеры смотрели на меня как на сумасшедшую, и, конечно же, рейс никто откладывать не стал.

Энтони посмотрел мне в лицо (должна признать, оно тогда было далеко не похоже на ангельский лик) и сказал:

— Что, Маргарет, трудный у нас выдался денек? Беготня?

— Да! — сказала я раздосадованно. — Ты совершенно прав. Именно беготня!

Мы примчались к терминалу как раз вовремя, чтобы увидеть, как выруливает наш самолет. (Знаете, что это такое — правда, весело?) Затем направились к билетной кассе и выяснили, что следующий рейс будет через пять — повторяю, пять — часов.

В голове моей промелькнула мысль (а в тот момент я была явно далека от своего Священного Я)... «И мне придется провести пять часов в аэропорту с шестилетним ребенком? Боже, Ты что, шутишь?» Я могла только вообразить себе, насколько «интересными» будут эти пять часов.

И тут начался урок о том, что Все Священно.

Кассир спросил:

— Может быть, талоны на обед скрасят ваше ожидание?

Энтони охотно потянулся за талонами, полагая, что на его долю выпала огромная удача — считай, счастливый лотерейный билет! И вот мы сидели в кафе и поедали наш «выигрыш», причем я кипела от злости, а мальчишка так и лучился счастьем. Трапеза заняла целых полчаса.

Потом мы отправились в полупустой зал ожидания... где нам предстояло проторчать четыре с половиной часа. Меня эта перспектива не особенно радовала, поскольку я не очень хорошо себе представляла, чем занять шестилетнего мальчишку. К тому же я забыла задать себе один важный вопрос... «Для чего Бог дал мне этот опыт?» (Это первое, что нужно делать, чтобы узреть в любом опыте Священное.)

Однако Энтони ожидание ничуть не пугало. Он открыл свой рюкзак и извлек из него всех этих пластмассовых солдатиков, машинки, книжки-раскраски и карандаши, которые мы туда упаковали. Затем он сделал из всех этих «священных предметов» большой круг на полу, улегся на живот в самом его центре и стал раскрашивать картинки.

«Это продлится минут десять», — сказала я себе.

На самом деле это священнодействие продолжалось четыре с половиной часа.

В другом конце зала ожидания заплакал ребенок — это был именно тот рев, который унять невозможно, что бы ни делали родители. Энтони встал, посмотрел на ревущего малыша и энергично поманил его пальцем.

Под пристальным взглядом родителей карапуз, не прекращая выть, робко направился через зал и остановился у края круга, выложенного Энтони. Тот пытливо смотрел на пришедшего.

— У тебя что, нет книжек-раскрасок? — поинтересовался он.

— Нет, — ответил малыш, всхлипнув.

— Ага!.. — сказал Энтони несколько удивленным тоном, вырвал из своей книжки страницу, положил ее вместе с несколькими карандашами около себя в круге и жестом предложил карапузу войти. (Любопытно, что малыш не входил в Священный Круг, пока его не пригласили.)

Затем Энтони спросил:

— И сколько же тебе лет?

— Три, — ответил малыш, еще продолжая всхлипывать и вытирая рукавом слезы.

— Возрастное! — прошептал Энтони, обернувшись ко мне и закатив глаза.

В следующие часы к священному кругу Энтони подходили все новые дети. Каждый становился у края и ждал приглашения войти. Круг рос, его края раздвигались, чтобы вместить прибывающих.

Вскоре стали собираться и родители. Забыв о своих книгах и о досаде по поводу несостоявшихся пересадок, мы все вместе увлеченно наблюдали эту сцену. Мы перенеслись в священный момент, в вечный момент, где нет времени, где есть только любовь, только мир, только то, что важно.

Я осознала, что никогда больше не повторятся эти счастливые часы с шестилетним Энтони — эта редчайшая возможность, когда мы способны узреть Возлюбленного и побыть рядом с ним, независимо от обстоятельств и от того, Какие внешние формы обретает Возлюбленный.

И тут я вспомнила, что все наше путешествие священно, что каждый опыт предназначен для того, чтобы научить нас, чтобы раскрылось и восторжествовало наше священное Я — кто мы действительно есть. Вспомнить об этом помог мне «святой Энтони».

Остается с радостью сказать вам, что дядя и тетя мальчика, которые, как я уже говорила, никогда не хотели детей, теперь считают, что с Энтони их жизнь стала полнее. И мальчишка у них просто расцвел! Эмоционально, психически, умственно, духовно — расцвел!

Желаю всем благословения в этом жизненном путешествии — и не забывайте брать с собой книжки-раскраски и цветные карандаши!

Правда, не забывайте!

Я хочу поблагодарить Маргарет за то, что она прислала мне эту историю. Они с мужем Дэвидом уже приняли Приглашение (о котором я подробно расскажу вам в конце книги). Маргарет и Дэвид путешествуют из города в город, из церкви в церковь, из аудитории в аудиторию, от человека к человеку и делятся с людьми своим опытом быстротечных мгновений, вмещающих великие истины. То, что я называю Моментами Благодати.

В этой истории много чудесных уроков. Один из них о том, что каждый момент священен и может нести нам дивные сокровища и великие учения. Второй урок о том, что люди (любого возраста), окруженные глубокой заботой и искренней любовью, исключительно хорошо приспособлены к любым трудностям жизни.

Третий урок: будь источником. Это очень важное послание, и оно вновь и вновь повторяется во всех книгах серии «С Богом». Если хочешь пережить что-то сам, будь источником этого переживания для другого.

Я не думаю, что маленький Энтони делал это сознательно (хотя, кто его знает, — ведь мальчик очень развит в духовном отношении), но, сам того не ведая, он применил именно этот духовный принцип. Я уверен, что он хотел избавиться от своего страха перед новым домом, новой семьей. И когда Энтони увидел в другом конце зала плачущего карапуза, он прогнал страх этого малыша и тем самым развеял собственный.

Так работает этот процесс, и, если вы научитесь использовать его сознательно, считайте, что овладели великой тайной жизни. Если вы хотите счастья, сделайте счастливым другого. Если вам надоело одиночество, станьте кому-то товарищем, чтобы *этот* человек не чувствовал себя одиноким.

Если вы хотите радости, радуйте других. На самом деле не важно, *что* вы хотите пережить. Самый близкий путь к этому — дать то же переживание другим.

Не ждите, пока мир предоставит вам то, чего вы хотите. Будьте источником для других. Именно это сделал в аэропорту Энтони. Сами подумайте, какому ребенку хочется четыре часа скучать? Вот он и сделал так, чтобы не скучали другие дети. А теперь угадайте, кто в результате скучал меньше всех?..

Это магия. Это магическая формула.

И в истории про маленького Энтони есть, по меньшей мере, еще один урок.

Часто, когда с хорошим человеком случается что-то плохое (и особенно если этот хороший человек — ребенок), мы удивляемся, почему так вышло. Мы спрашиваем: «Ах, ну что же это такое творится?» Мы ставим под сомнение бесконечную любовь Вселенной. Однако я понял: дело в том, что душа вышивает на ткани Космоса дивный узор.

Если мы посмотрим на вышивку с одной стороны, то увидим лишь мешанину спутанных ниток и цветов — совершенно бессмысленную и даже уродливую. Достаточно взглянуть с другой — и нам откроется нечто совершенно иное. Мы увидим красивый узор, изумимся чудесному замыслу и поймем *необходимость* мешанины.

Доктор Элизабет Кюблер-Росс — выдающийся психолог и психиатр; исследователь-первопроходец проблем горя и утрат, смерти и умирания; одна из наиболее любимых в мире духовных учителей — нашла очень красивый образ для того, о чем я говорю:

«Если укрыть скалы от ветра, кто тогда выточит все эти дивные рельефы?»

Мне не забыть этих слов.

Возможность работать в команде Элизабет стала одним из величайших Моментов Благодати в моей жизни. Она сумела обнять целый мир — своим сочувствием, своим глубоким пониманием положения человека, своей любовью ко всем людям.

Иногда меня спрашивают:

— Есть ли ангелы на земле? Ходят ли среди нас ангелы?

— Да! — отвечаю я. — Одну из них я даже знаю!

Я считаю, что Элизабет Кюблер-Росс — ангел, несущий исцеление многим.

Опыт, пережитый Дэвидом Хиллером, был именно косвенным результатом работы Элизабет. Это чудесный пример того, как благотворный процесс, запущенный одним человеком, может набрать силу и принести пользу тысячам.

15

Принять благословение никогда не поздно

Если вы в жизни попадали в ситуацию, когда близкие люди были вам не рады, вы знаете, каким ударом это может стать для человека. Многие потом долго не могут от этого оправиться. Есть люди, которых это мучает всю жизнь.

До недавнего времени Дэвид Хиллер глубоко страдал от чувства, что ему не рады, — хотя само травмирующее переживание случилось много лет назад, ему тогда было всего девятнадцать. Перемена в его жизни произошла, когда ему было без малого пятьдесят два. Недавно он рассказал мне об этом. Вот его рассказ.

В июне 2000 года мы с женой Маргарет выступали в штаб-квартире Единой Церкви (*Unity Church*) в Юнити-Виллидж, Канзас-Сити. Мы представляли один из наших целительских семинаров, с которыми путешествовали по церквям всей страны. Называлась программа *«Мышление: Сдвиг к Чудесам»*.

Мы были рады, что нам удалось в этот день помочь многим людям совершить значительный шаг к исцелению. Однако мы еще не знали, что на той же неделе свои шаг к исцелению предстоит сделать и мне. Это случилось во время семинара одного нашего коллеги.

Программу представлял священник Единой Церкви, Скай Сент-Джон, и называлась она «Возвращение домой». Скай поведал нам, как учился проводить эти семинары у Элизабет Кюблер-Росс.

Элизабет тогда рассказала историю, которая глубоко тронула сердце Скай (а когда Скай пересказал ее нам, раскрыла и мою душу). Вот рассказ Элизабет:

В одной ее семинарской группе было много ветеранов вьетнамской войны. Элизабет попросила ветеранов выйти из аудитории, чтобы объяснить оставшимся, что делать дальше. Итак, ветераны вышли и ждали в соседней комнате, когда их позовут.

Тем временем Элизабет рассказала остальным членам группы, что бывшим солдатам нужна помощь. Эти ребята исполнены печали. Когда они вернулись из Вьетнама в Америку, страна не дала им ни любви, ни поддержки. Им тут были не рады. А теперь настало время излечить их глубокие душевные раны.

Она попросила группу поприветствовать ветеранов так, словно они только что вернулись с войны. поприветствовать их с любовью, радостью и почестями. Шепнуть им на ухо нежные исцеляющие слова, ободрить их и благословить, когда они вернутся в комнату, — иными словами, оказать ветеранам радостный прием, чтобы пронять их до самой глубины души. Группа согласилась, и Элизабет пригласила ветеранов войти.

Едва те вошли в зал, как аудитория стала приветственно махать им руками, хлопать в ладоши, петь песни, неся этим людям ободрение и целительную энергию. По щекам бывших солдат потекли слезы. Их переполняли сильнейшие чувства, некоторые упали на колени и зарыдали в ладони. Многим из них было трудно вместить целительную энергию благословения. И все-таки они были благодарны. Кто-то заиграл на пианино марш, и вокруг ветеранов образовалось кольцо приветствующих.

Элизабет попросила ветеранов пройти по кругу, обняться с каждым и принять личное благословение и приветствие. Некоторые солдаты были настолько переполнены радостью, что просто не могли стоять на ногах. Они ползли по кругу на коленях, и опять — совершенно по-новому — переживали возвращение домой. У всех были слезы на глазах. Церемония исцеления тронула каждого. В тот день исцеление пришло не только к ветеранам — этот опыт дал радость всей группе.

Пересказав эту дивную историю со свойственной ему проникновенностью, Скай добавил, что рассказ Элизабет пробудил в нем глубочайшее желание, чтобы каждый из нас встречал в своей жизни только радужный и сердечный прием.

Когда он обращался к нашей группе в Юнити-Виллидж, мы почти физически ощущали его сильнейшее духовное стремление помочь и кому-то из нас пережить этот целительный опыт Возвращения Домой.

Затем Скай спросил, не было ли и у кого-нибудь из нас случаев, когда бы мы не получили вовремя необходимого нам ободрения, когда нам были не рады наши родители или другие люди. Возможно, в каких-то ситуациях на с не признали, не оценили, не поддержали.

Он сказал, что программа «Возвращение Домой» дает нам возможность трансформировать свой негативный опыт и раз и навсегда залечить эти незаживающие раны души, ибо радостная встреча — мощнейшее лекарство. Итак, те, кто хотел принять целительное благословение «возвращения домой», должны были собраться в одной части зала, а все остальные — в другой.

Приветствующих набралось человек 150. Я, как ведущий одного из семинаров на этой конференции и коллега Ская, вначале тоже думал присоединиться к группе приветствующих. Но тут ко мне обратился внутренний голос: *«Дэвид, тебе нужно в другую группу. В твоей жизни есть некоторые нерешенные проблемы, а их источник в том, что некогда ты не получил любви и поддержки».*

Голос прозвучал громко и отчетливо, к тому же он был прав, и я ему поверил. Я пошел к другой группе, хотя еще и не знал толком, что сказать, когда наступит мой черед. Я смотрел, как люди по очереди подходят к микрофону и рассказывают приветствующей группе об обстоятельствах, когда им были не рады. Каждый задавал «приветствующей группе» установку, например «вы будете представлять моих родителей, или сестер с братьями, или сотрудников» — в общем, тех людей, которые в свое время не дали этому человеку тепла и поддержки.

Закончив свою речь, каждый направлялся к приветствующим, и те радовались ему, аплодировали, обнимали, щедро даря положительные эмоции. Скай говорил: «Ты вернулся домой», — и эти слова оказывали на сердце человека глубокое целительное воздействие.

Итак, я наблюдал за этим интенсивнейшим эмоциональным опытом других людей, а между тем приближалась и моя очередь. Я не знал еще, что сказать в микрофон, но по-прежнему чувствовал, что все это для меня очень важно.

Тут настал и мой черед. Направляясь к микрофону, я вновь услышал внутренний голос: *«Дэвид, ты тоже воевал во Вьетнаме, и воспоминания о боли, которую принес тебе этот опыт, до сих пор еще не отпустили тебя. Дома тебе не были рады. Твоя страна о тебе забыла, и это мучает твою душу по сей день. Сейчас у тебя есть шанс покончить со всем этим».* Тогда, дрожа, я подошел к микрофону, взял его в руку и с трудом вымолвил:

— Я был одним из этих солдат во Вьетнаме. Моя страна добыла обо мне, когда я воевал там. Вернувшись домой, я почувствовал, что мне не рады. Это мучило меня все время, и я видел боль многих других ветеранов. Теперь настало время исцеления. Настало время исцеления.

Вся группа разразилась аплодисментами и приветственными возгласами! Люди из группы приветствия бросились ко мне, касались меня и шептали: «Добро пожаловать домой. "Как мы рады, что ты вернулся. Мы по тебе скучали. Спасибо тебе, ты воевал за всех нас"».

Скай подбежал к пианино и торжественно заиграл «Боже, благослови Америку». Меня переполнили чувства. По щекам потекли слезы. Я упал на колени. Затем встал, но идти было трудно. Казалось, время застыло на месте. Какое сильное чувство! Я его никогда не забуду.

Стоило мне сделать очередной шаг, как меня окружали все новые и новые люди, благословляли, обнимали, приветствовали. Скай сказал:

— Ты вернулся домой. Тебя любят, тебе рады.

Его слова тронули меня до самой глубины души. Этот опыт пропитал каждую клеточку моего существа.

Я шел через группу, меня била дрожь, но я совершенно отчетливо чувствовал, как боль уходит из моего тела. Груз, так долго лежавший на моих плечах, упал. Меня обнимали любящие руки, и все раны затягивались. Я почувствовал радость встречи, — то, чего так ждал от своей страны, — и сумел принять этот дар радости!

Я видел на глазах приветствующих меня людей слезы, и знал, что их любовь и поддержка искренни. Это было величайшее исцеление, какое мне только приходилось обрести в своей жизни.

Многие подходили ко мне после семинара и рассказывали о том, что пережили во Вьетнаме: дорогие их сердцу люди, и о тех трудностях, с которыми они столкнулись, вернувшись домой. Этим отцам, матерям и супругам ветеранов Вьетнама тоже нужно было исцеление, прощение и понимание. Они были благодарны за возможность меня приветствовать, потому что я представлял дорогих им людей, — тех, кому тоже нужна была радушная встреча и любовь их страны. Так что церемония приветствия ветерана нужна была этим людям не меньше, чем мне!

Я никогда не понимал, зачем оказался во Вьетнаме, а теперь знаю — для того, чтобы постичь самому и передать другим: никогда, никогда, *никогда* не поздно принять благословение, какие бы предубеждения нам ни мешали, какие бы обстоятельства ни препятствовали.

Никогда не поздно принять радушную встречу, обрести любовь и поддержку, вылечить старые раны и прогнать тяжкие воспоминания. Никогда не поздно! Не забывайте об этом. Откуда я знаю? Потому что это было со мной. И если я почувствую, что могу смягчить чье-то сердце и помочь ему вспомнить эту великую истину, я готов.

Я благодарю Бога. Я благодарю всех ветеранов. Я благодарю Скай Сент-Джона. Я благодарю Элизабет Кюблер-Росс за то, что она сделала эту замечательную вещь, которую нужно было сделать уже давно. Да благословит их Бог. Да благословит Бог ветеранов. И — да благословит Бог вас.

Этот рассказ согревает сердце. Он напоминает нам о том, насколько прекрасна жизнь, когда мы просто уделяем больше внимания тем мелочам, которые говорим друг другу и делаем друг для друга. Ибо на самом деле это не мелочи — в жизни души они очень велики и значительны.

Хочется верить, что рядом со мной никто не почувствует, что ему не рады. Хочется верить, что рядом с вами этого тоже никогда не случится.

От начала времен мы все по-настоящему хотим лишь одного — любить и быть любимыми. Притом все, чего добилось за свою историю общество, — практически лишило людей этой возможности.

Мы установили разнообразнейшие религиозные ограничения, племенные табу, общественные стратегии, групповые соглашения, нормы общежития, границы, законы, правила и директивы — указывающие нам, кого, когда, где, как и почему нам позволено любить, а кого, когда, где, как и почему — не позволено.

К сожалению, второй список гораздо длиннее первого.

В вопросах регуляции того опыта, который называется человеческой любовью, мы ставим осуждение прежде притяжения, проклятие прежде сочувствия, месть прежде прощения, ограничения

прежде свободы. Одним словом, мы окружили любовь множеством условий, и тем самым начисто лишили ее всякого значения и заменили дешевой подделкой. Это не любовь.

Однако еще не поздно (никогда не поздно) открыть свои сердца и растаять в любви — дать ее и принять. Именно это мы делаем, благословляя друг друга.

Именно это произошло с Дэвидом Киллером в описанном тут опыте. Группа благословила Дэвида, и сама в свою очередь получила благословение. Так бывает всегда, ибо благословить — значит замкнуть круг любви.

Благословение — естественная вещь, когда мы постигаем, Кто Мы Действительно Есть. В «Дружбе с Богом говорится»:

В момент твоего полного знания (а этот момент может наступить для тебя в любое время) ты будешь чувствовать себя так же, как Я Себя чувствую всегда: абсолютно радостным, любящим, принимающим, благословляющим и благодарным.

Это Пять Позций Бога, и Я обещал тебе, что еще прежде, чем мы завершим этот диалог, Я покажу тебе, как применение этих позиций в твоей нынешней жизни может — и должно — привести тебя к Божественному.

Позвольте мне повторить: никогда не поздно обрести благословение и никогда не поздно его дать. Даже если наши сердца обретают исцеление в самый последний миг жизни, мы можем почувствовать, что жизнь стоила того, чтобы ее прожить.

Если нас благословили, значит, нас приняли, значит, нам рады. Как здорово, что Давид Хиллер так красиво и трогательно описал для нас процесс «Возвращения Домой». Ол Элизабет Кюблер-Росс через Сая Сент-Джона, через Дэвида Хиллера этот метод пришел к вам — к вам всем, и с его помощью кто-то из вас может заняться целительской работой или принять в ней участие, кто-то сможет включить этот процесс в свои уже разработанные программы, в свою деятельность, в свои личные средства самовыражения в этом мире. И не считайте это плагиатом. Создатели не рассердятся на вас за то, что вы «присвоили» идею. *Они хотят этого.*

Почему? Потому, что настало время исцелять масштабно, исцелять людей, которые когда-либо почувствовали, что им не рады. Люди во всем мире просили меня донести до них послание «Бесед с Богом». От Осло до Хорватии, от Копенгагена до Йоханнесбурга, от Торонто до Токио — везде я отчетливо вижу тягу к любви, поиск истины, жажду понимания, стремление к исцелению и поиск счастья.

Я *чувствовал* это на руинах Мачу-Пикчу и в Ватикане, на Великой Китайской Стене и в демилитаризованной зоне между Кореями, и везде — *везде* — одно и то же: страстное желание мира, гармонии и единства; и стремление покончить наконец со всем, что нас разделяет и порождает конфликты.

И хотя наш коллективный разум все еще не может отказаться от склонности судить, не умеет еще обходиться без своих предрассудков, гнева и воображаемых потребностей; частички нашего общего сердца уже направились к точке согласия: люди разных верований и культур, с разным цветом кожи и сексуальными предпочтениями, разных религий и политических убеждений, — в глубине своих сердец совершенно одинаковы. И всех их в тот или иной момент, в том или ином месте объявляли порочными или нечестивыми. Настало время сделать так, чтобы больше *никогда*, и нигде, и *никоим*, *образом* не торжествовала нетерпимость, чтобы люди не чувствовали, что им не рады, — а тем более что они в беде. А иначе мы — не мы. Иначе мы не можем претендовать на звание самых высокоразвитых существ на планете, а тем более — во Вселенной.

Итак, сейчас, в первое десятилетие двадцать первого века, наша задача состоит в том, чтобы шире открыться для новых идей, новых возможностей и новых путей, позволяющих лучше понять друг друга и Бога — и принять бесчисленные Божьи дары.

Включая...

16

ДАР ПРОРОЧЕСТВА

Однажды утром, когда Моника Росалес проснулась, по щекам ее текли слезы. Ей приснилось, что умерла мать.

Сон достаточно неприятный для любого, а для Моники — вдвойне. Дело в том, что в прошлом многие ее сны сбывались, — как, например, сон о воссоединении с человеком, которого она любила

тринадцать лет, но почти шесть лет не видела. И так, Моника сразу поняла, что ей нужно позвонить маме и выяснить, все ли с ней в порядке.

— Мама? Как дела, у тебя все хорошо? — Моника пыталась прогнать свое волнение и говорить как можно беззаботнее.

Зачем, ну зачем ей эта способность видеть вещие сны? «Даже не знаю, счастье это или проклятие», — думала она горестно.

— Конечно, прелесть моя, а почему ты спрашиваешь⁷ — мать знала о странных способностях Моника, так что ей тоже стало не по себе. Повесив трубку, она задумалась, что бы мог значить этот сон. Обычно интуиция дочку не подводила.

Следующей ночью Монике снова приснилась смерть матери. На этот раз она ей не звонила — не хотела тревожить. Носила страх в себе.

Через два месяца пришло объяснение. У матери обнаружили рак левой почки — последняя стадия.

— Боже мой, детка, ты была права, — сказала мама.

Теперь Моника чувствовала себя почти виноватой за такой «дар».

— Ой, мама, прости.

— При чем тут ты, радость моя? Ты просто увидела неизбежное. Зато я успела подготовиться. Пожалуйста, не вини себя.

Моника заботливо ухаживала за матерью до самого конца, моля Бога, чтобы Он дал им сил вытерпеть эту боль. Через несколько месяцев мамы не стало.

Не в силах побороть свою печаль, Моника ночь за ночью без сна ворочалась в постели. *Ей* не легче от этих снов. Она чувствовала, что после следующего сна об утрате любимого человека начнет оплакивать его еще до смерти.

«Боже, почему я не вижу ХОРОШИХ снов?» — жалобно спрашивала она.

И такой сон ей приснился. Скоро Монике во сне явилась мать и сказала: «Я здорова и счастлива». С тех пор нашей героине спалось легче.

Несколько лет спустя, — Моника тогда жила в Германии, — ей снова приснилась мама.

— Ты должна показаться доктору, Моника, — сказала она ей, — у тебя три кисты вокруг яичников.

— Я умру, мама?

— Нет, не волнуйся. Но немедленно покажись доктору.

Несмотря на утешительный прогноз матери, Моника проснулась в панике. По-немецки она говорила плохо, и поэтому позвонила говорящей по-английски подруге, чтобы та помогла ей записаться на прием. Время до назначенного дня текло слишком медленно.

На приеме Моника пыталась объяснить врачу, что сказала ей мать. Доктор сделал ей УЗИ и сказал, глядя на экран своего прибора:

— Ваша мать права. Невероятно. Где она живет?

— На небесах, — ответила пациентка.

— Однако вам повезло! — заметил врач и снял телефонную трубку, чтобы договориться об операции на этой же неделе.

Три дня до операции Моника проводила по шесть часов кряду в непрестанной медитативной молитве. Она была готова. Собирая вещи в больницу, она снова молилась. Несмотря на заверения матери, ей было страшно. Она одна в этой стране. Она плохо говорит по-немецки... Однако доверившись Богу, Моника вошла в больницу для последнего ультразвукового исследования перед операцией — врачам нужно было точно определить положение кист.

Доктор начал ультразвуковое исследование... Потом пригласил в манипуляционную еще одного врача. Они, очевидно, о чем-то спорили, были в чем-то неуверенны. Позвали третьего. Моника и раньше нервничала, а теперь была просто на пределе. В чем дело? Что-то не так? Она лежала на столе чуть ли не в панике. Сердце готово было выскочить из груди! Если бы она говорила по-немецки получше и могла спросить у них, в чем дело...

Тут Моника услышала в голове своей голос. Это была мать:

Все будет в порядке, Моника. Бог услышал твои молитвы. Доверься Богу, и ты будешь защищена Его любовью.

Моника глубоко вздохнула. Когда наконец пришел переводчик, она была все еще растеряна, но спокойна.

— В Вашем состоянии, очевидно, произошли перемены, — объяснил он. — Врачи не находят никаких следов опухолей или кисты. Они совершенно озадачены.

Моника была ошарашена.

— Что? О чем вы мне говорите?

И действительно, врачи были явно озадачены результатами исследования. Они объясняли, переводчик переводил:

— В обычном случае остались бы хоть какие-то следы кисты. Мы же не видим никаких свидетельств того, что вы были больны. Все три кисты исчезли бесследно.

С того момента Моника благодарит Бога за чудеса, творящиеся в ее жизни, включая чудо особого дара принимать — и передавать — важные послания из Высшего Мира. Она молится о том, чтобы ее дар пророчества приносил благо другим людям. И больше всего она благодарна своей матери за то, что та остается рядом и о ней заботится.

Всякий раз, когда мы слышим о подобном опыте, о подобных способностях, наш разум хочет знать: действительно ли существует такая вещь, как ясновидение? Вот, что говорят об этом «Беседы с Богом», книга 1:

Да, такая вещь, как ясновидение, существует. У тебя оно есть. Оно есть у каждого. Нет человека, у которого не было бы способностей, которые ты называешь экстрасенситивными, есть только люди, которые их не используют.

Применять ясновидение и другие подобные способности — это не более чем пользоваться шестым чувством.

Но Моника говорит не только о «прозрениях» — о видении предстоящих событий, — но и о *прямом общении* с умершей матерью. Один раз это произошло, когда Моника все еще пыталась оправиться после смерти мамы, а второй — много лет спустя, когда мать пришла предупредить ее. Возможно ли это?

Вот отрывок из «Бесед с Богом», книга 3:

Ты говоришь о связи с духами. Да, такая связь возможна.

Твои любимые никогда не бывают далеко от тебя, не дальше мысли, и, если ты в них нуждаешься, они всегда здесь, готовые дать совет или утешить.

Если ты очень переживаешь по поводу того, все ли «в порядке» с любимыми существами, они пошлют тебе знак, сигнал, коротенькое «сообщение», в котором скажут тебе, что у них все хорошо. Тебе даже не нужно призывать их, потому что души тех, кто любил тебя в этой жизни, — стоит им почувствовать малейшее затруднение или нарушение твоей ауры, — тянутся к тебе, влекутся к тебе, мчатся к тебе.

... Если ты действительно открыт им, ты будешь чувствовать их утешительное присутствие.

Когда мы поймем, что в истории Моника ничего необычного нет, что на самом деле такое случалось всегда и *происходит прямо сейчас* с тысячами людей, — тогда мы будем готовы тому качественному прыжку, о котором мечтает все человечество. К прыжку в завтрашний день, когда мы возродимся в облике Новых Людей.

Уже есть Учителя, достигшие этого уровня, и они сейчас пытаются пробудить нашу планету. Во многих странах, среди многих народов они — отверженные, ибо их взгляды нарушают *status quo*, вынуждают людей пересмотреть свое отношение к себе, заставляют нас с пугающей ясностью у детей, что мы сделали друг с другом и как все можно исправить — достаточно просто познать и принять себя, Какие Мы Действительно Есть.

Настало время покончить с разобщенностью. Мы должны «пригласить в свой дом» тех, кто раскрывает перед нами наше же величие. В прошлом мы осыпали их насмешка осуждали, избегали — и даже распинали. Теперь у нас явилась возможность признать, что проницательность, мудрость и даже дар пророчества — штука *обычная*.

Как и...

Мы уже встречались в этой книге с Биллом Такером, живущим неподалеку от Милуоки, штат Висконсин (глава 2). Это тот самый неверующий менеджер агентства недвижимости, чья челюсть

изумленно отвисала с каждым этапом осуществления чуда Джонсонов. Билл рассказал мне, что с того дня его жизнь буквально полна чудес, и когда он поведал мне еще об одном, — поразительная, яркая история, — я не смог удержаться, чтобы не включить в этот сборник и ее, ибо она очень выразительно иллюстрирует центральную мысль всей книги: Вещи, которых мы не знаем, есть. Прямая связь между человеком и Божеством существует. И эта связь используется гораздо шире, чем думает большинство из нас.

Как «Беседами с Богом» я надеялся наконец рассеять иллюзию о том, что Бог больше не общается с людьми напрямую, так этой книгой я надеюсь со всей очевидностью показать, что необычайное обыденно.

Как только до нас «дойдет» это, мы сразу же поймем, что все наши представления о жизни на Земле были до сих пор в лучшем случае неточными, искаженными и неполными.

А затем мы искренне попытаемся выяснить, как все обстоит в *действительности*.

Тем, кто глубоко укоренились в нашей ограниченной и скудной жизни, может быть не слишком легко воспринимать новую реальность. Те же, кто уже готовы к коллективному перерождению в Новых Людей в новом обществе, рады любым свидетельствам нашей готовности и способности вместе создавать этот новый для человечества опыт.

Итак, сейчас я передаю слово Биллу Такеру. Послушайте его вторую историю, на этот раз от первого лица:

* * *

Холодным февральским днем 1990 года мать позвонила мне из милуокской больницы святой Марии.

— Немедленно приезжай в больницу! — взмолилась она.

— В чем дело? — спросил я.

— Твоему папе стало плохо, и я вызвала скорую помощь, — плакала она в трубку, — а теперь они отказываются говорить мне, в чем дело.

Я вскочил в машину и помчался в больницу святой Марии. Меня отправили в онкологическое отделение. В то время я не знал, что онкология имеет какое-то отношение к раку. Мать отвела меня к врачу, и я спросил, почему он не хочет с ней разговаривать.

— Потому, что у меня очень плохие новости, и я хотел, чтобы рядом с ней был кто-то из родных.

— Ладно, — сказал я, — в чем дело?

— Обнимите-ка маму за плечи и держите покрепче, — велел врач, и я его послушался. — Ваш отец умирает от рака... и мы уже ничего не можем сделать.

— О, Боже, не-е-е-ет! — закричала мать и обмякла в моих руках.

— Но вы же можете сделать хоть что-нибудь, доктор? — взмолилась она.

— Очень жаль, но он курил в течение пятидесяти лет, и восемьдесят процентов его легких разрушены. Мы не можем облучать, поскольку в этом случае понадобилась бы слишком большая доза на слишком большую площадь: мы бы просто разрушили все остальные органы. Опять же, мы не можем использовать и химиотерапию, ибо требуемое количество препаратов его просто искалечит и усугубит страдания в последние дни его жизни. И мы не можем его оперировать, потому что в этом случае пришлось бы полностью удалить оба легких и ему было бы нечем дышать.

Мать изо всех сил пыталась отыскать хоть какой-то проблеск надежды:

— Сколько ему еще осталось? Доктор помолчал и ответил медленно:

— Полгода он не протянет... — и кивнул мне, чтобы я снова поддержал мать. Я понял, что плохие новости еще не закончились.

— Доктор, — снова взмолилась мать, — в июле мы собирались отдохнуть во Флориде. Он сможет поехать?

— Думаю, вы не поняли, ваш муж едва ли доживет до июля.

Мать посмотрела на меня расширившимися глазами, словно доктор сказал что-то неприличное.

— Что он говорит, Билл?

— Доктор пытается как можно мягче объяснить тебе, мама, что папа умрет гораздо раньше, чем через шесть месяцев, — мать снова застонала и упала мне на руки. Мы привели ее в чувство при помощи нашатыря.

Вся дрожа, она попросила:

— Пожалуйста, доктор, скажите прямо, сколько ему осталось?

Я кивнул врачу, и он ответил:

— Ну... наверняка сказать, конечно же, нельзя... — тут я нетерпеливо закатил глаза, — но не думаю, что он протянет более трех недель, — сказал доктор и торопливо добавил: — Однако мы можем выписать ему обезболивающие. Можно сделать ему и облучение, но это не особенно продлит его жизнь. Просто в последние дни ему будет не так тяжело.

Тут мать обернулась ко мне и сказала:

— Я знаю, что у тебя особые отношения с Богом. Сынок, ты должен спасти отца!

— Мама! Но я же не Иисус Христос! Что я могу сделать?

— Думаешь, я не знаю о чудесах, которые ты творил? Я знаю, что твоя дочь удивительно быстро излечилась от паралича. И я знаю, как тебе удалось добыть кучу денег — молитвами! А теперь, — настаивала она, — ты должен исцелить своего отца!

И я решился. Конечно, мать права по поводу дочки. Она действительно излечилась от почти полного паралича, — и именно я сказал, что так оно и будет. По поводу денег она тоже права. Однажды я, не мудрствуя лукаво, попросил Бога дать мне в течение четырнадцати дней миллион долларов. И действительно, на четырнадцатый день один банк инвестировал в мое дело миллион. И тут я тоже был заранее уверен в исходе. «Бог не подведет», — говорил я всем.

И вот теперь, в больнице, я понял, что в очередной раз настало время (надеюсь, вы простите мне это выражение) «отвечать за базар». Я обернулся к врачу и сказал:

— Ладно. Мой отец исцелен. Он не умрет. У него уже нет рака.

Знаю, что это прозвучало очень легкомысленно, но сам я к этому легкомысленно не относился. Я говорил совершенно искренне. Доктор смотрел на меня разинув рот, как на идиота.

— Сынок, закрывая глаза на правду, делу не поможешь, — сказал он ровно. — Ваш отец не протянет и месяца.

— Доктор, Вы, вероятно, не имеете ни малейшего представления, с чем столкнулись. Я повторяю: мой отец исцелен от рака.

И мы с мамой ушли из больницы.

Я тут же выбросил эту историю из головы. Поскольку «дело сделано», что толку об этом думать, задавать вопросы или «волноваться» по поводу того, сбудется предсказанное или нет. Я знал, что чудо уже произошло, независимо от того, видит ли кто-то зримые подтверждения этому.

Отцу назначили облучение: на удивление малые дозы: по одному сеансу в шесть недель в продолжение нескольких месяцев. Он кое-как тянул. Или, может быть, лучше сказать «ковылял помаленьку». Вопреки всем прогнозам, в июле мама с отцом, которого еще считали очень больным, все-таки поехала отдыхать во Флориду.

В октябре меня, как офицера запаса ВМФ, призвали на действительную службу в связи с проведением операции «Щит в пустыне», предшествовавшей «Буре в пустыне». Меня направили в Чикаго заменять другого офицера, которого послали в Саудовскую Аравию.

В конце февраля 1991, как раз после окончания пятидневной наземной операции, к нам в часть позвонили и пригласили к телефону меня. Это был онколог отца.

— Офицер Такер... из Милуоки? — спросил он неуверенно.

— Да, Билл Такер слушает.

— Слава Богу! Разыскивая Вас, я, по-моему, пообщался со всем личным составом ВМС США! — сказал врач. — Вы не поверите, но...

— Отчего, же, доктор, поверю, — перебил я.

— Нет, нет, послушайте! Вы не поверите, но Ваш отец... рак закончился!

— Это естественно, — ответил я.

— Нет, нет, я имею в виду, что он вылечился! Это чудо! — торопливо проговорил доктор.

— Где вы были до сих пор? — спросил я. — Это произошло год назад, в больнице.

— Что? — удивился врач. — Я не совсем понимаю...

— Доктор, то, с чем вы столкнулись, — действительно чудо. Вы только что употребили это слово в переносном смысле, а надо бы в прямом. Разве вы не помните, как я сказал, что мой отец исцелен?

— Ну да, вот я и говорю, что это — чудо: иначе и не назовешь! — воскликнул он, явно так и не сумев ухватить суть.

После этого отец проработал еще семь лет. Затем однажды он заболел снова. Мы опять отвезли его в больницу (теперь в больницу Колумбии, ибо папин онколог работал в обеих больницах, и на этот раз направил нас именно сюда).

Когда мы вошли в клинику, врач сразу же бросился к нам, поздоровался, а потом, обняв отца за плечи, произнес громко, на все приемное отделение:

— Эй! Смотрите! Это и есть тот самый Человек-Чудо!

Работники больницы, очевидно наслышанные о чудесном исцелении моего отца, зааплодировали. Я был рад, что профессиональные медики готовы признать возможность чудес, но мне не очень нравилось, что они, очевидно, считали это чудо моей заслугой. «Их еще учить пучить», — сказал я себе.

Проведя необходимые анализы, врач пригласил меня в кабинет.

— Боюсь, на этот раз все гораздо хуже, — сказал он удрученно. — В этот раз у него рак другого типа, так называемый «мелкоклеточный рак» — наихудшая его разновидность. Растет очень быстро и трудно поддается лечению.

— Все в порядке, доктор, — сказал я. — Он уже исцелен и от этого.

Доктор воззрился на меня сердито и несколько секунд помолчал, взвешивая мои слова. Затем с расстановкой произнес:

— На — этот — раз — я — так — не — думаю.

— Вы и в прошлый раз так не думали, доктор, — усмехнулся я. — Или вы полагаете, что Бог уже не тот, что прежде?

— Послушайте! — воскликнул он. — Я не против религии. Мой лозунг: «хорошо все, что действительно». Но верят многие люди, однако Бог не исцеляет их всех от рака.

— Может быть, они просто не просят Бога, доктор. Вы когда-нибудь об этом задумывались? Может быть, они просто «фаталисты» и не тревожат Бога подобными просьбами потому, что верят в «судьбу». Или, возможно, они просят, но в сердце своем сомневаются, что Бог придет к ним на помощь. Тогда в их молитвах нет никакого толку. Но посмотрите мне в глаза, доктор. Разве я сомневаюсь в себе или в своей вере?

— Ладно, поживем — увидим... — уступил врач.

— Я не слышу в ваших словах убежденности, доктор. Тут, видите ли, нужно знать — твердо знать — заранее, что чудо уже случилось, иначе чуда не будет.

Врач снисходительно улыбнулся.

— Как скажете, — ответил он спокойно.

— Именно, — улыбнулся я в ответ. — Теперь вы наконец ухватили суть!

На следующей неделе врач сказал нам, что мелкоклеточный рак прошел. Он с благоговением смотрел, как мы покидаем больницу.

Через неделю папа снова пришел в клинику, и оказалось, что болезнь возобновилась. Я еще раз вознес молитву, и на следующую неделю отцу снова сказали, что он здоров.

Через несколько недель недуг опять вернулся. Мы стали в больнице Колумбии завсегдатаями.

С каждым разом рак набрасывался на отца все более жадно. Его ноги распухли, и он едва передвигался. Дышал натужно. Я видел, что он несчастен.

В течение следующих семи месяцев недуг всякий раз уходил по моему слову, но затем возвращался вновь. Я уже чувствовал себя виноватым, — словно вмешивался в некий высший небесный замысел.

И мне подумалось: «Не могу же я заниматься этим. вечно. Я же вижу уже, что ни к чему ему так страдать».

И тогда ко мне пришло понимание. Все так очевидно, я даже смутился, что не видел этого прежде.

Это — не мое призвание. Это — не моя жизнь.

Это — не мое дело. Это папино дело... и Божье.

И я сказал Богу: «Пожалуйста, пусть он будет с нами, сколько возможно, но, когда придет Твое время и его время, пожалуйста, пусть он уйдет легко».

Во время последнего визита в больницу отец спросил врача, может ли тот помочь ему прожить еще несколько недель.

— У нас будет золотая свадьба, доктор. Я так хотел бы отпраздновать ее со своей любимой.

Врач посмотрел через папино плечо на меня, затем сказал:

— Я сделаю все, что смогу, — и улыбнулся. Через три недели мы все вместе гуляли на золотой свадьбе родителей.

Отец уже больше не выходил из дому и почти не вставал с постели. Распухшие ноги ужасно болели. Однажды, вскоре после золотой свадьбы, пытаясь добраться до ванной, он упал и разбил очки. Я помог ему встать и усадил на кровать. Он посмотрел на меня глазами, полными печали, заплакал и сказал:

— Сынок, пришло мое время. Я больше не хочу жить с болью. Дай мне умереть. Пожалуйста.

Я поднял взгляд к небесам и подумал: «Мы очень любим этого человека, но не хотим держать тут помимо его воли. Боже, да свершится Воля Твоя».

Затем пришлось отвести его в больницу. Через несколько часов он скончался.

* * *

Как и все собранные тут удивительные истории, этот рассказ — красивое свидетельство Божьей любви и совершенства жизни, которое проявляется во всем Божьем творении.

Всему свое время и всякой вещи под небом. Время рождаться и время умирать. Время насаждать и время вырывать посаженное. Время плакать и время смеяться.

Жизнь — вечная. У нее нет ни начала, ни конца. Она лишь обретает разные выражения в разных точках бесконечного круга. Смерть — фикция и ее на самом деле нет, хотя уход из тела есть.

Время, когда каждый из нас уходит из тела, всегда подобрано идеально. Когда отцу Билла в первый раз поставили диагноз, время уходить для него еще не настало. Иногда ограниченность восприятия не позволяет нам понять это. Может казаться, что жизнь человека в этом теле почти закончилась, а на самом деле ему предстоит еще многое сделать.

«Чудотворец» — это просто человек, который отчетливо видит и абсолютно точно знает, что уместно в данный момент времени, и, основываясь на этом, выбирает устраивающий его исход.

В каждый момент у нас есть много вариантов выбора.

Это трудно объяснить без глубокого обсуждения природы времени. Однако объем данной книги не позволяет мне это сделать. Я лишь скажу, что времени, как мы его знаем, на самом деле не существует. То есть время — это не что-то, что проходит. Это что-то, через что проходим мы.

Нет времени, кроме данного времени. Нет момента, кроме данного момента. Все, что есть, — это «сейчас». — «Беседы с Богом», книга 2.

Вечное Сейчас содержит в себе все возможности. В нем — любой постижимый исход. Это как компакт-диск с компьютерной игрой. Любой постижимый исход уже запрограммирован на диске. Играя, вы не создаете исход, вы просто выбираете его в сложном процессе отторжения всех остальных возможных исходов, которые уже существуют.

Повторяю: вы ничего не создаете в процессе игры. Вы просто выбираете что-то.

Точно то же происходит в жизни.

Это вкратце. Объемлющее объяснение времени можно найти в книгах 2 и 3 трилогии «Беседы с Богом». Это захватывающее и увлекательное чтение. Суть в том, что можно узнать, можно почти ощутить, какой исход уместен в каждой конкретной ситуации и в каждый конкретный момент вашей жизни. Чем старше человек становится, тем легче ему это дается (с возрастом мы как бы «сживаемся» с «вибрациями» жизни).

А теперь позвольте мне объяснить вам, какое отношение все это имеет к истории Билла Такера.

Совершая «чудо», человек всего лишь выбирает один из уже существующих исходов, которые наиболее уместны по отношению к текущему опыту в рамках Вечного Сейчас. **Мы не создаем, не творим результат, мы просто выбираем его, а затем ясно и решительно объявляем о своем выборе.**

Именно это сделали и Джонсоны, когда много лет назад пришли в агентство недвижимости к Биллу Такеру. Продемонстрировав ему, как работает этот процесс, они произвели на него неизгладимое впечатление. И тот Билл Такер, с которым много лет спустя имел дело доктор из клиники святой Марии в Милуоки, был совсем не тем Такером, к которому пришли когда-то Джонсоны. Он совершенно изменился. Если бы в тот вечер в офисе он знал то, что знает сейчас, то в ответ на их заявление, что они попросили у Бога дом в течение суток и всерьез рассчитывают его получить, он ответил бы: «Совершенно с вами согласен. Какие могут быть сомнения? Сейчас мы вам что-нибудь подыщем!»

Единственное, что он мог бы изменить в этой реплике — вместо «какие могут быть сомнения?» сказать «нет сомнений!».

Почвой для Возможности чуда становится именно полный отказ рассматривать любые варианты исхода в той или иной ситуации, кроме того, что выбрали вы. [Далее, чтобы подготовить момент для чуда, нужно отказаться от оценки обстоятельств, навязанной извне.](#)

Работая над чудом, вы должны быть готовы игнорировать любые очевидные свидетельства против. Нужно закрыть глаза, уши и быть не в своем уме. Если с головой у вас все в порядке, если вы в своем уме, ваши *мысли* уведут вас прочь от чуда. Помните, совершая чудо, ем [совершаете нечто немислимое.](#)

И для того чтобы что-то подобное совершить, вы должны это понимать. Вы должны понимать, что Реальность не такова, какой кажется. Вы должны понимать, что мы живем в той самой Стране Чудес, куда некогда попала Алиса, и тут все сговорились считать Реальное нереальным, а Нереальное реальным. И вы должны понять, что все обитатели нашего мира, так же как жители Страны Чудес, смирились с подобным положением вещей. Но есть одна вещь, которую они вам не сказали: добивается своего тот, кто действует [наиболее убедительно.](#)

Возможно, Билл Такер не сформулировал бы это в таких словах; и миссис Джонсон, безусловно, выразила бы все иначе, — но, совершая чудеса в своей жизни, они оба использовали именно этот процесс.

Когда врач сказал матери Билла, что ее муж «не протянет и трех недель», это прозвучало очень убедительно. И в тот момент казалось, что именно врач определял, что реально, а что нет. Но мать Билла уже и прежде видела своего сына в деле и поэтому сразу же обратилась к нему и сказала: «Сделай что-нибудь!»

Билл, осознавая истинное положение вещей (которое сводится к тому, что окружающие не обязательно должны решать, что реально, а что нет), просто сделал другой выбор. Он выбрал другой исход. При этом проигнорировал некоторые очевидные свидетельства. Он не обратил внимания на то, что видел, на то, что слышал, даже на то, что, возможно, подсказывал ему «здравый смысл».

[Билл понимал, что в Вечном Сейчас существуют все возможности, абсолютно ни одна возможность не исключена, и все, что ему нужно сделать, — объявить о том, какой исход выбрал он.](#)

[Его задача состояла не в том, чтобы создать тот или иной результат, а лишь в том, чтобы выбрать один из уже созданных и объявить о своем выборе.](#)

[А что заставило его предпочесть именно этот исход всем остальным?](#)

[«Всему свое время и всякой вещи под небом».](#)

Я уверен, что на каком-то высочайшем, возможно сверхсознательном уровне, Билл ощущал вибрации того момента и выбрал вариант со сходными вибрациями. Он просто выбрал нечто подходящее. И он вызвал опыт, соответствовавший моменту — то есть бывший в гармонии со всем, что происходило вокруг.

Затем он не отступился от своего выбора. Он сознательно выбрал его, решительно провозгласил, а потом сменил угол зрения, чтобы исключить все остальные точки зрения на вопрос.

[Помните, угол зрения — это все. «Беседы с Богом», книга 3:](#)

[Прими другой угол зрения — и ты получишь другие мысли обо всем. Таким образом ты научишься контролировать мысль, а в создании опыта мысль — это все. Некоторые люди называют это постоянной молитвой⁵.](#)

Прошли годы, отец снова заболел, и в этот раз недуг возвращался к нему даже после того, как Билл снова и снова выбирал другой исход. Тогда Билл пригляделся к ситуации и ощутил ее вибрации. Он оказался достаточно чувствительным, чтобы осознать, что отец сейчас вибрирует на другой частоте и тот исход, который упорно выбирает Билл, не гармонизируется с вибрациями отца.

⁵ Когда в тексте встречаются ссылки на «Беседы с Богом», я беру одну из книг недавно изданного «Софией» трехтомника и ищу в тексте. Обычно нужный фрагмент удается найти минут за 5 — 15. Работая над 12-й главой, где Уолш ссылается на 2-й том «Бесед с Богом», я просмотрел книгу (около 400 страниц) полтора раза, но нужного фрагмента не нашел. Я заложил том на развороте (стр. 105), который только что проглядывал, и отправился заваривать чай. Если бы я этого не сделал, то перешел бы прямо к следующей странице. Вернувшись с чаем, я еще раз взглянул на оставленную страницу и увидел нужный мне абзац. Сегодня я дважды пролистал 400 с лишним страниц 3-го тома и не нашел нужный фрагмент (с коротенькими отрывками всегда труднее). Можно было давно перевести отрывок по-своему, но я уперся и пролистал книгу еще раз — безрезультатно. Тогда я закрыл глаза, попросил Бога о помощи, и открыл книгу (я сказал бы «наугад», но это не совсем верно, поскольку в последний момент Что-то подсказало мне сдвинуть раскрывающий страницы палец чуть влево). 85 страница. Мой взгляд сразу же упал на отрывок, который вы только что прочли. — Прим. переводчика.

И снова, возможно, Билл говорил бы об этом в других словах. (Да и всякий другой говорил бы об этом по-своему!) Но я полагаю, что по существу все произошло именно так.

Пользуясь традиционными религиозными терминами, Билл мог бы сказать, что он «спросил у Бога», что ему делать, но затем отказался от поисков ответа и решил безропотно принять «Божью волю».

И еще традиционная религия учит, что чем больше людей молится о чуде, тем больше шансов, что оно свершится. Я думаю, это очень верно. В «Беседах с Богом», книге 1, так прямо и сказано:

Большие общины и братства часто находят чудотворную силу в объединенном мышлении (или в том, что иногда называют совместной молитвой).

И должно быть предельно ясно, что даже индивидуумы, если их мысль (молитва, надежда, желание, мечта, страх) удивительно сильна, могут в себе и для себя произвести такие же результаты⁶.

Миссис Джонсон показала Биллу Такеру, что может сделать удивительно сильная молитва, и это изменило всю его жизнь. Прямо тогда и там Билл пришел к выводу, что и он может делать то же, что миссис Джонсон, и оказался прав.

Это касается нас всех. Когда мы начинаем понимать, как работает жизнь, то получаем доступ к тому, что мой друг Дипак Чопра называет Полем Чистых Потенциальных Возможностей. Однажды Дипака спросили: «Обладаем ли мы свободной волей или все в нашей жизни предопределено?» И он ответил: «И так, и так — все зависит от уровня вашего сознания».

Он прав. Сознание определяет угол зрения. Угол зрения определяет опыт. Так вы можете воздействовать на вибрации.

В «Беседах с Богом» сказано, что «вся жизнь — вибрации». Я своими глазами видел, как эти вибрации воздействуют на первичную ткань жизни. Я видел, как колеблются частички чистой энергии на субмолекулярном уровне. Поэтому Богу не пришлось объяснять мне это слишком долго.

Итак, если вся жизнь — вибрирующая энергия (а это так), то можно делать удивительные вещи, просто культивируя в себе способность «настраиваться на волну». Именно это и делают «ясновидящие». Именно это делают «целители». И на это способен каждый из нас.

Научитесь слышать вибрации жизни.

Возможно, вначале вам понадобится поработать над своим «приемником» (над телом и разумом) и научить его покою. Если вы не умеете подолгу сохранять покой (ничего не делать и просто открыться моменту), вам, может быть, нужно походить в группу медитации или просто прочесть любую из бесчисленных книг об этом.

Научившись успокаивать свой разум, вы откроете канал к Божественному и скоро станете намного чувствительнее к вибрациям всего на свете. Вы почувствуете вибрации пищи (тяжелые или легкие) и совершенно естественно начнете выбирать еду в соответствии с тем, насколько она «резонирует» с вашими личными вибрациями в данный момент. То же самое касается одежды. И, конечно же, людей.

А затем в конце концов есть гештальт. Вы станете чувствовать вибрации всей ситуации, в которой находитесь. И, научившись смещать свое внимание из внешнего мира во внутренний и обратно, вы станете чувствовать вибрации ситуации, в которых находятся другие люди. И если сами они еще не научились обретать внутренний покой, то вы будете чувствовать вибрации их ситуаций лучше, чем они.

И тогда окружающие назовут вас «ясновидящим». А все, что вы делаете, — входите в бесконечное Поле Потенциальных Возможностей и произвольно настраиваетесь на вибрации того или иного человека. Это все, что делают все ясновидящие. Это все, что делают — на гораздо более высоком уровне — все духовные мастера.

Это все, но этого предостаточно. Поскольку, если вы научились воспринимать подобную информацию, значит, обрели новый, невероятно ценный инструмент обретения личного опыта.

Однако иногда наш иллюзорный мир создаст слишком много «помех», которые мешают настроиться на нужные вибрации, узнать, что происходит и что уместно в данный момент. И тогда

⁶ Этот фрагмент с полчаса назад я легко нашел сам. Запомнил номер страницы и стал переводить дальше. Подошло время цитировать, и я сказал своей жене (она как раз читает первый том): «Дай-ка книжку, мне нужно оттуда кое-что перепечатать: нет, погоди, на какой ты странице?» «На 99-й», — ответила она. «Ага, продиктуй мне два последних абзаца...» — Прим. переводчика.

приходится ориентироваться в жизни по более громоздким и грубым приборам. Нам гораздо чаще приходится ворочать тяжелыми плотными энергиями (а именно, телом). Жизнь может создавать слишком много «помех», тогда вся эта «тонкая настройка» не работает и мы не можем воспринимать сигналы так же четко, как Билл Такер, когда он заглянул в себя и спросил, что ему делать с отцом.

Ах, что же нам делать, что делать!? «Боже, я подай-ка нам знак», — говорим мы. Но неужели мы думаем, что Бог и вправду подаст нам знак? Ведь и бабочка-монарх села на ладонь Дженис Тук совершенно случайно, верно? Бог не «дает знаков» по команде!

...или *дает*...

18

ВОИСТИНУ «ГРАНДИОЗНЫЙ» ЗНАК

Четыре года назад Сюзан решила вступить в войну с алкоголизмом. Она устала причинять боль окружающим... и себе. Пьянство оставило свой след в ее жизни на всем. Она больна, напугана, угнетена, толста и очень, очень разбита. У нее огромный долг, квартира, за которую она платит слишком много, и весьма скромная зарплата. Однако есть и кое-что хорошее: Сюзан уже полтора месяца не пьет.

Она недавно вступила в общество Анонимных Алкоголиков. Ее попечительницей стала прекрасная женщина, готовая в любой момент прийти на помощь. Сюзан регулярно посещает собрания и приняла сознательное решение позволить Богу завершить тот кошмар, в которые превратилась ее жизнь за последние несколько лет. Она почувствовала, что настало время доверить себя чему-то большему, чем она сама. Другого способа справиться со всем этим ужасом Сюзан не видела.

В ту пятницу она отправилась к ближайшему банкомату, чтобы снять со счета свои последние 70 долларов. «До получки еще семь дней, — подумала она в отчаянии. — И всего 70 долларов на продукты, сигареты и автобус».

В горле стоял ком. Сюзан уныло нажала нужные кнопки, взяла из прорези автомата деньги и сунула их в кошелек. И тут же пошла в магазин. Теперь у нее появилось новое пристрастие: мороженое. Может быть, на пару минут оно поможет ей забыть о своих невзгодах.

— Двойную порцию миндального, — сказала Сюзан продавщице. А про себя подумала: «Будет мне вместо обеда».

— Два семьдесят пять, — сказала продавщица, протягивая аппетитный вафельный стаканчик.

Сюзан открыла кошелек и стала перелистывать пальцами три двадчатки, чтобы добраться до десятки. Однако трех двадчаток там не было. Только две двадчатки и десятка.

И тысячедолларовая банкнота. У Сюзан перехватило дыхание. Может быть ей чудится?

— Два семьдесят пять, пожалуйста, — нетерпеливо повторила продавщица.

Сюзан только тупо на нее посмотрела. Она не могла прийти в себя.

— Ах, да, простите, — женщина вытащила из кошелька десятку и вручила продавщице. Та пошла к кассе за сдачей.

Автомат выдал ей вместо двадцати долларов тысячу! Сюзан была потрясена. Она просто не могла поверить в такую невероятную удачу! Едва девушка вернулась, Сюзан схватила сдачу, повернулась и поспешила прочь из магазина. Мороженое выбросила в урну — аппетит пропал.

И хотя Сюзан знала, что это как-то неправильно, часть ее существа настаивала на том, чтобы оставить деньги себе. «Я смогу доплатить за телефон, — думала она. — И купить новое пальто на зиму. И погасить свои задолженности по кредитным карточкам».

Другая часть Сюзан говорила: «Деньги тебе не принадлежат, оставить их себе было бы нечестно, а твоя трезвость зависит от твоей честности».

Вечером Сюзан должна была зайти к своей попечительнице и идти с ней на собрание. До ее дома было восемь или девять кварталов. Сюзан всю дорогу с собой спорила. Она понимала, что если заведет с попечительницей разговор о деньгах, то будет просто обязана их вернуть. А если ничего ей не скажет, то наверняка в конце концов останется с деньгами и со своим враньем.

Сюзан не хотела врать, но не хотела и отдавать деньги. Они ведь ей в самом деле нужны. «Может быть, это дар Космоса?» — спрашивала она себя, но почему-то в это не верила.

«О Боже... что мне делать? — спрашивала она в сердце своем. — Скажи, что мне делать. Дай мне знак».

К моменту, когда Сюзан подошла к дому попечительницы, ей уже стало ясно: без помощи приятельницы она ничего не решит. Нужно все рассказать.

Они уселись на ступеньки перед подъездом, глядя па улицу. Смеркалось. Сюзан поведала свою историю. Она даже призналась в том, что хотела оставить деньги себе, и рассказала о внутренней борьбе против этого соблазна.

Когда она закончила, попечительница спокойно сказала:

— Да, Сюзан, это дилемма. Сюзан грустно кивнула.

— Тысяча, долларов тебе сейчас была бы очень кстати, в твоём-то положении," — продолжала попечительница.

— Еще бы! — согласилась Сюзан. — Но, если я их оставляю, это будет еще одна причина винить себя. А мне этого чувства и без того хватает.

— Я бы так не думала, — сказала приятельница.

Сюзан промолчала. Они сидели, глядя, как в темнеющем небе просыпаются звезды. Сюзан нарушила молчание.

— Я верну эти деньги. Ведь правильно, да? — с этим вопросом мысли се снова пошли по кругу. — Или, может быть, не обязательно их отдавать? Ах, если бы Бог дал мне знак, не знаю!

Она и в самом деле чувствовала, что сумела бы сейчас истолковать сигнал Вселенной.

Попечительница спустила взгляд с небес на землю и увидела возле крыльца маленькую штучку. Она встала, подобрала ее и широко улыбнулась.

— Вот тебе знак, — и вручила Сюзан безделушку. — Вот твоя тысяча долларов.

Эго был брелок: маленькая копия тысячедолларовой банкноты! У Сюзан перехватило дыхание. Брелок был немного потертый, и кто знает, откуда он взялся и как долго пролежал у крыльца, но он лежал там и ждал ее. Сердце бешено колотилось — так же как тогда, у прилавка с мороженым. «Только что говорила о знаке!» — подумала она. Хотелось смеяться. Она улыбнулась попечительнице и сунула безделушку в карман.

На следующий день Сюзан вернула деньги.

Теперь этот брелок — одно из величайших ее сокровищ. Он напоминает ей, что нужно верить Богу. Женщина решила жить с верой, что Вселенная даст ей все, нужное для истинного блага.

В ту пятницу у Сюзан были все основания сказать, что тысяча долларов — это именно то, что ей нужно, чтобы выпутаться из ее денежных проблем, но это было бы не совсем верно. На самом деле ей нужно было поверить.

Поверить Богу. Поверить окружающим. И поверить себе.

В тот день она поняла, что вера станет долговременным решением, а именно такое решение было нужно Сюзан.

За прошедшие четыре года она обрела финансовую устойчивость. У нее более надежная и лучше оплачиваемая работа, она похудела на четырнадцать килограммов, регулярно занимается спортом, бросила курить и — самое главное — не пьет. Она вышла замуж за замечательного, доброго, умного, веселого человека, который разделяет ее духовные интересы. И каждый день в разнообразнейших формах ей является Бог.

А брелок?

Угадайте, не носит ли она его с собой повсюду?

* * *

Хорошо. Хо-ро-шо. Значит, Бог все-таки дает знаки по команде. Но знак не указывает нам, что «правильно», а что — нет, он только лишний раз напоминает, что мы стоим перед выбором. Часто Божьи «знаки» просто дают нам встряску, необходимую для прояснения сознания. Они помогают нам более четко узреть собственные ценности.

В «Беседах с Богом» сказано: «Каждое действие — это акт самоопределения».

Именно этим мы тут и занимаемся. В этом наше предназначение. Мы всякий раз определяем себя по-новому, а затем заново воссоздаем себя в новой версии. Хочется надеяться, что это великолепнейшая версия наилучшего из наших образов себя. Однако уверенности в этом нет.

Дилемма Сюзан — это наша дилемма. Что правильно⁷ Что неправильно? Однако книги из серии «С Богом» снова и снова напоминают: «нет такой вещи как правильное и неправильное». Это относительные термины, и люди с годами вновь и вновь изменяют свое мнение по этому вопросу.

Например, неправильно ли брать деньги, которые вам не принадлежат? Если бы вы были Сюзан, то ответили бы, что неправильно. Но если бы вы были Робин Гудом, то ответили бы, что это правильно. Кто-то, конечно, возразит, что Робин Гуд отнимал деньги у богатых и раздавал их бедным. Но разве взять деньги у огромной корпорации (причем нетрудно найти основания заявлять, что на вершины финансового успеха эту корпорацию привели жестокость, жадность и ложь) и отдать их бедному человеку по имени «я» — не то же самое? Да, но ведь этот бедный человек не обязательно должен тоже воровать, правда?

А что сказать о тех, кто ворует, чтобы прокормить свою семью? Или себя?

В общем, я думаю, что вся эта история не о том, что Сюзан «поступила правильно», вернув кому-то тысячу долларов, а о том, что решение вернуть эти деньги помогло ей лучше относиться к себе. Женщина поняла, что, положив эти деньги в карман, она отступила бы от своей наилучшей версии. А Сюзан решила воплотить в жизни именно наилучшую версию себя. Это — не выбор каждого, это — ее личный выбор. И он не делает ее ни лучше, ни хуже других. Это просто делает ее Сюзан.

Она получила от Бога знак, но этот знак сам по себе ни о чем не говорил. Он не велел ей: «верни деньги», и не сказал: «оставь их себе, ты их заслужила, это — дар небес». Ни то, ни другое.

Получив свой знак, Сюзан прочла в нем то значение, которое сама в него вложила. Она сама определила свою наивысшую версию и воплотила ее в жизнь, хотя для этого ей пришлось избрать не самый легкий путь. Но это чувство, — чувство, что она отвечает своим наивысшим стандартам, — помогло ей и дальше ориентироваться на эти стандарты, а значит, опять и опять делать здоровый выбор в жизни. (Здоровый выбор — это выбор, помогающий вам относиться к себе лучше.) И каждый такой выбор приводил все к новым замечательным долговременным результатам.

Божьи знаки удивительны. Как и всякий другой опыт, о котором идет речь в этой книге, они являются очень, очень распространенным явлением.

Иногда Божьи знаки различить трудно.

А иногда их просто сложно не заметить...

19

МУЗЫКА ДЛЯ ЕГО УШЕЙ

Марк Фитчгтрик ворочался в постели, то погружаясь в полусон, то снова возвращаясь к бодрствованию. Он щелкнул выключателем, сощурился от яркого света, и взгляд его усталых глаз упал на книгу, которую он час назад положил на столик у изголовья.

«Проклятая книга, — проползла ворчливая мысль. — И почему я никак не могу выбросить из головы всю эту чушь? — Он взбил подушку и уселся. — Ладно, дочитаю. Все равно она меня не отпустит».

Книгу ему подарил приятель, которому показалось, что Марку она должна понравиться. Марк всегда был человеком духовным, но учение об адском пламени и проклятии, с детства известное из церковных проповедей, казалось ему в лучшем случае полуправдой, а в худшем — откровенной ложью. Сейчас, разменяв свои пятый десяток на этой планете, Марк стал искать другую точку зрения на Бога, которая была бы созвучнее голосу его сердца. Эта книга — «Беседы с Богом» — похоже, отражала именно такую точку зрения. Более того, она отвечала каким-то глубочайшим запросам его души.

Идея о том, что Бог любит нас безо всяких условий, действительно безо всяких условий — то есть не судит и не наказывает, — была Марку по-настоящему понята. В точности согласовывалась с его взглядом на действительность и мысль о том, что мы создаем в своей жизни именно те условия, которые позволяю! нам узнать, кто мы действительно есть как люди, как духовные существа.

И все же это все так... трудно постичь разумом. В нем слишком крепко засели представления, сформированные в нежном возрасте.

«Можно ли верить в это? — в мыслях Марка не прекращалась борьба. — Все, что мне говорили... в церкви, дома, в школе... полностью противоречит этому посланию.

А может быть, это все — воспаленное воображение смышленного писателя или, хуже того, просто ловкий трюк бизнесмена от литературы?»

Однако в сердце своем Марк почему-то знал, что все это не имеет значения. Весь вопрос в том, чтобы разглядеть Бога, увидеть, какой он есть или каким может быть лично для него, Марка.

«Я знал это всю свою жизнь, — вновь и вновь повторял он себе. — Во всей книге нет ни одного слова, с которым бы я не согласился». И тем не менее Марк не мог совершить окончательный шаг и преодолеть свои последние сомнения.

Он решил еще раз попробовать заснуть, и выключил свет. Даже соскальзывая в сон, он все еще вел свой внутренний спор. И, возвращаясь к бодрствованию, он снова спрашивал себя: «Правда ли это?» Казалось, он уже вот-вот готов себе ответить. Или получить ответ? Трудно сказать.

Всю ночь Марк ощущал, что беседует с кем-то или с чем-то. В какой-то миг, в момент полного прояснения, его разум сказал: «Я хочу, чтобы это было правдой. Дай мне знак, что это правда»

И тогда пришел ответ. В сознании Марка прогремел голос: «Я даю тебе знаки каждый день. Или ты не слушаешь? Я дал тебе музыку. Я дал тебе горы и деревья. Неужели ты не слышишь мой голос в пении птиц и в шелесте травы? Что тебе еще нужно?»

Марк оторвал голову от подушки и уселся в постели. В окно светило солнце. Оглядевшись, он понял, что наступило утро. В голове еще отдавались эхом последние слова из сна, а где-то в памяти начала всплывать мелодия старого баптистского гимна. Выбираясь из-под одеяла, Марк начал напевать:

Это мир моего Отца,
И, улаждая слух,
Вся природа поет.
И всюду звучит Музыка сфер
Это мир моего Отца,
Я черпаю покой в мыслях
О деревьях и горах, о морях и океанах,
О чудесах, сотворенных Его рукой.
Это мир моего Отца,
Он сияет во всем прекрасном.
Я слышу шаги Его в шелесте трав,
Он везде говорит со мной

И тут до него дошло. Марк застыл на месте. Эта песня: да ведь она несет то же послание, которое он слышал во сне! "Гимн, вновь и вновь звучащий в голове, почти в точности повторял слова, пришедшие ночью в ответ на его молитву о знаке.

«Любопытно, любопытно», — раздумывал Марк, собираясь в церковь. Было воскресенье, а в последнее время по воскресеньям он всегда ходил на утреннюю службу в методистскую церковь.

Одеваясь, он все еще напевал эту мелодию. Он чувствовал себя на удивление отдохнувшим — хотя заснул поздно и спал мало. И еще ему было очень спокойно, словно бы спор в его голове каким-то образом разрешился.

Он посмотрел на часы.

«Э», Марк, поторапливайся, а то опоздаешь».

Он нащупал в кармане плаща ключи и захлопнул за собой дверь.

Выводя машину из гаража, Марк подумал, что сможет перебить мелодию в своей голове, если включит радио. Так он и сделал. В колонках запел сладкоголосый хор: «Это мир моего Отца, И, улаждая слух...»

Марк нажал на тормоз и уставился на радиоприемник. «Что-о-о-о-о? — Он не верил своим ушам. — Что ЭТО?» — спросил он себя. Приглядевшись, он заметил, что приемник настроен не на ту волну, которую он слушает обычно. Это была какая-то музыкальная станция на FM, а он предпочитал аналитические передачи на средних волнах.

Кто сменил волну? Или даже не в этом дело: как вышло так, что в этот конкретный момент зазвучала эта конкретная песня? Марк был изумлен.

«Ладно, Боже. Я тебя слышу. Я получил твой знак. Не нужно снова колотить меня по голове».

В уголках глаз начали собираться слезы. «Да-а... просите, и вы получите», — подумал он. Стоял прекрасный день. Весна тут наступает рано, она желанна после месяцев дождя и холода. Зацвел кизил, тут и там из земли пробивались нарциссы. В такой день вспоминаешь о пасхе и думаешь о новых начинаниях.

Началась служба, хормейстер попросил собравшихся встать. Марк, как всегда, посмотрел на прекрасный витраж с изображением Иисуса-пастыря. Глубокий красный цвет его мантии

контрастировал с белизной маленьких ягнят у него на руках и у ног. Марку всегда нравился этот образ Христа — кроткого защитника. Он больше всего соответствовал тому Христу, что жил в сердце Марка.

— Пожалуйста, раскройте свои песенники на странице пятьдесят девять. Наша первая песня на сегодня.

Зазвучала мелодия, и хор запел: «Это мир моего Отца...»

Марк схватился за спинку сиденья перед собой! Он дрожал, сердце бешено колотилось. «Я уже понял! — едва не закричал он вслух. — Спасибо! Я уже все понял!»

Теперь Марк уже не сомневался, что тот голос, который он слышит во сне и наяву всю свою жизнь, это голос Бога — голос, напоминающий о том, что Бог — это Бог любви... и деревьев, и гор, и морей, и океанов.

И это именно тот Бог, которого он рисовал в наилучших своих фантазиях.

Совпадение? В «Беседах с Богом» Бог говорила, что такая вещь, как совпадение, не существует. Если мы верим в это, если мы верим, что все происходит с определенной целью и по определенной причине, значит, мы уже па пути к постижению того, что называют непостижимой машинерией Вселенной.

Вещи большие и маленькие, вещи средние — все это Божьи вещи, и ни одна из них не существует просто так.

Случалось ли вам когда-нибудь молиться Богу звездной ночью (я имею в виду настоящую, *истовую* молитву), прося Ее: «О Боже, если Ты меня слышишь, пожалуйста, дай мне знать. Дай мне знать *как-нибудь*», — и в *этот самый миг* увидеть, как с неба упала звезда?

Случалось ли вам когда-нибудь плакать в сердце своем:

«Ах, мама, я знаю, что ты ушла из жизни в свое время, — ни раньше, ни позже. Но если бы я только мог знать, что тебе сейчас хорошо, что ты счастлива! Я бы все отдал ради того, чтобы ты просто пришла ко мне и дала знак», — и в этот самый момент вдруг почувствовал запах именно тех духов, которыми пользовалась ваша мать?

Позвольте спросить вас:

Не считаете ли вы, что такое происходит случайно?

Когда вам нужна помощь, когда разрывается сердце, когда болит душа, когда вы грустны и подавлены, вас мучает чувство вины, стыда или страха, когда вам нужно исцеление, заверяю, Бог вас не оставит.

В том или ином облике Он придет и поможет.

Может быть, в виде Ангела. Или Проводника. Или Голоса. Или вашего Высшего Я.

Или в виде вашего пса, который подошел лизнуть руку как раз тогда, когда вам нужно утешение.

Или в виде вот этой женщины, которая освобождает место парковки прямо возле здания, в которое вам очень нужно не опоздать.

Или в виде лани с олененком, которая пересекает дорогу как раз тогда, когда вам нужно подтверждение, что вы сделали все, что должны были сделать как мать...

20

ПОСЛАНИЕ ДЛЯ МАТЕРИ

Утреннее сентябрьское солнце косо било в ветровое стекло. Нэнси Хэмпсон ехала по шоссе N° 5 из Сиэтла в Олимпию. Почему-то всю дорогу она непрерывно размышляла о своей жизни.

Нэнси везла дочку в колледж.

Машина была загружена книжками и одеждой Джоан и кое-каким мелким оборудованием. Нэнси то и дело поглядывала на сидевшую рядом дочь. Девушка смотрела па дорогу, на лице — надежда и ожидание.

Нэнси помнила это чувство. Как прекрасно разделять с детьми такие моменты. А они-то и не узнают, насколько хорошо ты их понимаешь, пока сами не станут родителями.

Нэнси и сама много лет назад получила диплом бакалавра гуманитарных наук, но, вместо того чтобы заняться карьерой, посвятила себя материнству. Чтобы побольше внимания уделять дочерям, она нашла себе скучную бесперспективную работу, которую можно было выполнять на дому. И вот теперь ее преданность приносила плоды — девочки выросли здоровыми и счастливыми. Они вступали во взрослую жизнь с очень хорошими перспективами.

Нэнси давно предвкушала этот момент — ее последний ребенок отправляется на завоевание мира. Но она не думала, что ею овладеют такие противоречивые чувства. «Готова ли Джоан жить самостоятельно? Или, возможно, вопрос в другом: готова ли я остаться одна?»

Нэнси прокручивала в голове радостные и не очень радостные воспоминания о времени, пока подрастала Джоан, и в который раз принялась корить себя за два развода и частые переезды, но тут же подумала: «Слишком поздно казнить себя. Сделанного не воротишь».

И все-таки сожаление осталось. Нэнси глубоко вздохнула.

Свернув с автострады на тихую лесную дорогу, ведущую к колледжу, Нэнси заметила, что листья кленов начали желтеть. Скоро весь лес запылает красным и золотым. Ей нравилось это время года и эта часть страны — Северо-Запад, — где она в конце концов и поселилась. И сейчас ей бы быть спокойной и умиротворенной — как этот лес. Но нет. Она сегодня везет свою дочь навстречу новому приключению, навстречу новому жизненному путешествию.

Нэнси испытывала тот внутренний трепет, что знаком лишь матерям.

Заметив краем глаза какое-то движение слева, Нэнси резко затормозила. Из придорожных кустов вышла прекрасная лань, неспешно направилась к машине и остановилась всего в нескольких дюймах от них.

Боясь пошевелиться, Нэнси и Джоан смотрели, как вслед за мамой из леса вышла еще одна лань — совсем крохотная. Вначале дорогу перешла старшая, затем остановилась и дождалась малышку, защищая ее и указывая дорогу. Затем легонечко подтолкнула дочку, направляя ее в лес. Прежде чем скрыться в зарослях, лань обернулась и долгим взглядом посмотрела на Нэнси.

Нэнси смотрела на нее. Что-то их связывало.

Что-то... чувствовалось.

Что-то, что может связывать между собой только матерей.

Затем лань отвернулась и ушла в чащу, вслед за своим детенышем.

До сих пор Нэнси не осознавала, как близка она к тому, чтобы заплакать, но взгляд лани открыл в ней какие-то клапаны. Она осознала совершенство момента, и по щекам ее потекли давно сдерживаемые слезы. Сейчас ей довелось увидеть дивную метафору своего внутреннего конфликта, словно ее поставил для нес некий невидимый режиссер.

Конечно, она делала ошибки в жизни. Конечно, она не такая хорошая мать, как хотелось бы. Она много раз принимала спорные решения. Но, как и эта лань, она до сих пор вела свою дочку, старалась защищать ее, показывала дорогу, а теперь пытается помочь ей встать на собственный путь.

Покой и благодарность тут же заполнили сердце Нэнси, заместив в нем смятение. Вытирая слезы и включая мотор, женщина шептала Богу «спасибо» за этот дивный урок. И в сердце своем она пожелала маленькой лани и своей Джоан счастливого пути в будущее.

Мы все на пути в будущее. Сейчас, входя в новое тысячелетие, мы, подобно подростку, вступающему на свой жизненный путь, начинаем понимать вещи, о самом существовании которых всего несколько лет назад даже не знали. И вот мы готовимся отвечать на важнейшие вопросы жизни и разгадывать величайшие тайны Вселенной.

Мы с вами живем в очень юном обществе. Можно даже сказать — в примитивном. Однако мы уже стоим на пороге зрелости, скоро нам предстоит узнать, что значит быть взрослыми. Мы несем с собой в свое будущее необычайный, огромный потенциал. Для того чтобы встретить наше потрясающее завтра, у нас есть уже все, что нужно. У нас есть технологии и изобретательность, которая позволит создать новые технологии. У нас есть интуиция и способность развить еще большую интуицию. Все, что нам теперь требуется, — маленький толчок. Нужно просто подтолкнуть нас в правильном направлении.

Настало время выйти из зарослей, пересечь дорогу и исследовать лес с другой стороны.

Мы это можем. Это нам по силам. И становится еще легче, если знать и верить, что у нас есть помощь. Что у нас есть друг и партнер, что мы творим не в одиночестве. Что Бог на нашей стороне, он благословляет нас на путешествие, показывает дорогу, подталкивает в нужном направлении — и предлагает нам тоже подталкивать друг друга.

Эту помощь Бога я и называю *Моментами Благодати*.

Они принимают разнообразнейшие формы, нередко мы получаем их в самое неожиданное время, часто в самом удивительном месте, и это всегда совершенно.

Наша задача — не пропустить эти моменты. Более того, рассказать о них другим людям. Ибо один из лучших способов подтолкнуть друг друга — делать что-то для изменения коллективной

реальности, для развития нашего коллективного разума, для преобразования совместного опыта на этой планете.

Сейчас общество ограничено определенными представлениями о реальности, — представлениями, не всегда позволяющими четко видеть, что именно происходит в Моменты

Благодати, какие при этом задействованы энергии и каковы наши отношения с Божественным.

С одной стороны, религии говорят нам о том, что чудеса возможны, и учат в них верить. Но с другой — нам тут же говорят, что чудеса — явление необычное, экстраординарное, редкое. У нас есть шанс показать, что на самом деле все совсем наоборот.

Мне хотелось бы, чтобы однажды в каждом городе возникли огромные рекламные щиты с посланием из трех слов, которые могли бы полностью изменить представление людей о жизни:

ЧУДЕСА — ВЕЩЬ ОБЫЧНАЯ

Противоречие, не правда ли? Как может быть чудом что-то, что происходит каждый день? В этом-то красота послания. Оно опровергает опыт современной культуры. Оно говорит, что необычное обычно.

Это послание, которое не мешало бы прямо сейчас услышать миру. Людям не мешало бы знать, что все те необыкновенные духовные события, что описаны в Библии, Коране, Бхагават-Гите, Книге Мормона и всех священных писаниях всех традиций, вовсе не необыкновенны, но *происходят с каждым из нас постоянно*.

Возможно, настало время демистифицировать мистическое? Возможно, пора спустить Бога с небес на Землю. Ибо именно тут он и пребывает. На Земле. Как и на небесах.

Едва мы понимаем и по-настоящему узнаем, что Бог прямо *здесь* и *сейчас*, как Здесь и Сейчас широко раскрываются для самых необыкновенных возможностей.

Но история учит нас, что человеческая раса не приходит к пониманию этих истин просто благодаря религиозным учениям. Эти истины невозможно принять через *учение*. Их можно принять, лишь увидев воочию, что они отражают *реальный опыт людей*. Именно поэтому так важно делиться друг с другом опытом общения с Богом и рассказывать людям о своих Моментах Благодати — это становится для них толчком к осознанию. А поэтому в завершение этой книги я хочу сделать...

21

ПРИГЛАШЕНИЕ

Вопрос не в том, многие ли люди переживают Моменты Благодати в своей жизни. Вопрос в другом: что люди, пережившие такие моменты, делают потом?

Некоторые отметают чудеса, списывают их со счетов, молчат о них и даже пытаются забыть. Другие, например герои этой книги, и еще многие, кто мне писали, охотно делятся своими историями с окружающими. И тогда эти чудеса вдохновляют и учат многих, помогают им вспомнить что-то, что они знали всегда. Я думаю, это несет миру исцеление.

Однако зачем беспокоиться об исцелении мира, если — как сказано в «Беседах с Богом» — все и так совершенно.

На самом деле, когда мы что-то делаем (носим одежду, которую мы носим; ездим в машинах, в которых мы ездим; объединяемся в группы, в которые мы объединяемся; едим то, что мы едим; рассказываем истории, которые мы рассказываем), у нас лишь одна цель — решить, кто мы есть.

Все, что мы думаем, говорим и делаем, служит для выражения этого. Все, что мы выбираем и осуществляем, служит для проявления этого. Мы пребываем в постоянном процессе самовоссоздания в обновленной версии себя.

Мы делаем это в каждую минуту каждого дня, как па индивидуальном, так и на коллективном уровне. Некоторые — сознательно, а некоторые — неосознанно.

Осознание — это ключ. Осознание — это все. Если вы осознаете, что вы делаете, то можете изменить себя и мир. Если вы не осознаете, то не можете изменить ничего. Да, в вашей жизни и вашем мире многое изменится, но вы не ощутите, что имеете к этому какое-то отношение. Вы будете чувствовать себя наблюдателем. Пассивным свидетелем. Возможно, даже жертвой.

Это — не вы, но лишь то, что вы о себе думаете. Так бывает, когда вы создаете себя и свой мир бессознательно. Вы чем-то занимаетесь, вкладываете в мир свою энергию, но *совершенно не соображаете, что делаете*.

С другой стороны, если вы осознаете, если вы знаете и понимаете, что каждая мысль, слово и дело — это творческое сырье для вселенской машины, то видите жизнь совершенно иначе. Вы чувствуете себя как Джордж Бэйли в фильме «Жизнь прекрасна», который в конце концов понял, что каждый сиюминутный выбор в его жизни может в конце концов привести к самым невероятным результатам. Вы способны отойти в сторону от гобелена и увидеть красоту всего замысла. И вы понимаете, какое сложное переплетение ниток потребовалось для того, чтобы его сделать.

Если прямо сейчас мир такой, каким вы его хотите видеть, если он отражает ваши наивысшие мысли о себе и о людях как о виде, тогда нет никаких причин что-то «исцелять».

Если же вы недовольны тем, как обстоят дела, если вы хотите что-то изменить в нашем коллективном опыте, тогда, возможно, у вас есть причина рассказать свою историю.

Что касается меня, я вижу, что мы блуждаем по планете, храня в голове множество ложных мыслей о себе. Это Десять Человеческих Иллюзий, которые я упоминал в главе 8 и подробно обсуждал в книге «Единение с Богом». Эта книга также объясняет, как мы можем жить с этими иллюзиями, по не в них. И наконец, в этой книге показано, как мы все можем прямо пережить опыт единения с Богом в любой момент, когда испытаем потребность в этом.

Это хорошая вещь. Такая информация способна изменить мир. Но есть еще кое-что: никакие материалы книг из серии «С Богом» не стали бы доступны широкой аудитории, если бы их автор *we* захотел поделиться с миром, не захотел бы открыться, сказать во всеуслышанье изумительные вещи, сделать невероятное заявление о том, что вел такие беседы...

И дело не в том, что мне захотелось спеть себе хвалебную песнь. Я лишь хочу подтолкнуть всех *вас*, кто не сомневаются, что тоже ощущали прикосновение Божественного. Ибо если весь мир, как вы его видите, не отражает ваших высших представлений обо всех нас, *то вы можете выступить вперед, как это сделал я, и поделиться своими истинами, рассказать свою историю и поднять уровень Осознания в других.*

Сейчас у нас есть шанс перейти на новый уровень. Или же мы можем и дальше оставаться примитивной культурой и считать, что мы отделены от Бога и друг от друга.

Стоящие перед нами задачи обсуждает замечательный футуролог и провидец Барбара Маркс Хаббард в своей книге «Сознательная эволюция» (которая позже вышла под названием «Появление»). Барбара говорит, что впервые в истории человечества представители нашего вида не только наблюдают собственную эволюцию, но творчески управляют ею. Мы не просто наблюдаем свое «становление», мы выбираем, кем хотим стать.

Конечно, так было всегда, мы просто не знали об этом. Мы не осознавали, какую роль играем в эволюции своего вида. Глубоко погрязнув в иллюзиях и невежестве, мы считали себя просто «посторонними наблюдателями». Теперь многие уже видят, что мы делаем это сами.

Многие из нас просто изменили свое положение в Причинно-Следственной Парадигме и перешли из места под названием «следствие» в место под названием «причина». Однако если этот сдвиг не совершат очень и очень многие, то мы легко можем оказаться в положении других некогда великих цивилизаций, которые уже стояли на границе истинного величия, да так его и не достигли. Они создавали чудеса света и необыкновенные инструменты, позволяющие манипулировать миром, однако их технологии значительно обогнали духовный рост, и эти народы остались без нравственного компаса, без высшего понимания, они не осознавали, что делают, куда и зачем идут. И пришли к самоуничтожению.

Теперь человеческое общество стоит перед новой пропастью. Мы на самом краю. Мы на грани. Не все ощущают это. Однако это важно для всех.

Сейчас мы стоим на распутье. И с нынешними ограниченными представлениями о мире дальше двигаться опасно. Мы можем выбрать тот или иной путь, но если мы сделаем это не сознательно, то подвергнем риску будущее всего нашего вида.

Сейчас перед нами стоят более широкие вопросы, чем прежде, а поэтому нам нужны более широкие ответы, более широкие мысли и взгляды, мы должны оценивать более широкие возможности и перспективы.

Наши технологии уже привели нас на грань постижимого, и мы стоим над пропастью. Что дальше? Предстоит ли нам теперь сорваться вниз, навстречу коллективной смерти, или мы просто прыгнем с обрыва и полетим?

Мы уже способны клонировать различные жизненные формы, и только месяцы отделяют нас от возможности клонировать себе подобных. Расшифрован геном человека. Мы способны заниматься

генной инженерией, скрещивать животных с растениями, распускать ткань самой жизни и ткать ее заново.

Куда это нас приведет? Послушайте, что сказал Фрэнсис С. Коллинз, директор Национального Исследовательского Института Генной Структуры Человека, в интервью газете «Нью-Йорк тайме» за 16 февраля 2001 года:

«Я не удивлюсь, если в ближайшие тридцать лет некоторые люди станут настаивать, вслед за Стивеном Хокингом⁷, что нам следует сознательно позаботиться о собственной эволюции. Мы не должны довольствоваться своим нынешним биологическим статусом и способны усовершенствовать свой биологический вид».

И я говорю вам, что наступит время, когда людей, живущих так, как живем сейчас мы (открытых тому, что Шекспир назвал «стрелами жестокой фортуны», беспомощных перед капризами природы и законами биологии), будут считать не только примитивными, но и неразумными.

В «Беседах с Богом» сказано, что по изначальному замыслу люди могут жить вечно. Или по меньшей мере так долго, как им заблагорассудится. За исключением несчастных случаев, смерть не должна забирать людей прежде, чем они захотят сами, а тем более приходить к ним неожиданно. Огромное количество наших болезней, физических недомоганий, органических нарушений можно исцелить уже сейчас. Пройдет еще три десятилетия, и всего этого можно будет избежать. И что тогда?.

А тогда нам придется, полностью раскрыв свой разум, вновь обратиться к величайшим вопросам жизни, которые мы пока задаем робко и неуверенно, опасаясь совершить богохульство или согрешить. Я думаю, что наши ответы на эти вопросы определят, как мы станем использовать свои новые технологии и способности — и приведет ли это к чудесам или бедствиям.

Однако вначале нужно пробудить в себе желание хотя бы обратиться к этим вопросам. А мы их избегаем, — или, хуже того, высокомерно полагаем, что давно уже к ним обратились и даже получили ответы.

Разве?

Разве у нас есть ответы? Посмотрите, как работает мир. Затем решайте.

Я не думаю, что у нас есть ответы. Я думаю нам еще нужно кое-что исследовать. Вот вопросы, в которых, на мой взгляд, мы должны разобраться:

Кто и что такое Бог?

Каковы наши взаимоотношения с Божественным? Каковы на самом деле наши отношения друг с другом? В чем цель жизни?

Что есть жизнь и какое место мы в ней занимаем с точки зрения нашей души?

Есть ли такая штука, как душа? В чем смысл всего этого?

На этой планете нам не хватает того, что сэр Джон Темплтон назвал Теологией Смирения. Это теология, допускающая, что у нас нет всех ответов.

Кто или что может помочь нам принять такую теологию? Кто или что может подтолкнуть нас, как общество, снова обратиться к этим вопросам?

Вы. Вы можете.

Если вы пережили что-то подобное тому, что описано в этой книге, если с вами происходило что-то вроде того, что произошло с Джейсоном, и с Дженис, и с Дэнси, и с Троем, то вы можете превратить свой личный Момент Благодати в момент благодати для тысяч других людей, и в конечном счете для всего человечества. Ибо, **делясь своим духовным опытом с другими, вы тем самым обращаете их внимание на то, к чему все мы, как эволюционирующее общество, просто обязаны ныне обратиться.**

Разве у нас есть ответы на все вопросы о Боге? Разве мы знаем, кто и что такое Бог, чего Он хочет и какими путями это должно, на Его взгляд, произойти? И неужели мы настолько в этих своих «ответах» уверены, **чтобы убивать людей, которые с нами не согласны?** (А потом говорить, что Бог проклял их?)

Возможно ли, просто возможно ли, что мы чего-то обо всем этом еще не знаем, — не знаем чего-то, что могло бы все изменить?

⁷ Один из самых выдающихся физиков современности «Человек без тела» — он полностью парализован, и практически ничего, кроме сознания, у него не работает. Общается с миром при помощи компьютера. Автор книги «Краткая история времени», где обычным человеческим языком, без сложных формул и графиков, излагает то, что физики узнали о мире, пользуясь языком математики — Прим переводчика колбасы и сала.

Да, конечно, это возможно. И понять это нам помогут люди, которые все чаще без утайки говорят о своих собственных беседах с Богом и взаимоотношениях с Божественным.

Итак, друзья мои, настало время выбираться из чулана. Настало время поднять руку и рассказать свою историю, прокричать правду, поделиться своим глубочайшим опытом, и пускай слушающие изумленно поднимут брови. Потому что, когда поднимаются брови, вместе с ними поднимаются и вопросы. Вопросы о том, Как Все Есть; вопросы, которые *необходимо поднять*, если человеческая раса собирается пережить то, что Барбара Маркс Хаббард называет «emergence»⁸.

Позвольте мне рассказать вам об интересной теории, которую выдвинула замечательный философ Джин Хьюстон в своей последней книге «Время Прыжка». Думаю, сейчас это уместно.

Госпожа Хьюстон высказала идею о том, что человеческая раса не эволюционирует постепенно, в течение многих лет, но, скорее, в продолжении больших промежутков времени стоит на месте, а затем, в мгновение космического ока, совершает внезапный скачок вперед, — семимильные шаги развития, которые чуть ли не за одну ночь выводят нас на совершенно новый уровень. Затем жизнь опять возвращается к застою на сотню, или тысячу, или миллион лет, пока постепенно не накопится энергия для нового вулканического извержения — не наступит новое Время Прыжка.

Далее госпожа Хьюстон выдвигает теорию о том, что Время очередного Прыжка наступает именно сейчас. Она утверждает, что все готово к очередному качественному эволюционному скачку.

Я с ней согласен. Я вижу то же самое. Я искренне думаю, что почувствовал это. Почувствовал, как это приближается. Многие почувствовали. Барбара Маркс Хаббард почувствовала. И Марианна Андерсон. И Дипак Чопра. Многие. Возможно, и вы тоже.

А для того, чтобы подготовить к этому прыжку и других людей, чтобы они не остались позади, я думаю, мы должны делать вот что. Мы должны делиться своими знаниями о священном, знаниями, которые мы получили в самые священные мгновения своей жизни. Ибо именно в эти священные мгновения, в эти Моменты Благодати, священные истины *обретают реальность* для всей культуры. И именно *проживая* эти *наисвященнейшие* истины, культура развивается в ногу с эволюцией Вселенной. Если же прожить эти истины *не удастся*, культура угасает.

Но давайте внесем ясность. Я не предлагаю заставлять кого бы то ни было во что-то поверить. Я не предлагаю обращать кого-то в свою веру или даже убеждать в чем-то. Я просто предлагаю делиться опытом, а не утаивать его. Ибо мы хотим не угасания, но развития.

Давайте снова станем по ночам собираться у костра и рассказывать друг другу истории своего сердца. Вот к чему я вас призываю. Давайте заварим травы, испечем лепешек, усядемся в круг и поведаем свои истории, даже если они кажутся немного странными. *Особенно* если они кажутся немного странными. Разве не за этим люди собираются вокруг костра?

Сегодня наш костер — это Интернет. Это и есть пламя, которое взметнет наши рассказы высоко в небо, и ветер разнесет их, как парящие искорки, во все концы света.

Да, Интернет, и еще хорошие книги. Хорошая книга подобна хорошей ночи у костра — она запоминается.

И еще есть старые добрые личные беседы, от которых остается впечатление, будто вы посидели у костра, где бы они ни происходили. И поэтому они оставляют самый глубокий след.

Давайте расскажем друг другу, что для нас важно, что с нами происходит, что мы видели и пережили в жизни. Давайте поделимся своими сокровеннейшими истинами о Боге, о себе, о духовности, о любви, о высшем зове жизни — о зове, который будоражит душу и дает нам подтверждения того, что душа действительно существует.

Я думаю, мы слишком мало беседуем о таких вещах. Мы смотрим телевизор, читаем биржевые сводки — «как там поживают все эти ловкачи?». Мы живем всем этим бредом по десять, и двенадцать, и четырнадцать часов в сутки, а затем еле доползаем до постели и пытаемся найти в себе огонь для настоящей беседы, для действительно значительного и близкого общения с человеком, который делит снами ложе, но обычно нам едва хватает пыла, чтобы пожелать спокойной ночи.

Многие люди слишком давно ни с кем ни о чем не беседовали по-настоящему. Я говорю о том, что Джин Хьюстон назвала Глубоким. Диалогам. Об обнажении. О наготы. Не об эгоцентрической

⁸ Англ. — выход, появление, возникновение, выход на поверхность, выявление, проявление

болтовне, но об обмене опытом, об откровениях, о раскрытии тайн, о пробуждении разума и сердца — о потоке душевных энергий.

Давайте наладим связь прямо сейчас. Давайте начнем обращать внимание на множество и множество своих Моментов Благодати и станем *называть их так*, чтобы, *проживая* жизнь, не *пропустить* ее.

Я называю это Приглашением. Оно исходит не от меня, но от Космоса.

Это Жизнь приглашает Жизнь рассказать Жизни о Жизни.

Если мы примем это Приглашение, возможно, нам придется идти против течения. Возможно, наши слова покажутся многим странноватыми, и нас будут называть чокнутыми. Возможно даже, мы станем объектом для насмешек.

Такова цена.

Таков тариф.

Такова плата за Возвращение Домой.

В заключение

Если вы хотите поделиться с миром личной историей о Моменте Благодати и тем самым помочь изменить мир, пишите по адресу:

Moments of Grace Personal Stories PMB 1144

1257 Siskiyou Blvd. Ashland, OR 97520

Или электронной почтой: moment.sofgrace@cwg.cc

Не волнуйтесь о чистоте слога и способности выражать свои мысли. Просто расскажите. С вами поработает наш замечательный редактор Рита Кертис. Она найдет слова, которые наиболее точно передают ваш опыт и переживания, — как она сделала с рассказами людей в этой книге.

Не все истории мы сможем использовать, — есть определенные требования к объему и содержанию. Ваш рассказ может быть опубликован в следующей книге цикла «Моменты Благодати» или в нашем журнале с таким же названием. Вдобавок, избранные рассказы будут отредактированы и помещены на нашей страничке во всемирной сети: **www.momentsofgrace.net**

Ниже приведены некоторые моменты, которые следует учитывать, предлагая нам свой рассказ:

Мы рассмотрим реальные истории, о случаях, когда важную роль в вашей жизни сыграл Бог, или ангелы, или проводники — в общем, некая высшая сила, как бы вы ее ни называли.

Если вы не хотите называть свое имя или город, в котором живете, то ваш рассказ имеет гораздо меньше шансов увидеть свет.

Мы свидетельствуем о Божьих деяниях, и когда люди читают о чем-то невероятном и неправдоподобном, они иногда склонны сказать: «Чепуха, такого быть не может Нил сам сочиняет все эти истории». Нашим читателям нужно знать, что все эти истории реальны. — а реальны они именно потому, что за каждой из них стоит реальный человек, который может встать и сказать: «Да, это действительно произошло со мной!» Поэтому, пожалуйста посылая нам свои рассказы, сразу же пишите, что вы готовы позволить нам упомянуть ваше настоящее имя (а также, при необходимости, отредактировать ваш рассказ).

Если в вашей истории есть что-то, о чем вы не хотели бы рассказывать, просто опустите эти моменты. Но помните, что одна из причин, почему так трудно изменить доминирующий в нашем обществе взгляд на Бога, состоит как раз в том, что многие люди, в чью жизнь непосредственно вмешивался Бог, не хотят никому об этом рассказывать именно потому, что их смущают некоторые детали. (Я мог бы и не говорить, что если бы сам руководствовался этими соображениями, то не написал бы ни одной из своих книг.)

Не будут использованы истории, в которых может содержаться скрытая реклама товаров или услуг.

Истории, рассказывающие о Моментах Благодати, как-то связанных с книгами «Беседы с Богом», могут быть использованы лишь в редких, особенно интересных случаях. Ибо использование таких историй (а к нам они приходят сотнями) может быть воспринято как самореклама с нашей стороны.

Я продвигу огромный поток историй и связанное с этим колоссальное движение личной энергии. Я верю, что люди во всем мире давно уже ждали возможности встать и объявить о своей

божественности. Я предвкушаю конференции, ежегодные съезды и собрания всех уровней, на которые станут собираться люди, пережившие Моменты Благодати и желающие поделиться друг с другом своим опытом. Я предвижу интервью в средствах массовой информации и серьезные исследования со стороны различных церквей. Я даже представляю себе значки и наклейки на бамперах со словами:

У ТЕБЯ СЕГОДНЯ БЫЛ МОМЕНТ БЛАГОДАТИ?

Я представляю себе пробуждение всего мира. И это сделаете вы. Не я, но все ем. Потому что вы видите, что пора.

И, думая об этом, вы понимаете, что это может стать величайшим в истории человечества...

Моментом Благодати. Благослови нас Бог.

Нил Доналд Уолш Эшланд, Орегон Февраль 2001

Об авторе

Нил Доналд Уолш — автор книг «Беседы с Богом» (книги 1, 2 и 3), «Дружба с Богом» и «Единение с Богом». Все эти книги попали в списки бестселлеров «Нью-Йорк тайме», причем книга 1 «Бесед с Богом» оставалась в этом списке в течение двух с половиной лет. Эти книги переведены на 24 языка мира. Кроме того, он написал 10 других книг, где более подробно рассмотрел некоторые вопросы, поднятые в предыдущих работах.

Он с женой Нэнси живет в Эшленде, штат Орегон. Вместе они создали некоммерческую организацию «ВосСоздание» (ReCreation), чья цель состоит в том, чтобы вернуть людей к их истокам. Уолш постоянно путешествует по миру с лекциями, посещая места духовного уединения, подтверждая и распространяя послания, содержащиеся в его необыкновенных книгах.

Информацию о его организации можно найти в Интернете по адресу:
www.conversationswithgod.org

Аудиовариант «Бесед с Богом» на английском языке можно найти по адресу:
www.cwgRadio.com